ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советская КУЛЬТУРА

№ 32 (6756)

11 августа 1990 года

Основана в ноябре 1929 г. Еженедельная газета Центрального Комитета КПСС Цена 15 коп.

«СК» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Защитить человека

«Человечество, создавшее духовную и материальную культуру, нуждается сегодня в том, чтобы культура защитила человека» — об этом размышляет доктор философских наук Владимир Егоров.

3 страница

Власть мертвая и власть живая

«Смуту и разложение власти, как это ни парадоксально звучит, порождает сама власть. Как и сказочная вода — живая и мертвая, — власть тоже бывает мертвящей и оживляющей», — считает публицист Вячеслав Костиков.

4 страница

Когда поет Тальков...

Сегодня его имя известно миллионам зрителей и слушателей. Талантливый поэт, композитор, певец. И еще — художник из числа тех, кто, «не отклоняя от себя на единого удара», продолжал и продолжает будить сердца и умы своих соотечественников.

О судьбе Игоря Талькова рассказывает очерк в рубрике «Портрет».

11 страница

АКТУАЛЬНО

ВОЗВРАЩАЯ ДОЛГИ

Правительство страны приняло постановление, приближающее сроки введения новых условий оплаты труда для работников культуры, здравоохранения, социального обеспечения и народного образования. Более чем у 6 млн. человек уже в следующем году зарплата повысится в среднем на 30—35 процентов.

Первыми, пожалуй, были эстонцы. Задолго до того, как Совмин СССР пересмотрел самим же собой первоначально установленные сроки повышения окладов труженикам непроизводственной сферы, в этой республике сделали решительный шаг. Объяснения, данные, в частности, в Министерстве культуры СССР, были предельно лаконичными: не понимать, что сегодня состояние культуры — это показатель нравственного здоровья нации, знак ее престижа,—значит не понимать ничего. Суверенитет в конце концов заключается и в этом.

Похоже, что вторыми были белорусы, причем обсуждение этого вопроса по существу совпало во времени с повышением оклада работникам аппарата. Видно, это последнее решение показалось там не очень красивым без первого. «Это был прекрасный нравственный пример»,— комментирует сегодня белорусский опыт руководство главного управления культурно-массовой работы союзного Министерства культуры...

Думаю, не ошибусь, если предположу, что столь угодное нашим культработникам решение Совмина оказалось в значительной мере «спровоцированным» этим добрым и долгожданным поветрием, ворвавшимся в обездоленное бытие нашей культуры. Мордовия, Карелия, Куйбышев, Москва, Тверь...

К этому нужно было прийти, к горькому осознанию печального факта, что еще несколько месяцев назад у нас — в единственной стране мира! — в принципе не существовало понятия муниципальной культуры. Недавние кудельные князьки на местах вспоминали о своем театре или клубе не чаще, чем приспичивало собраться на очередное торжественное заседание и произнести очередной доклад о духовном совершенстве новой исторической общности людей. О людях, что трудились в этих клубах и театрах, не вспоминали вовсе.

Вспомнили новые Советы. Пожалуй, подсказала и известная пятиминутная забастовка, на которую решился министр Николай Губенко. А главное, переориентировалось-таки общественное мнение, без чего, убежден, музейщик-краевед еще долго бы кормился на 90 руб. в месяц.

Что тревожит? Это очень нужное решение Совета Министров может оказаться камнем преткновения для каких-то регионов, все еще не пришедших к мысли, что ни нашим медикам, ни актерам, ни клубным работникам, ни учителям так дальше жить нельзя. (Нам с вами нельзя так жить дальше!). Только, думается, что новые условия хозяйствования, самоуправление, за которые так ратовали на местах, как раз и позволяют не оставить своей заботой впредь эту непроизводственную сферу, столько времени бывшую нам кредитором с адским терпением. Стыдом нашим бывшую.

И еще. Именно новые условия хозяйствования подталкивают некоторые промышленные предприятия к решениям, противоположным тем, о которых идет речь. «Коллективный эгоизм» иных трудовых коллективов диктует немыслимое: вообще отказаться от собственного клуба или Дома культуры! Лишить ребятишек их кружков, секций... И зарабатывать, зарабатывать...

Противоречив телетайп нынешнего лета.

Из Ленинграда между тем пришло известие: вот-вот и там помогут своей культуре, изыскивают средства. А вот Тверь... Тверь, вспомним с 1 июля с. г. о своих культпросветработниках, именно в день возвращения своему городу исторического имени вдруг решила выставить на улицу... областное отделение Советского фонда культуры, о чем представители творческой интеллигенции заявили в прессе решительный протест. Очень хочется верить, что протест этот будет услышан — слух на такие вещи в Твери должен быть куда острее, чем в недавнем Калинине.

...Несколько дней назад примерно на 40 процентов подняли зарплату еще 37 тысячам человек. На сей раз работникам библиотек, музеев, театрально-зрелищных предприятий, клубных и детских дошкольных учреждений Азербайджана. Указом Президента республики. Одним из первых его указов...

В. ПОТАПОВ.

Наш фотокорреспондент Константин Корнешов только что вернулся из Армении. Его снимки запечатлели то, что довелось ему увидеть. Шлагбаум на границе (между республиками, входящими в СССР). Как ни печально, этот факт наших дней уже не вызывает удивления. А вот — бастуют... абитуриенты. Они не зачислены в вузы и считают, что несправедливо...

О проблемах, стоящих перед республикой и ее руководством, — корреспонденция Иосифа ВЕРДИЯНА «Поживем — увидим». (Читайте на 8-й стр.).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

КУЛЬТУРА ДЕМОКРАТИИ ИЛИ КРАЙНИЕ МЕРЫ?

Что думает по этому поводу Председатель Верховного Совета Украины Л. М. КРАВЧУК

Что ни говорите: не позавидуешь человеку, первый день работы которого в новой должности начинается с ЧП. Не одним, а, по самым скромным подсчетам, даже несколькими событиями, всколыхнувшими не только Киев, но и всю республику, «ознаменовалось» вступление в должность Председателя Верховного Совета Украинской ССР Л. Кравчука.

24 июля с утра забастовали электротранспортники столицы Украины. Их требования в основном были удовлетворены к концу того же дня. А потом притормозили киевские троллейбусы: их движение перекрыли горожане, собравшиеся на Крещатике по случаю поднятия у горисполкома сине-желтого полотнища...

— Леонид Макарович, каково ваше отношение к происшедшему?

— Внутренняя культура человека и культура его поступков, безусловно, взаимосвязаны, что нашло еще одно подтверждение в событиях, о которых вы вспомнили. Что тут можно сказать — увы, у многих сегодня отсутствует элементарное уважение к закону. Причем не только у тех, кто бастовал или включился в несанкционированные действия, но и у представителей верхних эшелонов управления, проще говоря — у начальства. Ведь забастовки киевских электротранспортников просто бы не было, если бы работники горисполкома ответственно и своевременно реагировали на запросы водителей трамваев и троллейбусов. Вот и получается, что ситуацию, парализовавшую весь трудовой Киев, в горисполкоме и горкоме партии разглядели лишь после того, как транспортники пошли на крайние меры. Начал действовать с явным опозданием и горком партии, принял по старой схеме разносное постановление.

— Так речь идет о своевременности реакции властей на происходящие события или проблему надо ставить шире — говорить о предназначении, культуре стратегии!

— Как вы помните, тот день завершился массовой манифестацией киевлян перед горисполкомом. И реакция на подъем сине-желтого флага свидетельствовала именно об отсутствии должного понимания как в верхних, так и в нижних звеньях последовательности приоритетов, уважения к закону. Ведь решение вопроса о национальной символике относится исключительно к компетенции высшего органа государственной власти в республике — ее Верховного Совета.

Киевлян, как и жителей многих городов и сел страны, волнуют прежде всего вопросы роста преступности, недостатки в торговле, множество дефицитов — от продуктовых до бензиновых, в столице Украины дает себя знать неразбериха с ремонтом жилого фонда, восстановлением дорог... Подъем этого флага в центре Киева означал, помимо всего прочего, простое неуважение к городским властям (ведь не было же соответствующего решения президиума Киевсовета!). В итоге сине-желтое полотнище при огромном стечении людей, перекрывших движение на Крещатике, было поднято, но проблемы, о которых шла речь выше, и по сей день остаются нерешенными.

Сейчас, когда принятая недавно Верховным Советом УССР Декларация о суверенитете Украины предоставляет дополнительные возможности для решения многих животрепещущих проблем, пользоваться этим, уверен, следовало бы с большей осмотрительностью и осознанием последствий, которые не могут не иметь широкого общественного резонанса после иных непродуманных решений.

Характерная деталь: против беззакония, конфронтации уже выступают не только отдельные граждане или жители улиц, районов, но и целые организации. Причем, как ни парадоксально, они вступают в принципиальный спор порой даже со своими бывшими добрыми соседями. События в Червонограде на Львовщине — тому подтверждение. Там на сессии горсовета речь шла о демонтаже памятников В. И. Ленину и К. Марксу, выселении горкома партии из помещения, являющегося собственностью Компартии Украины, деполитизации предприятий и организаций, ликвидации на них парткомов и комитетов комсомола, прекращении деятельности комсомольских и пионерских организаций в школах города. Не раз произнесенные на сессии той слова о демократии, гласности и плюрализме на деле обернулись тем, что, скажем, представителям совета ветеранов войны и труда, которые пытались изложить свою точку зрения по этому вопросу, слова так и не предоставили.

Очевидно, червоноградская сессия, ничтоже сумняшеся, «сдвинула» очередность приоритетов, занявшись рассмотрением сугубо политических вопросов в ущерб экономическим. Мало того, сделала ставку на разжигание политических страстей. Это мнение, с которым группа червоноградцев-коммунистов приехала в Киев, чтобы проинформировать о сложности ситуации Верховный Совет УССР, Прокуратуру республики, ЦК Компартии Украины. Оно встречено здесь с пониманием.

— А как защищаются конституционные права человека при такого рода событиях?

— В любой самой острой ситуации эта проблема защиты прав человека должна стоять на первом плане. Без этого демократия может выродиться в охлократию — власть толпы. Это требует и мужества, и организованности со стороны коммунистов. Ибо сегодня мы наблюдаем попытки развязать антикоммунистическую кампанию, «охоту на ведьм» — чрезвычайно опасные, на мой взгляд, симптомы в ситуации нестабильности. С другой стороны, конечно, важно проявлять терпимость к другим мнениям, если в своей основе они носят характер социалистический.

Не так давно, еще работая секретарем ЦК КП Украины, я встречался с представителями Демократического блока, многие из которых избраны народными депутатами УССР. Им была обещана поддержка руководства республики с тем, чтобы полнее использовать потенциал Демблока в работе парламента республики. Сегодня они плодотворно трудятся во многих постоянных комиссиях Верховного Совета УССР. То есть в этой ситуации, которую кое-кто пытался

(Окончание на 3-й стр.).

Фото В. Марущенко.

Город, который я люблю

О своем родном городе Николаевске-на-Амуре, которому исполняется 140 лет, рассказывает журналист Евграф Кончин.

15 страница

Номер подписан по графику в 14.00 10 августа.

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О РЕГИСТРАЦИИ ИЗДАНИЙ

Н. Суханов, Пенза:

— С удивлением узнал, что регистрация газеты или журнала обходится в 2.000 рублей, без различия — новое это издание или такое, что было «зарегистрировано» еще при царе-батюшке.

Получается, что тысячи изданий, которые десятилетиями выходили и будут (я надеюсь) выходить впредь, за формальный акт регистрации должны внести в казну миллионы рублей. Может, для пополнения бюджета стоило бы в будущем проводить такую регистрацию ежемесячно?

ОБ ОШИБКЕ АВТОРА «СК»

Р. Власова, Москва:

— В номере за 14 июля Ю. Покрас пишет, что Книжная палата была основана в 1920 году Лениным. Но ведь это не так! Всесоюзная Книжная палата основана 27 апреля 1917 года на основании постановления Временного правительства (см. Собрание Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, от 15 мая 1917 г.), в котором говорится: «Учредить Книжную Палату на нижеследующих основаниях: 1. на Книжную Палату возлагается регистрация всей текущей печати в России... 2. Книжная Палата ведет научную систематическую регистрацию всего печатного материала на русском языке».

О СПАСЕНИИ УРОЖАЯ

А. Юрьев, Москва:

— Считаю, что поскольку наши кооператоры так же, как и все остальные граждане страны, регулярно ходят в государственные магазины за хлебом, молоком, овощами и другими продуктами, то и они должны внести свою посильную лепту в оказание помощи сельским труженикам по уборке суперурожая-90.

И. Ласточкин, культработник, пос. Советский, Марийская АССР:

— Уместны ли сегодня слова, дискуссии, дебаты с трибун в такую пору, какой является для всей страны страда, когда речь о поголовной мобилизации всех людей села и города, военнослужащих — вплоть до объявления чрезвычайного положения? Нужны не разговоры, а дело. И застрельщиками в этой трудовой вахте должны стать, на мой взгляд, народные депутаты, особенно сегодня, когда каждый день говорится о повышении роли Советов.

О ПРОБЛЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

М. Алексашин, Московская область:

— Трудно поступить в вуз, а окончив его, трудно получить работу по специальности. Вместо конкурсных экзаменов в институт ввели бы собеседование, где выяснялась бы профессиональная пригодность абитуриента. А в процессе обучения выбирали бы лучших, ведь нельзя «тянуть» до окончания института «средних» студентов, которые станут потом «средними» специалистами. Отсев из вуза — вещь нормальная, и не надо его бояться.

О ДЕФИЦИТЕ

А. Крадов, Москва:

— Предприятиям невыгодно выпускать дешевую продукцию, и они в условиях хозрасчета переключились на выпуск более дорогой. Мне кажется, в случае сокращения производства необходимых всем лекарств (по неуважительной причине) надо применять меры экономического воздействия: облагать производственников дополнительным налогом.

О ПЕНСИЯХ

А. Светлов, Москва:

— Очень хорошо, что законодатели ввели социальные пенсии, которые будут получать люди, не имеющие трудового стажа. Но непонятно, почему пенсионный возраст в данном случае — 65 лет для мужчин и 60 — для женщин? Вряд ли их здоровье лучше, чем у тех, кто стаж имеет.

О ПОМОЩИ СТАРИКАМ

М. Марченко, Москва:

— Очень небольшая часть одиноких пенсионеров получает необходимую социальную помощь. Решение проблемы во многом мог бы взять на себя комсомол. Во-первых, членов ВЛКСМ значительно больше, чем одиноких пенсионеров. Во-вторых, значительная часть комсомольцев годами не имеет никаких поручений.

О СУДЬБЕ УГОНЩИКОВ САМОЛЕТОВ

А. Михайлов, Москва:

— Слышал, что некоторые из угонщиков, справедливо выданных советским властям, объявляют голодовки. И находятся «святые души», выражающие им сочувствие.

Мне трудно судить, с чем связан рост числа угонов самолетов за последнее время. Вероятно, наши аналитики еще скажут свое слово об этом явлении. Но ясно одно: безопасность жизни пассажиров должна быть абсолютно гарантирована. А что касается судьбы самих угонщиков, то судебные процессы над ними должны проходить при самой широкой огласке.

ОБ ОДНОЙ ОЦЕНКЕ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Ю. Афанасьев, геофизик, Москва:

— Хотя интересное — не уродливо, а уродливое—интересно, пожалуй, только в кунсткамере, тем не менее народный депутат СССР А. Мурашов в своей статье «Межрегиональная депутатская группа» («Огонек», № 32), сообщив читателям, что «собрания МДГ проходят не менее интересно, чем сами Съезды», затем в конце статьи довольно неожиданно охарактеризовал Съезд народных депутатов СССР как «уродливое детище перестройки»...

По рубрике дежурили А. Гаспарян и М. Симонова.

Тел. 285-77-42 (с 11 до 16 часов).

УКАЗ

Президента Союза Советских Социалистических Республик

О присвоении звания Героя Социалистического Труда тов. Бинеш М. Л.

За выдающиеся заслуги в развитии и пропаганде советского музыкального искусства, плодотворную общественную деятельность присвоить солистке Молдавского государственного академического театра оперы и балета имени А. С. Пушкина Бинеш Марии Луцьяновне звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Президент Союза Советских Социалистических Республик М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль.
3 августа 1990 г.

Фото ТАСС.

В ПРЕСС-ЦЕНТРЕ ЦК КПСС

«НЕ ЧИТАЛ, НО ТВЕРДО УВЕРЕН»

«Что характерно, коммунисты не знают, не читают документов XXVIII съезда КПСС. В этом, кстати, особенность и парадокс нынешней ситуации в обществе. Мы говорим о политизации населения, но бо́льшая его часть делает выводы, выносит скорые приговоры, опираясь не на собственные знания, а на слухи, домыслы, разговоры,— такими впечатлениями от поездки по районам Кузбасса делился на встрече с советскими и иностранными журналистами член ЦК КПСС, первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист» О. Лацис.

Анализу документов, принятых XXVIII съездом КПСС, была посвящена очередная пресс-конференция в пресс-центре ЦК КПСС, в которой, помимо О. Лациса, участвовали заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС В. Рябов, секретарь парткома НИИ технологии автомобильной промышленности В. Ляхишев.

Разговор на встрече вышел за рамки объявленной темы. Журналистов интересовали и прогноз участников пресс-конференции на второй этап Учредительного съезда Компартии РСФСР, и их отношение к частной собственности, и оценка ими роли демократических сил в партии.

Нет ли противоречия в том, что на митингах с критикой КПСС выступают сами коммунисты? Будет ли партия детально разрабатывать программу перехода к рыночной экономике? Правомерно ли наличие в анкетах графы о членстве в партии?

Ответы на каждый из этих вопросов, дополняя друг друга, создавали довольно целостное представление о том, как нелегко идут процессы перехода от однопартийной системы, при которой в одной партии вынужденно оказывались люди разных взглядов, к многопартийной, от государственной партии — к нормальной, цивилизованной партии.

Л. АВДЕЕВА.

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМИКОЙ

С «КОРЗИНОЙ» — НА РЫНОК

Почти сорок миллионов граждан в нашей стране имеют среднемесячный доход менее семидесяти пяти рублей в месяц. Миллионы работающих в непроизводственной сфере «сидят» на фиксированной зарплате. Как изменится их финансовое самочувствие при переходе к рыночным отношениям? Будут ли компенсированы все материальные издержки? Как сложится судьба безработных? Об этом шел разговор на пресс-конференции председателя Государственного комитета по труду и социальным вопросам СССР В. Щербакова.

На встрече сообщалось: пока трудно назвать точную сумму средств, которая потребуется для социальной защиты населения. Размер ее, механизм выплаты, эффективность помощи будут зависеть от того, какой вариант перехода к рынку будет избран. Но в любом случае уже сегодня необходимо утвердить состав минимума необходимых товаров и услуг — так называемую «потребительскую корзину», определить ее стоимость и в зависимости от этого вести индексацию доходов. По предварительным прикидкам, сегодня в эту «корзину» входит триста наименований товаров и услуг, а стоимость ее, то есть прожиточный минимум, по данным Госкомтруда, составляет 84 рубля (по расчетам Госкомстата — 80 рублей, ВЦСПС — 97 рублей).

Уже сегодня принимаются меры для того, чтобы приблизить доходы малоимущих к этим цифрам. Размеры всех пособий привязываются к размерам минимальной заработной платы. Увеличится зарплата — увеличатся пособия.

Если говорить об общих принципах политики социальной защиты в рыночных условиях, то сформулировать их можно так. Для работающих в производственной сфере будут сняты все ограничения в оплате труда. За классную работу — высокий заработок. Издержки от повышения цен будут погашаться самим производством. Работникам же непроизводственных сфер средства будут компенсироваться за счет государственного бюджета.

Л. КОНОНОВА.

ЯРОСЛАВЦЫ НАЧИНАЮТ И...

...Думаю, они выиграют, приняв неординарные меры по проблемам продовольствия и села. Не убоявшись терминов, отклоненных на недавнем заседании Президиума Совета Министров СССР, Ярославский областной Совет народных депутатов во имя спасения урожая-90 объявил на своей территории чрезвычайное положение.

На хлебную ниву и в овощную борозду призваны рабочие и деятели культуры, студенты и ученые, военнослужащие и школьники старших классов.

Но от той, что предлагалась на Совмине страны, ярославская чрезвычайка отличается узаконенной здесь десятиной. Это значит, что, например, художнику или артисту Театра имени Ф. Волкова теперь вовсе не обязательно идти за свежей картошкой на базар. Он может ее заработать. Порядком предусмотрено, что любой участвующий в уборке урожая десятую часть заработанного может взять натурой. И не сразу, а частями и в любое удобное время.

А главное воспользовавшись ситуацией, Ярославский областной Совет смог принять опережающие решения по развитию фермерских хозяйств. Их создание признано приоритетной среди мер совершенствования производственных отношений в АПК области. Не дождавшись принятия соответствующих республиканских законодательных актов, получить землю здесь могут и крестьянские хозяйства, и сельскохозяйственные кооператоры, и акционерные общества.

Выходящие из коллективного хозяйства имеют право на свою долю его основных фондов или их денежный эквивалент. Преимущество при выделении земли и техники, банковских кредитов пока, естественно, получают сельские жители, а из них те, кто имеет опыт работы в поле или на ферме, специальное образование и возраст до 50 лет. Но, поскольку таких немного (сейчас в области на одного трудоспособного селянина приходится 23 городских едока), к фермерству приглашаются и горожане. Областной Совет призвал активно участвовать в создании фермерских хозяйств предприятия и организации. В этих случаях они освобождаются от соответствующей части платежей в местный бюджет. Не будет взиматься и налог с той части прибыли, которую они получат от реализации товаров и услуг фермерам.

В. ИОНОВ.
(Наш соб. корр.).

ЯРОСЛАВЛЬ.

БУМЕРАНГ

ОТ ИМЕНИ ПОДПИСЧИКОВ

Куйбышевские почтальоны вслед за пермскими и некоторыми другими объявили воскресенье своим единым выходным днем. Воскресные выпуски газет придут к читателям только на другой день.

Ваша газета (номер от 16 июня с. г.) пером собкора А. Праздникова ратовала за улучшение режима и оплаты труда почтальонов. Без этого якобы невозможно улучшить доставку периодических изданий подписчикам.

Мы, владельцы абонементов на газеты и журналы, конечно, не против роста благосостояния связистов. Тем более если это поможет почте работать более оперативно и доброкачественно.

Не знаю, может, вашему собкору вчерашние новости больше по душе. Есть любители и на рыбу с душком! Нам же этот товар — новости — предпочтительнее «с пылу, с жару». Нововведение наших почтальонов явно идет вразрез с основным правилом связистов всего мира — доставлять адресатам отправления и корреспонденцию в кратчайшие сроки.

Но дело сделано. Теперь наша связь хоть в этом вопросе впереди планеты всей. А нам, обслуживаемым, остается только гадать: кто подхватит ценный почин первым? Кто разовьет его до всесоюзного масштаба? Хлебопеки? Среди них, как и среди почтальонов, большинство женщин, а производство у них тоже непрерывное. Доярки? Общепит? Транспортники? Радио и телевидение? Сельские механизаторы? Телеграфисты? Металлурги? Пожарные? Пограничники? Продовольственная торговля? Милиция?..

Да, у нас скрытых резервов не перечесть. Едва не треть трудоспособного населения, в том числе почти вся сфера обслуживания, трудится по воскресеньям, блюдя наше благо и наше удобство. И лишь почтальонам эта ноша не по силам.

И. КАЛЯЕВА,
учительница.

КУЙБЫШЕВ.

ПОСТФАКТУМ

В Лужниках состоялся митинг, организованный всесоюзным советом общества месхетинских турок «Ватан». 10 августа они соберутся в городе Сочи, откуда совершат мирный поход на историческую родину — Месхетию-Джавахетию.

Сегодня страна очищается от плевел сталинизма. Но наше время обкажет и новые раны — многие из этих народов стали жертвами национальных конфликтов, многие лишились родного очага, превратились в беженцев.

Что их ждет дальше? Трудно ответить на этот вопрос. Но известно одно: чтобы снова выросло большое дерево, чтобы саженец пустил в землю глубокие корни, необходимо время. Много времени...

Фото А. Тягны-Рядно.

СИГНАЛ «SOS»!

С КУВАЛДОЙ НА АЭС?

Работавшая два дня в Курчатове комиссия Министерства атомной энергетики и промышленности вскрыла факты халатного отношения к своим обязанностям работников станции. На случай ЧП нет условий для ликвидации опасности.

Тревогу забил Курск не случайно. В местных газетах периодически появляются материалы о неблагополучии на Курской АЭС. При строительстве первого и второго энергоблоков допускались отклонения от проекта, общественности известны случаи утечки радиоактивной воды...

Итоговая встреча работников министерства с народными депутатами, с партийными и советскими работниками, представителями общественности только заострила проблему и расколола курян на два лагеря, которым предстоит решить — быть или не быть курской АЭС!

Большинство (даже сторонники АЭС) считает: надо повышать уровень ответственности исполнителей, эксплуатационников станции... А это ведь значит — повышать наш общий уровень культуры. А это за год или два не делается, не свершается это и волею каких бы то ни было приказов—культура обретается десятилетиями, многими поколениями.

А так, с гаечным ключом или кувалдой, уж лучше на какое-то время подальше отойти от атомной станции.

Э. ЕФРЕМОВ.
(Наш соб. корр.).

КУРСК.

СТРАСТИ ВОКРУГ ВЛАСТИ

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА?..

Именно в понедельник, 27 августа, откроется очередная сессия Верховного Совета ТАССР. Центральный вопрос, который она рассмотрит,— о государственном суверенитете автономной республики.

На страницах местной печати кипят дискуссии: за суверенную Татарию в составе СССР или РСФСР? В составе РСФСР, но при союзном договоре с СССР?.. Депутаты всех уровней, ученые и рабочие, координаторы Татарского общественного центра, представители многих общественных образований едины лишь в одном: республика давно переросла узкие рамки автономии. Об этом говорилось и на пленуме областного комитета КПСС, поддержавшем идею государственного суверенитета республики. Приводилась цифра: ежегодно Татария производит совокупного общественного продукта на 23 миллиарда рублей, а в свою казну получает крохи. Ставился вопрос: почему переименование даже сельского населенного пункта должно решаться Президиумом Верховного Совета РСФСР, а не местными органами?

Конечно, не все дискуссии проходят гладко, особенно на городских площадях. Порой раздаются и откровенные экстремистские призывы к отделению, к выходу из состава Союза, но в целом не они отражают дух и настрой крупнейшей автономной республики. Широко проявляется стремление к истинной самостоятельности в экономике и политике, в социальном и культурном развитии, в административно-территориальном устройстве...

Итак, подождем до 27 августа?..

В. ЛЕКСИН.
(Наш соб. корр.).

КАЗАНЬ.

ПАМЯТЬ

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

В первые дни августа в Дагестане и Северной Осетии прошли Дни памяти «Белые журавли».

В стае белых журавлей соединил души погибших в Отечественной войне талант Р. Гамзатова. Жизнь, увы, внесла свои печальные коррективы. И вот уже стаи журавлей летят по нашей стране и со стороны афганской границы, и самое страшное — из многих наших братских республик.

Мудрость человеческая все еще не может взять верх над мракобесием. Гибнут люди, и все больше белых журавлей плывет над нашими головами. Призыв Р. Гамзатова учредить Всемирный день памяти был услышан ЮНЕСКО. Вот уже второй год Дни памяти идут по нашей стране.

Один из памятников, стаей взлетающих журавлей устремленный в небо, стоит на высокой скале горного села Гуниб, что в Дагестане. 7 летящих журавлей заставляют остановиться путников в нескольких километрах от Владикавказа, чтобы ощутить безмерность горя матери семерых братьев Газдановых, погибших в 1941—1945 годах. Сюда, к святым местам, и приехали склонить головы писатели Р. Гамзатов, А. Верченко, В. Поволяев, А. Николаев, М. Тарасова и другие деятели культуры. О необходимости покончить со сведением счетов, о выстраданности эпохи примирения, мудрости и всепрощения говорили писатели. И, пожалуй, никогда еще слова их не звучали так своевременно и актуально.

Родившийся в Дагестане, День памяти заставляет всех нас задуматься еще раз о вечных ценностях. Уже более 20 памятников по стране уносят в небо свои белых журавлей. Есть они и в Узбекистане, на Алтае, на Украине. Поэтому особенно злободневно звучат сегодня слова Р. Гамзатова, обращенные к людям мира:

— Я глубоко убежден, что станет наконец анахронизмом пролитие крови за землю, за бога, за язык. Мне дорог и понятен только один язык — язык дружбы. Мне приходится слышать и читать, как в том или ином месте Земли кто-то оскверняет могилы своих былых противников. Если и погибших мы будем считать врагами, то не с этого ли начинается осквернение душ?

Преобразования и перемены в отношениях народов надо делать не за счет мертвых, а с помощью живых. Мертвые, кем бы они ни были, сделали свое дело — как бы остаемся нам завещание не убий!

А. АНДРУСЕНКО.
(Наш соб. корр.).

ДАГЕСТАН — СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ.

ДОЛГИ НАШИ

ПАМЯТНИК СТРАДАНИЮ

Несколько дней провел в Магадане знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный, ныне живущий в Америке. Он познакомил северян со своим проектом памятника жертвам сталинских репрессий, который предполагается установить в столице колымского края.

Не так давно три советских города — Магадан, Свердловск и Воркута — каждый самостоятельно обратились к мастеру с просьбой создать для них проект памятника. Э. Неизвестный взялся за эту работу. Замысел подобного монумента он вынашивал еще с 50-х годов. Ничего, кроме неприятностей, в те времена эта идея ему не принесла. За годы эмиграции у него была возможность воплотить свой давний замысел в жизнь. Известный западногерманский магнат А. Шпрингер предлагал семь миллионов долларов за сооружение такого памятника в Западной Германии. Скульптор отказался. И вот наконец обращения с Родины.

По словам Э. Неизвестного, получив письма с предложениями, он увидел возможность создать новый тип монумента: памятники будут поставлены в трех далеких друг от друга городах как самостоятельные объекты, имеющие каждый свой облик, но одновременно они будут как бы связаны между собой. «Треугольником страдания» назвал свой замысел автор, ведь Свердловск был пересыльным пунктом, Магадан и Воркута — адреса страшных сталинских лагерей.

— Это памятник страданию души,— сказал он.— И мне хотелось бы избежать поспешного, поверхностного толкования трагедии. Преступление и страдание выходят за конкретные социальные и исторические рамки.

Идею художника будут выражать каменные маски. Много масок. С каменными слезами, распятием.

Будем надеяться, что для воплощения идеи в жизнь понадобится не слишком много времени. К слову, от авторского гонорара за эту работу скульптор отказался.

Е. МАТВЕЕВА.
(Наш соб. корр.).

МАГАДАН.

КОНСЕНСУС

НУЖНА ЛИ ДУБИНКА АНИСКИНЫМ?

Нет, не нужна. Так решил коллектив Большемурашкинского райотдела милиции, что в Горьковской области.

Ныне здешние анискины обходятся без резиновых дубинок, а начало тому положили бывший председатель здешнего колхоза имени Ленина, Герой Социалистического Труда П. М. Соколов и начальник райотдела милиции Е. С. Рукавишников.

О милиции пишут по-разному: с восхищением и осуждением, объективно и предвзято. Образ милиционера в правосознании многих людей приобрел в последнее время враждебно - пренебрежительный оттенок, стал отрицательным персонажем в анекдотах. Ныне руководство колхоза и райотдела милиции усилили заботу об авторитете и быте здешних работников правопорядка, повысили им зарплату, обеспечили транспортом, жильем. В свою очередь милиция стала проявлять больше заботы об организации досуга, спорта, о соблюдении правопорядка и так далее. А коль так, то анискины перестали пользоваться резиновыми дубинками. Их главной целью стала помощь селянам жить с чувством безопасности и достоинства.

(Наш соб. корр.).

Горьковская область.

ПРОЕКТ

УСТАВ ВСЕСОЮЗНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

В октябре в Москве соберется XII съезд профсоюза работников культуры. Предполагается, что будет принято решение об образовании Всесоюзной федерации профсоюзов работников культуры (ВФПРК). Принципы создания федерации, ее правовой и социальный статус должен закрепить ее Устав.

Проект Устава всесторонне обсуждался. На состоявшемся в июне расширенном пленуме ЦК профсоюза учитывались альтернативные варианты, в том числе и предложения о создании конфедерации профсоюзов работников культуры, и международная практика родственных профсоюзов. Публикуем основные положения проекта Устава, в которых содержатся принципиально новые позиции.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Всесоюзная федерация профсоюзов работников культуры — добровольный союз самостоятельных профсоюзов республик, профсоюзных объединений, ассоциаций и других профессиональных формирований трудящихся, созданный в целях консолидации действий по защите профессиональных, экономических, социальных прав и интересов работников культуры.

ВФПРК осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией СССР и Конституциями союзных республик в рамках советского законодательства, настоящего Устава и Декларации прав человека. Федерация неподотчетна и неподконтрольна государственным, хозяйственным органам, политическим и общественным организациям, строит свою работу в соответствии с мнением и волей своих членов.

ВФПРК организует свою деятельность на принципах федерации и демократии. Это означает:

— добровольное вступление и свободный выход из Всесоюзной федерации, равные права членов Всесоюзной федерации;

— самостоятельность членов Всесоюзной федерации в определении норм своей внутренней жизни и направлений деятельности;

— коллегиальность и гласность в работе выборных органов Всесоюзной федерации, их подотчетность членским организациям;

— уважение права меньшинства на защиту своей позиции, принятие взаимоприемлемых для большинства и меньшинства решений;

— утверждение приоритета первичной профсоюзной организации, свободной от административного и идеологического давления в выборе главных направлений профсоюзной работы, определении структуры, распоряжении финансами.

ВФПРК выражает, защищает и реализует профессиональные, экономические, социальные права и интересы членов профсоюза в союзных органах государственной власти и управления, хозяйственных органах и других общественных организациях вплоть до приостановления действия принятых решений, нарушающих права и интересы членов федерации или внесения изменений в них.

ВФПРК добивается неуклонного повышения жизненного уровня трудящихся, повышения заработной платы, пенсий, стипендий, пособий в зависимости от уровня прожиточного минимума.

ВФПРК поддерживает выдвигаемые членскими организациями требования, проводит среди членов профсоюзов референдумы, организует митинги, использует для защиты прав и интересов работников культуры другие законные средства, в том числе забастовку как крайнюю меру разрешения коллективных трудовых конфликтов, создает фонд солидарности и другие фонды.

ВФПРК взаимодействует с творческими союзами, общественными организациями, объединениями и движениями, ставящими своей целью защиту культурных и духовных интересов трудящихся, устанавливает, поддерживает и развивает связи с отраслевыми профсоюзными организациями других стран, а также международными организациями.

ЧЛЕНСТВО ВФПРК, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ ФЕДЕРАЦИИ

ВФПРК открыта всем профсоюзам и объединениям, действующим в сфере культуры и искусства, кинопроизводства, печати, массовой информации, физкультуры и спорта, туризма, в научных и учебных заведениях, общественных образованиях и организациях, признающих ее цели, задачи и принципы деятельности и подписавших декларацию ВФПРК.

Члены ВФПРК имеют свои уставы.

Члены ВФПРК имеют право участвовать через своих представителей в работе органов ВФПРК, осуществлять контроль за их деятельностью; обращаться в органы федерации по любым вопросам профсоюзной деятельности и получать от ВФПРК юридическую, материальную и другую помощь; представлять интересы ВФПРК во всех государственных, советских и общественных организациях, а также за рубежом.

Члены ВФПРК принимают на себя обязательства реализовывать решения Всесоюзной федерации и ее выборных органов, участвовать в образовании фондов федерации, вносить денежные средства, необходимые для ее деятельности.

ВФПРК может заключать соглашения с организациями, заинтересованными в сотрудничестве с ней по тем или иным конкретным проблемам, участвовать в финансировании работ по решению данных проблем.

Всесоюзная федерация может входить в Профцентр профсоюзов СССР на принципах добровольности и условиях равноправного партнерства.

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ

Высшим органом ВФПРК является съезд, созываемый не реже одного раза в пять лет. Съезд избирает председателя ВФПРК, его заместителей, ревизионную комиссию. Норма представительства на съезд устанавливается Советом ВФПРК, а порядок выборов делегатов — каждой членской организацией самостоятельно.

Высшим органом Всесоюзной федерации между съездами является Совет, который образуется по принципу прямого делегирования от членов Всесоюзной федерации. Квота представительства устанавливается Советом по согласованию с членскими организациями и утверждается съездом. Председатели членских организаций входят в Совет федерации.

Пленумы Совета ВФПРК созываются по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Для организации работы между пленумами формируется Правление Совета ВФПРК.

Пребывание на руководящих должностях в выборных органах ВФПРК ограничивается двумя сроками подряд.

СРЕДСТВА, ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА ВФПРК

Средства ВФПРК составляются из взносов членских организаций, доходов, поступающих от хозяйственной, коммерческой и иной деятельности Всесоюзной федерации.

Совет может создавать предприятия, организации, общества, фонды, вступать в профсоюзные и иные банки, проводить лотереи, приобретать акции, а также осуществлять другие виды деятельности, отвечающие целям и задачам федерации.

Денежные средства Всесоюзной федерации расходуются по сметам, утверждаемым Советом. Все расходы ВФПРК контролируются ревизионной комиссией и членскими организациями.

ВФПРК является юридическим лицом, имеет печать и счета в банках, свою эмблему. Местонахождение Совета ВФПРК — город Москва.

◇

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПРОЕКТА УСТАВА ВСЕСОЮЗНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ НАПРАВЛЕН В ПРОФСОЮЗНЫЕ ОРГАНЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ В ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПРОСИТ НАПРАВЛЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОЕКТУ ПО АДРЕСУ: Г. МОСКВА, 109004, УЛ. ЧКАЛОВА, 64, КОРП. 1.

КУЛЬТУРА ДЕМОКРАТИИ ИЛИ КРАЙНИЕ МЕРЫ?

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

безуспешно обострить, победили все же здравый смысл и высокая политическая культура. На практике это выглядит теперь так: если разумное решение предлагают депутаты-коммунисты, представители Демблока, его немедленно поддерживают. И наоборот.

Впрочем, на весьма бурно проходившей, хотя и слишком затянувшейся, на мой взгляд, сессии Верховного Совета УССР, приходилось не раз ощущать дефицит подобных качеств у депутатов самых разных политических направлений. Многие ораторы во время парламентских баталий словно забывали, что они благодаря телевидению на виду у миллионов людей. И неизвестно, как в запале сказанное слово отзовется в народе. Напрасно они об этом забывали, потому что даже у ведущего сессию порой «крик души» вырывался: «Выключите первый или третий микрофон».

— Кстати, как вы относитесь к столь «кардинальной» форме работы на сессии?

— Я обещал себе никогда не пользоваться этим правом председательствующего, но нередко сами присутствующие в зале дают поводы к столь недемократичным действиям, а комиссия по депутатской этике подчас оценивает такие действия явно неадекватно. Оттого нередко в сессионном зале было много шума и эффектных заявлений в ущерб конструктивной работе. Именно конструктивной, нацеленной на консолидацию всех, кому дороги интересы перестройки.

— Но одними благими пожеланиями здесь вряд ли обойдешься...

— Несомненно. Начиная работу над реализацией Декларации о суверенитете Украины, надо, думаю, прежде всего расставить точки над «i» по самым принципиальным вопросам нашей дальнейшей жизни, непременно обеспечивая конструктивные подходы. Консолидация народа Украины, всей страны — в этом ряду одна из важнейших задач. Для гражданского согласия именно коммунисты, имея огромный опыт, могут сделать очень много. Поэтому партия коммунистов, членами которой является большинство депутатов Верховного Совета республики, и в парламенте должна, по моему глубокому убеждению, быть в рядах атакующих всякую амбициозность, мертвечину, желание навязать всему обществу непрогрессивные региональные мерки или устремления. Именно этим она сможет помочь быстрее привести в действие потенциал нашего общества.

— Говоря о выдвинутой XXVIII съездом КПСС идее быстрейшей консолидации всех прогрессивных сил общества, что, по вашему мнению, надо делать в первую очередь, чтобы согласовать усилия новых политических образований, направив их энергию на мирные цели?

— Да, у нас сегодня не счесть новых звезд на политическом небосклоне. Но ведь главное не количество, а качество... Пока, к сожалению, многие из них страдают излишней декларативностью, а то и крикливостью, стремлением оппонировать всем и вся. А ведь известно: если Юпитер сердится... Тем не менее пытаемся даже на нынешней, для многих депутатов первой в жизни сессии находить между разными группами согласие, основу для сотрудничества с организациями и движениями, готовыми совместно бороться за снижение социальной и политической напряженности. Конструктивный диалог со всеми, кто укрепляет конституционную, социалистическую основу, считаю,— необходимейший инструмент в работе по углублению демократизации. Сейчас, когда реальностью становится многопартийность, действия ядра коммунистов в парламенте должны с максимальным вниманием учитывать любые оттенки отношений между партиями, искать зерна согласия и взращивать их. Не прислушиваться к этому зову времени — себе же дороже, как говорится.

Тем более необходимо искать согласия, когда речь идет о делах большой государственной важности. Такая атмосфера, в частности, царила в зале, когда сессия принимала Декларацию о суверенитете Украины. Такую атмосферу хотелось бы ощущать и впредь, когда рядом с большими, поднимающими глубинные пласты нашей жизни проблемами мы должны решать и острые, повседневные вопросы, волнующие миллионы людей. Не поняв этой диалектики нашего сложного времени, трудно рассчитывать на ускорение решения перспективных задач. Убежден: только работая на будущее и не забывая при этом о повседневном, можно надеяться на большую отдачу и Верховного Совета Украины, и ее правительства.

Сознание людей деформировано недоброй памяти временем. Издерганная ошибками сегодняшнего дня, душа народа очень болезненно, остро воспринимала и то, что происходило все те несколько месяцев, пока работала сессия, и в залах Верховного Совета УССР, и за их пределами — от многочисленных митингов в Киеве, Львове, Донецке, других городах Украины, до шахтерских забастовок, отказов от работы киевских электротранспортников. Корень многих конфронтаций, боль которых выливалась и выливается в уличных выступлениях, думаю, в одном и том же — возникновении недоразумений там, где их можно было избежать уже на первом этапе возникновения конфликта. Умения слушать, как и умения понять, войти в положение оппонента, еще недостает многим и многим работникам как советских, так и партийных органов. Не говоря уже о молодежных организациях, иные члены которых будто состязаются в стремлении унизить своего вчерашнего товарища.

А ведь и нетерпимость, и поиск «образа врага» — все это атавизм. А то и просто невежество. Любое предложение, не понравившееся таким «собеседникам», встречается криком, а законы или указы шельмуются как «антинародные». Причем подобную невоздержанность тем более странно наблюдать в сессионном зале любого уровня. Не менее странно, когда ради красочного описания ужасов «местного масштаба» попросту искажается информация. Послушаешь иное выступление — мороз по коже дерет. Начинаешь проверять факты — все выглядит иначе. А затем удивляешься безответственности, с которой иной человек с депутатским значком рискует подниматься на трибуну.

Конечно, мы учимся демократии. Многое происходит по неопытности. Но иное дело — осознанное желание «половить рыбку в мутной воде». Последнее, несомненно, все еще пытаются брать на вооружение те, кто под видом спешки, незнания пунктов правил или неведения о том, как вести себя в экстремальных ситуациях, просто-напросто злоупотребляет демократией. Не отсюда ли и их «крайние меры», которые — часто вполне заслуженно — вызывают и крайне острую ответную реакцию безвинно страдающих от подобных передряг рядовых тружеников?

— Что противопоставить такого рода вещам?

— Ничего, кроме правды. Какой бы жестокой она ни была. Твердость и последовательность партийных позиций. Несмотря на то, что принятый XXVIII съездом КПСС новый Устав партии четко определяет невозможность пребывания коммуниста в другой партии, иные депутаты с партбилетами позволяют себе антипартийные, антиленинские высказывания. Спокойствие, твердость, глубина аналитических оценок, доказательность делом — это как раз то, что способно охладить пыл самых горячих голов, лишь на словах ратующих за демократию.

Мы, занявшие места руководителей, должны сейчас сделать все для того, чтобы впредь не стимулировать конфронтации, не давить на и без того деформированные чувства людей. Не раз повторял и готов повторить: если мы хотим согласия и доброй, конструктивной перспективы, то должны действовать на основе нашей Декларации.

В этой связи не могу не сказать, что все политические преобразования в нашей жизни надо рассматривать только через призму общедемократического процесса. И кому, как не парламентариям республики, судьба предоставила великолепный шанс лично решать вопросы, которые никогда прежде не рассматривались под сводами сессионного зала,— это вопросы «Декрета о власти» и об «Общесоюзном договоре». Они, убежден, должны решаться только на основе великих принципов демократии, Советской власти и социалистического выбора. И если кто-то будет изыскивать другие пути, ни к чему полезному это не приведет. Мы должны убедить народ в том, что время конфронтаций прошло, настало время конструктивной работы— спокойной, взвешенной, плодотворной.

Беседу вел
Олег ГУСЕВ.
(Наш соб. корр.).

В последнее время все острее и с самых различных трибун звучат слова о необходимости выработать новую культурную политику. Дело это и очень важное, и весьма непростое. Съезд народных депутатов СССР решил начать разработку программы развития культуры в СССР. Приняты, например, Законы СССР о языках, о печати и других средствах массовой информации. Президент СССР издал указы о мерах по улучшению положения в народном образовании, о демократизации и развитии телевидения и радиовещания. Это по линии государственной. И это, мы все хорошо понимаем, только первые шаги. Хорошо, что, кроме слов, ожидания общества постепенно облекаются в дела. Жаль, что медленнее, чем хотелось бы.

Последнее время отмечено буквально «документальным взрывом» в КПСС. Газеты познакомили читателя с итогами заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС того состава, который готовился к отчету на XXVIII съезде, с ее рекомендациями, в том числе с подходами к проблемам коммерциализации культуры, тоталитаризма. Буквально в канун съезда в «Советской культуре» появились Тезисы этой комиссии «Культурная политика КПСС в современных условиях». Что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

На XXVIII съезде — и в Отчетном докладе ЦК, и в Программном заявлении, и в резолюции «О политике КПСС в области образования, науки и культуры» — заложены принципиально новые подходы.

Было бы в то же время просто несерьезно сжатываться в очередной раз на позиции толкования и популяризаторства официально затвержденных идей и постулатов. Крайне необходимо и иное — не стоять на месте, идти дальше (и вглубь, и вширь) и в научных исследованиях, и в практической работе. Если остановимся — соберутся с силами те, которые никак не хотят (а многие и не могут) отказаться от идеологических клише, от антиисторичных, противокультурных изначально тезисов типа того, что социалистические ценности шире, объемнее общечеловеческих.

Владимир Егоров, доктор философских наук

ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕКА

ЕЩЕ РАЗ О НОВЫХ ПОДХОДАХ К КУЛЬТУРЕ

СТАНОВЛЕНИЕ многопартийной системы, утверждение политического и идеологического плюрализма порождает много новых проблем и в области культуры. Конечно, неверно, даже конъюнктурно выводить новое мышление в культуре только исходя из этого. Суть в основаниях более глубоких. Она проистекает из самой природы культуры, цивилизованного развития. Другое дело, и плюрализм, и многопартийность — необходимые атрибуты цивилизованности.

Мы преимущественно не только терминологически, но и по существу новое мышление обращаем в область внешней политики. Есть, однако, настоятельная потребность разобраться, а что же такое новое мышление, когда речь идет о соотношении, взаимосвязи между политикой и культурой? Это большая проблема. Коснусь лишь нескольких ее аспектов.

Прежде всего убежден в том, что нам надо внести ясность в само понимание культуры, когда речь идет о культурном взгляде на культурную политику — извините за тавтологию. И наука, и практика нуждаются в новой для нас трактовке культурно-исторического процесса, прогресса в культуре и его критериях, в понимании места культуры в обществе и того, как она сопрягается с экономикой, с социальной сферой, с политикой, правом, образованием и т. д.

Полагаю, что в культуре новое мышление может пониматься как бы в двух ипостасях: в «старой» и «новой». И то, и другое именно в кавычках. Ведь в этой области более явственны и сильны, в значительной мере традиционны свойства, восходящие к целостности человечества в его многообразии — и в истории, и в настоящем. Без такого понимания культура перестает быть культурой. Здесь нельзя разрывать. И, стало быть, не будет большим преувеличением, если сказать, что новое мышление в культуре — есть не что иное, как путь к «окончательному отрыву» культуры от политизированных и идеологизированных историко-культурных, национально-государственных и иных препятствий, взглядов, установлений, мощно влиявших на культуру, хотя часто и не имевших к культуре никакого отношения.

В культуре, как нигде, нужны идейно-эстетические дискуссии, подлинная соревновательность талантов, совместный поиск, совместная деятельность. Нет этого — накапливается «горючий материал» для непонимания или конфронтационной борьбы, для войны групп и амбиций. Хотя, конечно, наивно полагать, что, скажем, эстетические боренья когда-либо исчезнут навсегда. Вопрос в культуре противоборства, в терпимости к инакомыслию.

Собственно, открытость, диалогичность — это и есть подлинно диалектико-материалистический подход. Однако подход забытый, кажущийся кое-кому чуть ли не отступлением от устоев. Таковы плоды десятилетий вульгарного понимания культуры в нашей политике.

В конечном счете убежденность в своей правоте марксистов и немарксистов, христиан и мусульман, приверженцев различных учений должна «идти рядом», если мы хотим быть цивилизованными,— с готовностью не к «дракам», а к дискуссиям во имя взаимного обогащения, совместных действий во всем, что касается вечных ценностей человечества. Необходимость в таком понимании крайне назрела. Ведь вечные ценности существуют не для заклинания, и определило их человечество таковыми не из «пропагандистских» устремлений. Просто человечество, изменяясь и развиваясь, не может существовать без фундамента стабильности. Цивилизации нужны не только движение (в этом смысле изменения), но и некие неизменные базисные нравственные, эстетические основания, константы, не дающие возможность скатиться в небытие по собственному недомыслию. Культура — при всей ее изменчивости — одна из главнейших исторических констант такого рода.

Размышления на пороге XXI века о будущем человечества, народов, культур с неизбежностью ведут к пониманию необходимости произвести своеобразную переоценку, а может быть, и переворот в понимании целесообразного, иначе — дозволенного и недозволенного в политике и культуре. При всей необходимости этого утверждения надо тем не менее сказать, что до настоящего времени все же преобладали взгляды и концепции, согласно которым исторический процесс представлялся прямолинейным движением с постоянно растущими возможностями человека. Возможностями его вмешательства в жизнь природы, общества, в сам человеческий мир.

Разумеется, подобные взгляды на историческое движение цивилизации — это и выделение одной из сторон прогресса, и их исповедовали не все. Более того, если такие подходы не монополизированы,— в принципе, как говорится, ничего страшного. Парадокс же заключается в том, что, становясь, кажется, умнее, опытнее, человечество все более и более мыслило (и мыслит по сей день!) категориями конъюнктурными. Не из подобной ли «философии» рождается и часто процветает психология временщиков?

Что конкретное, практическое вытекает из необходимости пересмотра взглядов на сосуществование природы, общества и человека? Думаю, следующее. Во имя будущего, а, стало быть, и сохранения прошлого, возможностей для настоящего человечество обязано взять на себя нравственное обязательство и ввести в свои действия культурный ограничитель. Я понимаю этот «ограничитель» прежде всего как относительность прав конкретных поколений на преобразовательную деятельность. Ибо эйфория прогнозов, деловые амбиции, безнаказанность политических и социальных сил (тем более — отдельных групп людей) могут при возрастающих научно-технических возможностях привести вообще к фатальным последствиям для жизни.

История всегда выставляет свои оценки во времени, связывает победы и, наоборот, поражения, радости и несчастья с действиями конкретных поколений. Мы еще, к сожалению, в лучшем случае только подступаем на практике к действиям, исходящим из понимания того, что такое настоящая цивилизованность. А ведь еще Ф. Энгельс говорил, предостерегая современников и потомков: «...Мы, по всей вероятности, находимся еще почти в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять нас, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь, относясь к ним сплошь и рядом свысока». Воистину: человечество, поберегись человека!

Антикультурно и гибельно, если поколения людей и впредь будут брать на себя не принадлежащее им право распоряжаться по своему эгоистическому усмотрению тем, что им полностью не принадлежит, что пришло к нам от предков и что должно остаться от нас потомкам. Культура же и есть не что иное, как внеисторическая самоценность, создаваемая историей.

СЛЕДУЕТ наконец-то определиться и в том, а что же такое ценность культуры? Что в культуре непреходящее, а что по самой природе культуры обречено, «неценно»? Последнее понятие действительно условно, поскольку еще не ясно, а может ли быть что-нибудь вообще в культуре неценно? Убежден, что не только в обществе в целом, но и в философии, культурологии, не в последнюю очередь (а может быть, и в первую) в политике, мы еще не осознали плодотворность идеи о том, что прогресс в культуре — это всегда приращение, накопление, дополнение. Скажу так: я в корне не согласен и очень боюсь отождествления прогресса в культуре с логикой прогресса вообще. В культуре по ее природе не может быть линейного восхождения. Прогресс в культуре не мыслим без сохранения всего великого и, казалось бы, малого, создаваемого трудом, талантом и целых народов, и отдельных творцов.

Разумеется, каждый художник, живущий, творящий, мыслящий в свое время, имеет свой взгляд на окружающий мир и человека в нем. Одновременно и вечны, и подвижны, изменчивы представления о красоте и безобразии, о совершенстве и дисгармонии, о добре и зле. Но человечество богатеет, не только создавая новое, но и, безусловно, сохраняя старое. Замена не есть накопление. Это скорее подмена. А всякая подмена (и почти всегда) так или иначе сопряжена с отторжением, если не с уничтожением, а следовательно — и с обеднением культуры.

В этой связи хотелось бы затронуть одну естественную для науки, но ныне чрезвычайно болезненную для общественной практики проблему — проблему консерватизма. Если признается, что культура развивается по своим законам, значит, должно проводить, к примеру, такое разграничение: консерватизм в политике — это одно, консерватизм в культуре — совсем другое. Более того, надо различать консервативную культурную политику и традиционные течения, направления в культуре. В этом смысле консерватизм — это объективно существующий, равноправный компонент всей культуры как таковой. И если он относится к явлению уходящему, то тем не менее он принадлежит к культурному наследию. При ином подходе сам стержень понимания прогресса в культуре — как накопления, дополнения, пополнения — следует менять. Делать же это, по-моему, нет никаких оснований.

В своем естественном, но подчас безудержном устремлении к прогрессу, мы, кажется, возвели консерватизм и в культуре в разряд однозначно отрицательных явлений. Вместе с тем консерватизм (как сдерживающее начало) не только синоним задержки, но и, безусловно, синоним предупреждения от поспешных действий, непродуманных выводов и оценок, а в конечном счете и от антикультурной политики. Прав был Н. Бердяев, различая консерватизм и реакционность, усматривая в первом сохраняющийся «дух вечности».

Может, пора перестать нашим политикам, деятелям культуры ходить в один и тот же первый класс культуры, лишь «переводясь» из одной школы в другую при каждом новом крутом повороте истории, с наступлением новой философской или социальной революции? Ведь на базе такой «второгоднической» образованности и культурности по-прежнему кое-кто пытается приговаривать целые направления и пласты культуры: это — бесперспективно, это — вчерашний день, это — еще что-нибудь. Это уже не второгодничество, а какой-то клинический случай в политике и в культуре.

В культуре вообще нет ничего более противоестественного, чем искусственное отторжение, сдерживание какого-либо течения или направления — будь то «старое» или «авангард». Нормальное в культуре — это сосуществование культурных потоков. Взятие же в кавычки таких понятий, как «старое», «традиционное», «новое», «авангардное», лишь подчеркивает их действительную относительность в таком качестве. Только истории культуры дано понять «пользу» или «вред», как упорство устоявшегося старого, так и неудобную непокладистость нового.

Безусловно, признание последнего слова за историей не означает, что наилучшая политика в области культуры — политика стороннего наблюдения. Поскольку в культуре все самоценно, постольку должны создаваться условия для бюджетной и иной поддержки (налоговые принципы, благотворительная деятельность и т. п.) тех сфер и областей культурной жизни, которые на данном отрезке истории не могут существовать на основе самоокупаемости. Более того, есть виды искусств, которые никогда не «переводились» и не должны «переводиться» на «хозрасчет». Дело здесь не в исключительности внимания (хотя и в этом тоже), а в политике, исходящей из понимания специфики культурной, художественной деятельности и того, что потери в культуре слишком часто вообще невосполнимы.

Было бы неверно не вычленить отдельно и вопрос об антикультуре. Конечно, совершенно неприемлем упрощенный, «лобовой» подход: мол, антикультурно то, что противостоит культуре, мешает ей и т. д. Все эти «анти» весьма относительны. Без конкретного наполнения, без «расшифровки» они могут сыграть роль бумеранга, когда возвратный удар от «культурнических стараний» приходится по самой культуре.

Нельзя по ведомству антикультуры зачислять новации, неординарные и потому непривычные, сперва даже шокирующие поиски. В противном случае мы вновь окажемся в положении людей, которые так и не удосужились усвоить известные, немалые по числу и весьма поучительные уроки истории. Ведь века назад для кого-то было святотатством новаторство Андрея Рублева. Десятилетия уже на памяти нынешних поколений прошли в борьбе с искусством авангарда. Примеров множество.

Но как же вычленить критерии, разводящие культуру и антикультуру? Это непросто, однако необходимо. Ведь все же есть (к сожалению, есть!) собственно антикультура. К ней, во-первых, следует отнести явления культурной жизни, литературы и искусства, противостоящие вечным человеческим ценностям, утверждающие ценности обратные. Вопрос не в том, к примеру, чтобы бояться показать зло или прелюбодеяние. Вопрос в другом: что утверждает художник — зло или его неприятие. Все это аксиомы. Более того, как известно, мировоззрение художника может «заложить» и в великое творение идеи античеловеческие. Я уже не говорю об идеях, по каким-то соображениям неприемлемым для общества, однако принадлежащим, скажем, гуманизму по праву. Все это давно (пусть не так полно, как хотелось бы) разработано в теории, но крайне необходимо подобное понимание на уровне культурной политики.

Во-вторых, смею утверждать, антикультура — это практически всегда агрессивность. К какой бы теме ни обращался художник и как бы ее ни решал, но если он желает утвердить свое видение жизни путем уничтожения другого взгляда или стиля,— это уже антикультура. К сожалению, и в условиях перестройки, скажем, «рапповские» традиции оказались способными «жить и творить».

Надо признать, что за годы существования общества официально-показного единомыслия мы как-то привыкли, во многом даже приучили себя к суждениям, согласно которым идейно-эстетическая борьба — это нечто или из истории, или из области зарубежной, «закордонной» жизни. Но вот есть проблема, которая и «тонька», и как бы остается пока в тени. Проблема эта — корни, сущность, механизмы формирования и функционирования конформистской культуры. Очень необходимо объективно и гласно разобраться в этом. Ведь только на поверхностный взгляд упрощенно и видимо сопрягаются и расходятся, скажем, такие явления или подходы, как конъюнктура, конформизм, «эзоповские» приемы или искренние заблуждения автора.

В значительной мере условия для распространения таких явлений создавались из-за постановки с ног на голову самой проблемы о соотношении идеологии и культуры. Культура всегда шире и богаче любой идеологии. Из этого и следует исходить. Конечно, вопрос о соотношении идеологии и культуры не так прост, как может кое-кому показаться. Но в нем не разобраться, если не сформулировать ясно, если хотите однозначно, исходную посылку.

Примечательно, что в Тезисах Идеологической комиссии ЦК, упомянутых вначале, избран именно такой подход. По своему духу материалы XXVIII съезда КПСС также исходят из этого. Но впрямую данная посылка в специальной Резолюции съезда отсутствует. Наверное, Резолюция мыслилась преимущественно в практическом ключе. Однако с нашим-то горьким опытом в культуре надо всегда помнить, какое значение имеет, казалось бы, отвлеченно-теоретический вопрос о «субординации» между культурой и идеологией. Мы так приучены к понятийной ясности, что часто для многих термины несут большую нагрузку, чем явления жизни. Об этом нельзя забывать.

Это факт: проблема формирования нового мышления в области культуры сталкивается со значительными сложностями, связанными с идейным противостоянием в обществе часто не на уровне ценностей, а на уровне понятий или устаревших представлений о том, что вкладывается в те или иные термины. Это не игра в политику на уровне дефиниций. Это серьезнейший вопрос, выходящий как на проблему политического и психологического восприятия тех или иных идеалов и ценностей, так и на проблему традиций и инерции в мышлении и психологии людей. Последняя тема вообще мало освоена.

НАКОНЕЦ, важно именно в наше время бурных исканий и отрицаний не сужать, а расширять взгляд на мир, на все многообразие отношений, возникающих в системе: природа — общество — человек. Именно в этой системе, в возникающих здесь отношениях и противоречиях живет и развивается культура.

Многие наши беды как раз и проистекают из того, что живой мир духовной культуры был по сути сведен к диалектике общечеловеческого и классового. Да и то — диалектика здесь только постулировалась, причем далеко не всегда. Чаще же всего политика просто отбрасывала общечеловеческое. Замечу здесь и следующее: не по семантическим признакам, а по существу корень общечеловеческого — в человеке. Принцип человека во всем — вот самая главная проблема и философии, и культуры, и политической практики.

Одномерный классовый подход формировал (и не мог не формировать) одномерный взгляд на жизнь. С этих позиций делались попытки создать и утвердить «дистиллированную» культуру. А это все равно, что попытаться заменить все живые соки природы одной дистиллированной водой.

Искания в духовном мире нельзя упрощенно и примитивно сводить к социально-политической борьбе. Культура «мыслит» категориями исторически преходящего и вечного, национального и интернационального, общего и индивидуального. Но даже подобной «широты» для понимания «размаха» духовного мира, культуры недостаточно: ведь метафизична сама попытка (в чем-то весьма привлекательная) утверждать, что общечеловеческое — это и есть в одном случае, скажем, вечное, в другом — интернациональное и т. д. Нет, в общечеловеческом есть место и национальному, и преходящему, и индивидуальному. Без каждого компонента такого рода общечеловеческое неполно, оно беднеет. Другое дело, что эта констатация не исключает, а напротив, предполагает дифференцированный ценностный анализ.

Нельзя, однако, не отметить, что на волне новаций, например, в национальной политике появилось уже немало опасных перекосов. Плодотворны подходы, базирующиеся у ряда авторов на ленинском тезисе о том, что будущее человечества в его «дифференциации» — в смысле богатства и разнообразия духовной жизни. Но было бы неверно, справедливо выступая против нивелирования национального, сводить «дифференцирование» человечества только к национальному. Неужели и в данном случае дает о себе знать начетничество — ведь Ленин действительно впрямую об этом говорил, касаясь национального вопроса! Может показаться странным, но при одностороннем подходе закладывается «мина» именно под национальное своеобразие, поскольку оно будет вольно или невольно иметь тенденцию к обеднению идей, из которых, собственно, и складывается духовный мир и каждого народа, и каждого человека. Правильнее будет сказать: дифференцирование человечества и с точки зрения национального, но далеко не только по этому основанию.

Разумеется, немало трудностей, проблем, деформаций в сферах, имеющих прямое отношение к чувствам национальной гордости, к национальному самосознанию. Однако это не дает право сужать все и вся в этих вопросах до национальных мотивов. Ведь говорилось (говорится и сегодня) об ущербности идеализации прошлого, излишнем выпячивании этнографических моментов и т. п. Но это и не «перехлестывает» все возникающие проблемы, и не является новацией. Ныне гораздо важнее понять, чем будет наполняться в конце XX века, в следующем столетии национальное своеобразие наших культур, чем оно живет, почему сохраняется, каковы его потенции, почему, наконец, национальное остается непреходящей самоценностью. Вот в чем проблема.

При этом новые «повороты» возникают нередко там, где еще недавно все казалось ясным. В наше время серьезнейшему испытанию подвергаются, например, русско-национальные культурные связи. Корни этих связей — в истории наших народов, участвовавших и участвующих в процессах взаимовлияния, взаимопроникновения, взаимообогащения культур. И эти процессы объективны, как бы кого ни коробил даже сам термин «взаимообогащение». Другое дело — не надо их подталкивать, не следует их тормозить. Однако, может быть, назрела необходимость, общественная потребность взглянуть на эти процессы с точки зрения мировых, в этом смысле общечеловеческих законов. Речь в конечном счете идет о том, чтобы понять, а как происходит в других странах, на других континентах культурное, литературное, языковое сожительство народов.

Мы — Россия, СССР — конечно, уникальные образования. В то же время мы не имеем права самоограничиваться, изолироваться. Мы просто обязаны учитывать мировой опыт сожительства народов, культур, всеобщие законы интернационализации, сохранения национального и т. д. Иную политику, иной взгляд культурными просто не назовешь.

И вот что хотелось бы выделить особо: до сих пор нередко забывается природа человека. При этом мы достигли уже такого рубежа в своем развитии, что если не обратимся серьезно именно в гуманитарных исследованиях к первой части нашего понимания человека как биосоциального существа, то есть к его биологическим началам,— вновь не избежим крупных ошибок, не будем гарантированы и от прямых преступлений. Ведь если действительно обнажать проблемы, то надо будет признать: с философского, теоретического и с практического, политического уровней, видимо, можно говорить о том, что многие наши беды проистекают от переоценки возможностей человеческого фактора. Скажем, сталинские «прозрения» о «людях-винтиках», общностях и организациях — «приводных ремнях», хрущевские прожекты по формированию в короткие сроки нового человека, способного своей сознательностью и активностью обеспечить прорыв к коммунизму в двадцать лет — все это сбегание крайностей к одному основанию. К каким преступлениям привела одна линия, во что обратилась вторая — известно. Сталин не верил в человека вообще. Хрущев был во многом романтиком, идеалистом. А системы, ими реализовавшиеся, строились на схожем — обеспечить торжество нового строя, не считаясь с природой человека. И, как следствие, с объективными законами общественного развития.

Была в истории и иная крайность — циничные, преступные и аморальные изначально эксперименты фашистов по воздействию на биологию человека с целью создания функционально определенных живых роботов. Человек-ткач, человек-художник и т. д.— куда уж дальше?

Безусловно, односторонне преувеличивать значение того или иного фактора в самом историческом феномене — человек. Но вот что важно иметь в виду: известный парадокс заключается в переоценке возможностей сознания. Сознание, когда на него возлагается «неподъемная тяжесть», как бы надрывается, перестает быть сознанием в его общецивилизационном смысле. В данном случае общецивилизационное можно употребить и как синоним общекультурного.

Человечество, создавшее духовную и материальную культуру, нуждается сегодня в том, чтобы культура защитила человека. Не культура, конечно, сама по себе, а политика, человеческие действия, в основу которых положена культура. Культурный же подход к политике, преобразовательной деятельности не должен, не может вырывать или игнорировать в известной триаде — природа, общество, человек — ни одно из начал.

Вячеслав Костиков

Власть мертвая и власть живая

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Опасный синдром недоверия, порожденный деспотией, еще долго будет висеть над новой властью, не делая разбора между «платформами» и партиями.

Искупать «грех» извращения государственной и народной жизни придется всему обществу. И здесь, как и во всяком серьезном и длительном труде, нет волшебной формулы.

Ущербность анализа явлений, связанных с перестройкой, и, в частности, тех «смут», которыми сопровождается переход от тоталитаризма к демократии, состоит в том, что мы рассматриваем события, замкнувшись в узком временном пространстве. Мы как бы абстрагируемся от собственной истории. А ведь если в нее вглядеться глазами политика, она может дать немало пищи для размышлений о сегодняшнем дне.

Одна из причин такого отстранения — въевшееся в нас высокомерие к предшествующему историческому опыту. В течение более полувека мы убеждали себя и пытались убедить других, что настоящая, истинная история начинается с октября 1917 года, тогда как все предстоящее «залпу «Авроры» — лишь предыстория революции.

А между тем для понимания взаимоотношения власти и народа, психологии бунтов, путей умиротворения разбушевавшихся в государстве страстей русская история, столь богатая «смутами», дает богатейшие материалы.

Достаточно перечитать «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, чтобы увидеть, что во все века страну более всего терзали и разоряли не столько иноземцы, сколько внутренние смуты.

Сколько несчастья принесли России многочисленные гражданские войны, когда народ, подстрекаемый к ненависти, терял свое национальное достоинство, обличье, отстранялся от привычных занятий мирного времени — труда, учения, и обращался к легким соблазнам безвластия.

Вспомним свидетельство Авраамия Палицына: «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные... Вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали: оно минует нас или искали в нем личных для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы господами, чернь дворянством, дворяне вельможами...» «Не Батыевы, а собственные варвары свирепствовали в ее недрах, изумляя и самых неистовых иноплеменников. Россия могла тогда завидовать временам Батыевым, будучи жертвой величайшего из бедствий, разврата государственного», — писал Н. М. Карамзин.

В зарождении и торжестве смуты есть своя политическая закономерность, своя логика. Смута не рождается внешней угрозой и внешними факторами. Напротив, угроза иноземного нашествия чаще всего служит сплочению нации. Даже страшные недороды — а они случались в России не единожды, приводя к временному разладу хозяйства и торговли и будучи фактором естественным и понятным народному рассудку,— не вызывали длительной смуты. Голодные бунты случались. Но усмиряемые либо хозяйственными мерами, в том числе раздачей казенного хлеба, либо — в случаях крайнего ожесточения — железом, они не влекли за собой длительного упадка.

Смуту и разложение власти, как это ни парадоксально звучит, порождает сама власть. Как и сказочная вода — живая и мертвая, — власть тоже бывает мертвящей и оживляющей.

Такого рода определения, разумеется, не следует воспринимать как нечто научное. Это скорее эмоциональные характеристики. Но нам они тем более понятны, что соотносятся с элементами русского фольклора. Мертвая власть, как и мертвая вода, способна создать вокруг себя неживое, окаменелое пространство, в котором будет масса достоверностей, имитирующих живую жизнь народа и государства. Но это будут всего лишь окаменелые достоверности: безжизненные органы власти, омертвелое искусство, мертворожденные «герои».

Власть живая и власть мертвая... Что это такое? Каковы их отличия? По внешним признакам, по атрибутам отличить власть живую от мертворожденной или омертвевшей не так просто, ибо мертвая власть обладает редкостным даром имитации и политической мимикрии. Самые жестокие диктатуры и диктаторы любят обставлять себя символами «народной» власти — парламентами, Советами, органами печати, якобы принадлежащими народу; они окружают себя угодными им артистами, художниками, поэтами.

Но эти «народные советы» мало кого могут обмануть. Ибо отличие живой и неживой власти — не во внешностях, а в сути.

Живая власть создает вокруг себя многоцветье партий и движений, дающих народу возможность выбора и альтернативных оценок. Власть мертвая уничтожает вокруг себя всякое несогласие, создает политическую пустыню.

Живая власть хочет слышать и слушает голос своего народа, создавая условия для гласности и борьбы мнений. Власть мертвая мерами цензурного насилия насаждает информационный «блэкаут», заглушает голос не только собственной общественности и народа, но и свободные голоса других стран и систем.

Живая власть печется о культуре и достоинстве своего народа, подтягивая народ до лучших образцов культуры и творчества. Мертвая власть боится своего народа и в силу этого страха невольно стремится снизить его культурный уровень, раздавить его достоинство. Ведь рабами легче управлять, чем свободными гражданами.

Живая власть заботится о единстве народа. Власть мертвая ссорит народ между собой: трудящихся — с интеллигенцией, рабочих — с крестьянами, кооператоров — со «служащими» и т. д.

В отличие от живой мертвая власть опирается не на естественные силы общества, не на нормальное движение хозяйства, не на гений народа, а на догму, вымысел, иллюзию. Это власть, главный стимул и цель которой — сама власть.

Такая мертвая власть и носит в своем чреве политические смуты. Но трагедия и парадокс истории и политики состоит в том, что смуты родятся уже после смерти тиранов и диктаторов. Так было при Иване Грозном, так было при Сталине.

И всякий раз после «великой» деспотии наступала великая смута, смута тем более страшная и опасная для государства, что «мертвая власть», лишая страну живых органов управления, действуя исключительно через насилие и обман, развращала и самое себя, и народ, превращая граждан в холопов, народ — в чернь, общество — в толпу.

Драма правителей, государей, лидеров, на чью долю выпадает миссия выводить страну из смутного времени, состояла и состоит прежде всего в том, что им приходится иметь дело с этим страшным наследием деспотии — разорением народной нравственности. Такова была в русской истории доля Бориса Годунова, принявшего царский венец после кровавой эпохи Ивана Грозного.

Николай Карамзин ошибался, выводя злосчастья короткого царствования Годунова из кары господней за кровь царевича Димитрия, якобы убиенного в Угличе по приказу Бориса. Исследователи опровергли этот один из самых живучих мифов русской истории, в который верил даже проницательный Пушкин. Царю Борису действительно вредила народная молва, приписавшая ему убийство наследника, а противники Годунова использовали эти слухи в борьбе против царя.

Вспоминая об этом историческом эпизоде, уместно сказать и о том, как важен «имидж» политика для успеха проводимых реформ. Как важно, чтобы народ понимал смысл проводимой политики. В противном случае самые благие намерения могут трансформироваться в народном сознании в свою противоположность. Это соотношение власти и народного сознания очень проницательно чувствовал Пушкин. В «Борисе Годунове» даны тончайшие наблюдения над психологическими аспектами власти. Вспомним знаменитый монолог Годунова:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе...
...Я думал свой народ
В довольстве, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибал;
Я отворил им житницы...
я их сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!..
Вот черни суд: вещи ж ее любви...

Все ставилось в укор нелюбимому царю. Во время великого голода 1601—1602 годов Годунов велел покупать хлеб у немцев в Иван-городе. Но молва обвинила его в обратном — в том, что он запретил покупку хлеба за границей, «стыдясь питать народ свой чужим хлебом».

«Нелюбовь к государю,— рассуждает Н. Карамзин, — рождает нечувствительность и к государственной чести!».

В чем же причина несчастной государственной доли просвещенного царя и мудрого правителя, каким был в русской истории Годунов? Разумеется, не в том, что его преследовала «кровь невинного младенца». Беда Бориса, а вместе с ним и государства тянется из тиранского царствования Ивана Грозного. Помимо многочисленных частных преступлений и убийств, Иван Грозный совершил злодеяние, которое не идет ни в какое сравнение с казнями бояр и воевод: своим тиранством он развратил народ. Поправ в стране закон, введя в обычай доносы и террор, он убил в народе веру в справедливость. Именно отсутствие закона и законопослушания обращает народ в толпу, а гражданина в холопа, готового сегодня доносить и оговаривать из страха или корысти, а завтра жечь и неистовствовать. В условиях тирании и насилия народ теряет всякую меру добра и зла, доблести и трусости, чести и предательства. Описывая ужасное падение нравов в период «смутного времени», историк с горечью восклицает: «Тогда уже ничто не изумляло Россиян: тиранство притупило чувства».

Зло тирании тем опаснее, что оно не только развращает настоящее, но и разрушает будущее, «...губительной рукой, касаясь самых будущих времен».

Опасность, которая грозит сегодня гражданскому миру, не в последствиях перестройки, как нам пытаются внушить ее противники, не в слабости «руки Горбачева», а в отсутствии у нас нормального гражданского и демократического общества, которое вначале было «срыто» десятилетиями сталинского террора, а затем залито политическим мармеладом в межеумочный брежневский период. Жертвой этого разврата стала и сама власть и, что еще опаснее,— народ. Власть можно сменить, и эта смена, хотя и запоздалая, произошла. Но народ не выбирают и не меняют. Подобно запущенной, обезплодившей ниве, он восстанавливается лишь долгим и умным трудом.

История учит: народ нельзя ни умилостивить, ни купить. Подачки, лесть, раздача даровых хлебов из государственной казны (то, что у нас теперь называют дотациями), заигрывание с народом приводят к противоположным результатам: власть, которой прежде боялись, становится посмешищем в глазах толпы, развращенной тиранией. У государства, как и у народа, есть лишь одно верное лекарство — труд. И обещать народу иные чудодейственные средства — это значит обольщать его миражами. Задача власти не задабривать народ, а дать ему возможность вольного труда. На протяжении десятилетий в российском народе убивалась воля к такому труду, ибо его стимулы были фальшивы. В результате на место русского мастерового, славившегося сметкой и трудолюбием, пришел плакатный герой, «нарисованный человек», которого блазнили нарисованным счастьем.

Помню в детстве, когда мы уезжали от скудных городских хлебов на лето в деревню, «на молоко и ягоды», один крестьянин сказал мне запавшие на всю жизнь слова: «Народ не обманешь». Народ действительно не обманешь. На лукавство власти он отвечал своим лукавством. На фальшивые лозунги — фальшивым трудом, на пустые деньги — негодным товаром. Но этот ответный и вынужденный обман обходится самому народу большими утратами: утратами нравственного здоровья, отвычкой от честного квалифицированного труда, пристрастием к «халтуре» и к суррогатам культуры.

Мы уже научились поругивать власть, тем более что оснований для этого хватает. Достаточно вспомнить лики этой «народной власти». Ну хотя бы Брежнева и его окружение. И сонмища холопов вокруг них. Горькое пробуждение.

Но не менее горьким приходит к нам и другое отрезвление — трезвая оценка народа. Наряду с «мудрыми вождями» мы так долго пели гимны «сознательным рабочим и крестьянам», что с ходом лет сами поверили в безгрешность и тех, и других. А между тем на наличие опасных, иррациональных начал в отечественном характере указывали и русские историки, и мыслители, и писатели, в том числе Горький, Короленко, Чехов, Толстой, Бунин, Ленин... Показательно, что одна из самых откровенных статей Горького, посвященных народу, называется «Две души». Мы знаем хрестоматийно Горького прежде всего по его романтическим «песням», где он пытался поднять человека до образа «сокола». Но реальный Горький был другим, и люди, которые его окружали, тоже были другими, весьма далекими от плакатного Данко,— люди из «Городка Окурова», из «Матери», из «Детства».

Соблазны анархии и уравнительного счастья, неумение разглядеть даже собственную пользу в тех или иных мерах правительства — эти черты подмечал в народе и В. Г. Короленко, один из самых честных русских писателей. Сетуя по поводу беспорядков и погромов, прокатившихся по губерниям после Манифеста 17 октября 1905 года, манифеста, напомним, впервые давшего России действительные гражданские права и свободы, В. Г. Короленко писал одному из своих корреспондентов: «Какая тут к чорту республика! Вырабатывать в народе привычки элементарной гражданственности и самоуправления — огромная работа, и надолго».

Со всеми поправками на время и на эволюцию политических понятий и народного сознания, мы там не менее находимся и сегодня в сходной ситуации. Перестройка, положившая конец бесправию, открывающая народу и стране путь в правовое государство, разбудившая, как и во время революции, огромные силы народа, во многом, похоже, не понята им. Не понята прежде всего потому, что предшествовавшая перестройке «мертвая власть» в течение долгих десятилетий обманывала народ, тогда как одна из главных задач власти живой — говорить народу правду и делить с ним общую судьбу. Но у нас есть обретенный жертвами и страданиями народа исторический опыт. Опыт этот говорит: счастья нельзя достигнуть иллюзиями. Нужно не обольщать народ молочными реками и кисельными берегами социализма, а помочь ему вновь обрести себя в свободном труде, условия для которого создает возрождающаяся демократия.

Мы уже избавились от фальшивого почитания власти. Столь же полезно избавиться и от другого недуга — умильного народопочитания. Надо понять наконец, что народ в целом не может быть ни абсолютно дурен, ни абсолютно благостен. В любом народе есть хорошие и дурные черты. Нет народов богоизбранных, есть народы, которые сами работают над своей судьбой.

Рисунок И. Смирнова.

БАНК ИДЕЙ

КРЕДО — ПЛЮРАЛИЗМ

Гуманизация образования... Вспомним, что еще до начала нашего перестроечного времени многие технические вузы всерьез задумались о несправедливом отлучении своих студентов от великого мирового наследия гуманитарной мысли. Очень робко, под ревностным догляДом министерских чиновников кое-где стали возникать факультеты общественных профессий, эстетические семинары, ставшие весьма популярными среди студентов.

После всего 1985 года стало совершенно очевидно: старые принципы общественоведческой подготовки исчерпали себя предельно.

В Указе Президента страны от 15 мая 1990 года сформулирована задача разработать государственную программу развития высшего образования, важнейшей основой которого должна стать его, образования, гуманизация. Таким образом, то, что еще несколько лет назад на ощупь экспериментировали десятки энтузиастов в нескольких вузах и университетах страны, сегодня возведено в ранг государственной, общей нашей заботы. Потому что интеллектуальный уровень общества — это и есть наиважнейшая забота государства.

Через полтора месяца в конце сентября, в Москве планируется провести всесоюзную встречу обществоведов. Тему предстоящей дискуссии коротко можно обозначить так: как повернуть студентов лицом к проблемам общественных наук. Согласитесь, здесь очень нужны свежие идеи. И потому мы предлагаем начать эту дискуссию прямо сейчас.

Если несколько перефразировать всемирно известный принцип французских критиков феодализма XVIII века — «Дайте делать дело, дайте свободно идти», можно сказать, что нынешний лозунг советского обществознания — «Дайте свободно мыслить!».

Ну, положим, свободно мыслить дали, а что дальше? Как преодолеть монополизм, дать слово разным школам и ученым?

Плюрализм в обществознании отнюдь не равнозначен всеядности. Скажем, предоставляя место в нашем журнале разным направлениям и школам, мы выдвигаем одно главное требование: концепции должны быть оригинальны и прогрессивны. И не случайно, что в журнале появляется крайне мало статей консервативного тона.

Хотя при всем при том я убежден, что консервативное направление имеет право на существование в общественной мысли. В западном обществоведении консервативные школы всегда располагали высоким научным авторитетом и влиянием. Но там консерватизм давно обрел способность, защищая фундаментальные ценности, смотреть в будущее, интегрировать новые идеи. Наш же консерватизм остается догматичным, а то и просто реакционным: невероятно, но факт — иные наши политические консерваторы поминали ностальгию по сталинизму на ностальгию по Николаю III. Естественно, подобные позиции не могут получить заметное место в нашем журнале.

Конечно, плюрализм в обществоведении и в нашем журнале утверждается не так легко, как это может показаться со стороны. Ушли в прошлое схватки с цензурой, уже год, как она и не пытается «участвовать» в научных дискуссиях. Но и поныне случаются попытки отдельных «вышестоящих» товарищей по личной инициативе взять «на испуг», запретить публикацию неугодной статьи. Но общая ситуация в стране сильно ослабила диктат сверху.

Впрочем, для науки в такой же мере не приемлем и диктат снизу. Последний стал проявляться как раз в годы перестройки. От обществоведов требуют незамедлительной выдачи панацей от всех наших зол, их порой тянут к ответу за пробуксовку перестройки. Особенно достается сегодня как от правых, так и от левых популистов нашим экономистам, от которых ультимативно требуют «договориться» о единой концепции вывода страны из кризиса. Но мы уже пытались достичь одной истины в науке... Приведение к единому знаменателю взглядов Абалкина, Бунича и Сергеева означает одно — смерть для плюрализма, а с ним — и для творческого развития науки. Кроме того, долг ученых формулировать и давать экспертные оценки различных концепций, идей и проектов. А вот их выбор и практическая реализация зависят уже не от них, а от законодателей, политических партий, Советов, министерств, трудовых коллективов.

Защита науки от любого диктата — сверху и снизу — требует правового закрепления. И здесь встает речь о развитии академических свобод. Об этом практически не говорят в научной общественности, хотя, на мой взгляд, пришла пора создания Координационного совета по защите академических свобод как в «чистой науке», так и в вузах. Должен быть принят кодекс, гарантирующий ученому право изложения своих концепций и в печатных трудах, и в лекционных курсах, и в ходе семинарских занятий.

Говоря о плюрализме в общественных науках, нельзя не коснуться его связи с процессом дидеологизации, о которой сегодня говорится так много и так громко. И, мне кажется, мы в последнее время весьма преуспели в том, чтобы спорить, не вдумываясь в суть. И в этом случае разве можно представить ученого без определенных мировоззренческих принципов?

Автор теории дидеологизации, американец Даниел Белл, как ни парадоксально, отнюдь не дидеологизированный обществовед. Напротив. В течение своей жизни он стоял и на социалистических, и на консервативных позициях. И надо заметить, это не помешало ему сохранять высокий авторитет среди ученых, пользоваться мировым признанием. Я бы не спешил объяснять подобную эволюцию «приспособленчеством», скорее она была реакцией на меняющиеся объективные требования развития американского общества. По крайней мере каждая из его новых доктрин весьма точно определяла линию развития западного общества в тот или иной период.

Мало того, дидеологизация в чистом виде означала бы стирание теоретических и мировоззренческих различий между учеными и школами. А что в результате? Знакомая до оскомины скука... Лично я предпочел бы говорить о деполитизации общественных наук. Ведь по сути сегодняшний призыв к дидеологизации — это тоска по освобождению не от мировоззренческого выбора, а от роли слуги и комментатора партийных программ.

Но тут возникает вопрос о монополии марксистской методологии. Ведь если мы осознаем себя неотъемлемой частью мировой общественной мысли, то надо развивать с немарксистскими школами широкий диалог. А возможен ли он при традиционной конфронтации, к которой неминуемо ведут притязания на монополию? Да, ведь и марксизм по своей сути — одна из самых открытых научных систем, и, например, его западные последователи, верные духу этой открытости, никогда не испытывали трудностей в общении с оппонентами. Наоборот — подпитывали друг друга новыми идеями. Так что проблема скорее в том, чтобы советское обществоведение само стало подлинно марксистским и перестало быть сталинско-брежневским. Тут может помочь и освоение опыта современной западной марксистской мысли, в отношении которой в эпоху застоя мы подчас занимали даже более непримиримую и сектантскую позицию, нежели в отношении немарксистских течений.

Сегодня и само обществоведение проходит своеобразный и полезный публицистический этап развития. Идет ломка стереотипов, высказываются новые идеи и гипотезы. Это интересный процесс. Однако наше тоталитарное сознание, тяготеющее к одномерности, слишком многое из того, что высказывается в бурных политических спорах, встречает как истину в последней инстанции. К сожалению, среди ученых встречаются те, которые выдвигают идеи и рецепты, которые больше всего хотят услышать массовые аудитории, но которые не могут получить научного подтверждения. В условиях плюрализма запретительные методы в отношении «лженаук» не уместны, но вот жанр сатиры применительно к ним был бы очень полезен. Так, иные политизированные средства массовой информации активно занялись идеализацией русского предреволюционного капитализма и особенно царя Николая II. Цель такой идеализации очевидна — она отнюдь не в поиске исторической истины. Поразительно, что наши непримиримые левые и непримиримые правые сошлись тут, невзирая на взаимную непримиримость.

В. СОГРИН,
доктор исторических наук,
главный редактор журнала
«Общественные науки».

Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не несут ответственности за насаждавшееся долгие годы сектантское сужение их учений до интересов одного класса. Да и сейчас немало ортодоксальных защитников «чистоты идеалов». Дело, однако, в том, что стремление к идеалу и движение к нему должно быть осознанным. Вряд ли поле научных исследований развития человечества может быть сведено только к одной науке, в том числе и марксизму. Ведь и сам марксизм, включая в себя общечеловеческие ценности и идеалы, отнюдь не претендует на исключительность. Он органически вписывается в многоцветье наук о человеке и обществе.

В этом, думается, и состоит новизна подхода к преподаванию социально-политических наук. Здесь должны найти свое место не только Маркс, Энгельс, Ленин, но и Плеханов, Бухарин, Бердяев, Грамши, Димитров, как и Каутский, Отто Бауэр, Бернштейн, Вилли Брандт, как и Гелбрейт, Рассел, Леонтьев... Этот ряд имен, разумеется, можно продолжить, если мы действительно хотим представить студентам сложнейший процесс развития мировой цивилизации.

Прав был один из героев Бернарда Шоу, когда говорил: «Я не знал, как выглядит мой дом, пока не вышел за его стены». Десятилетиями не выходили мы за пределы своего дома ни в практике, ни в теории. Большинство из нас, обществоведов — и научных работников, и преподавателей, — были похожи на ловкого ученика, подгонявшего решение задачек под ответ в конце учебника. Классики же настойчиво предупреждали, что каждый практический шаг движения важнее дюжины программ. На успех движения трудно рассчитывать, если оно ведется по абстрактным схемам, если реальная жизнь подгоняется под искусственно сконструированную утопическую цель. Признаем же, что нам все еще трудно соотносить марксистско-ленинскую теорию с практикой, идеал с практицизмом и здравым смыслом.

В условиях краха сталинской модели социализма и у нас, и в странах Восточной Европы в связи с негативизмом и потерей веры в коммунистический идеал нам особенно важны не демагогические «клятвы верности» принципам, а овладение современным мировоззрением, сочетающим подлинную верность коммунистическому общечеловеческому идеалу с практикой общественного развития. В этом, на мой взгляд, и состоит важнейшая методологическая основа преподавания общественных наук. Ее существенными элементами могут быть Программное заявление XXVIII съезда партии и альтернативные концепции реализации социалистической идеи как в нашей стране, так и в других странах.

Нельзя забывать также, что долгие годы общественные науки «подпитывались» пустопорожней политической трескотней. И если присущее нам материальное расточительство привело к пустующим прилавкам, то словесное — способствовало формированию бездумных «марксистов». Разумеется, нынче было бы особенно полезно, как советуют литераторы, составлять для себя словарь затасканных, пошлых, негодных к употреблению слов и псевдонаучных терминов. Но боюсь, что, если такой словарь составить, он немногим отличался бы от обиходного словаря человека восприятного на политических штампах.

Пропаганда любых идей бессмысленна, если они излагаются казенно, бесстрастно. Такого рода канцелярским адом можно убить самые райские намерения. Студенты в такой аудитории играют в крестики-нолики.

Еще Николай Васильевич Гоголь смиренно просил нас: «Слог профессора должен быть увлекательный, огненный». Ах, Николай Васильевич, вас бы в штат Госкомитета по народному образованию!.. Когда я сдавал экзамен на водительские права, мне предлагали нажимать на кнопки. Но ведь в противоречивых явлениях жизни, исследуемых социально-политическими науками, как правило, нет однозначных ответов: либо «да», либо «нет», либо «направо», либо «налево». Тем не менее, посетив мою лекцию, одна высокопоставленная особа посоветовала для большей доходчивости изображать на доске кружочками основные признаки революционной ситуации. Увы, это было не столько смешно, сколько грустно. Неужели же общение преподавателя и студента глаза в глаза, гипноз свежей мысли и взволнованной речи не мудрее примитивных кружочков и схем?

Очищая наше учение от многолетних искажений, глубже изучая его непреходящие методологические основы, нам самим непременно надо очиститься от казенного словоблудия и в самой науке, и в ее преподавании.

А. КАЛЬМАНСОН,
кандидат исторических наук.

Много лет мы были убеждены в принципиальной несовместимости рыночных отношений и сферы культуры. Покупая книги, грампластинки, билеты на концерты или в театр, мы сочли бы оскорблением нравственного чувства рассуждения об извлечении прибыли, экономической выгоде в области производства этих благ. Утверждать, что последние годы заставили большинство из нас основательно пересмотреть свои позиции, было бы большим преувеличением. Напротив, опыт работы учреждений культуры в условиях хозрасчета породил новые сомнения и укрепил позиции адептов бессребрености в искусстве.
И все-таки рыночная экономика — это реальная перспектива ближайшего будущего и у страны альтернативы нет.
Как сложится судьба культуры? С этим вопросом мы обратились к одному из убежденных «рыночников», заведующему сектором экономики ВНИИ искусствознания А. РУБИНШТЕЙНУ.

АПОЛОГИЯ РЫНКА И АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ

— Отношение к рынку в сфере культуры по-прежнему неоднозначное. Все понимают, что культура наша на грани катастрофы. Да и трудно опровергнуть такие веские доводы, как повсеместное разрушение памятников, ужасающая нищета театров, музеев, клубов, возрастающая нечувствительность наших сограждан к благам культуры, выраженная в снижении посещаемости, в заполнении театральных залов «мертвыми душами». Но если сторонники рынка усматривают в этом прямое следствие отсутствия нормальных рыночных отношений и, стало быть, переход к ним считают единственным эффективным лекарством, то «антирыночники» приходят к совершенно неожиданным выводам. Рынок, по их мнению, разрушит последнее, уничтожит саму надежду на возрождение. В основе их аргументации известные сентенции об изначальном, природном антагонизме алгебры и гармонии, некой романтической автономии от бренной земной жизни, которая развивается все-таки по законам рыночного производства, и прочая.

При этом на рынок возлагается ответственность за все огрехи реформаторского творчества ведомств, имеющего рыночную внерыночную природу. Но когда Госплан дал задание увеличить платные услуги на 40 процентов, а затем старым казачьим способом был разработан и доведен до каждого клуба план их реализации, к рынку это не имело никакого отношения. Мало походило это и на искреннюю попытку создать школу новых принципов хозяйствования, зато явственно просматривалось очередное мероприятие оперативного реагирования фискального толка. Результат известен: многие клубы, поставленные перед необходимостью зарабатывать деньги и не имеющие ничего для повышения качества услуг или внедрения новых, действительно стали взимать плату за то, что в условиях рынка никогда бы не прошло. Хозрасчет есть внерыночная форма самофинансирования и, естественно, что-либо изменить к лучшему не может, поскольку не затрагивает столпов планово-распределительной системы, и главное — не может установить крепкую связь производителя с потребителем, непосредственную зависимость деятельности первого от запросов последнего. Ведь ничего же не изменилось в жизни положении тех провинциальных театров, которые влачат жалкое существование именно потому, что не нужны городу. А разве многочисленные театры-студии рождены реальной потребностью в них города, района, той или иной социальной группы? Нет, тут зачастую действуют иные мотивы.

— Наша связь с искусством может иметь разные формы. Один из доводов ваших оппонентов, насколько мне известно, сводится к тому, что рынок по самой своей природе ориентирует на обслуживание, а не на воспитание человека.

— Вообще-то вопрос этот достоин отдельного разговора, но давайте хотя бы в самых общих чертах договоримся, что понимать под словами «обслуживание» и «воспитание». Развитие личности немыслимо без внутренней, сугубо индивидуальной работы, которую проще всего представить себе в виде самостоятельных поисков ответов на «вечные» вопросы. Дело профессионального искусства, образования — помочь человеку в этом труде, придать ему новые импульсы, если хотите, спровоцировать, не покушаясь при этом на его самостоятельность. В развитых странах Запада все теоретические построения в области финансирования и организации искусства исходят из идеи суверенитета потребителя — безусловного права и предоставления реальной возможности каждому смотреть, слушать, читать то, в чем он ощущает потребность, что ему нравится. Что это: воспитание или обслуживание? А когда студенты западноевропейских и американских университетов обращаются именно к тому преподавателю, в помощи которого почувствовали для себя необходимость?

У нас, как известно, ситуация принципиально иная. Много лет искусство, культура видят свою воспитательную роль во внушении, лобовой пропаганде готовых истин. Хочу верить, что скоро уже никому не надо будет объяснять: мало заклеймить с газетных страниц излишнюю идеологизацию культуры, мало поменять «плюсы» (сталинские, брежневские и прочая) истины на «хорошие» (демократические, общечеловеческие), надо прежде всего перестать спускать их на головы масс из верховного центра компетентных мудрецов, как бы он ни назывался, изменить сам подход к процессу освоения культуры человеком. Иначе мы снова при самой благоприятной политической ситуации будем гадать, отчего пустуют наши концертные и театральные залы. Народ ли по своей злобредности и природной ущербности не хочет внимать нашим премудростям, или все-таки мудрые вещания не являются реакцией на реальный социальный запрос, ответом на созревшие интересующие людей вопросы. Услышать эти вопросы, безошибочно определить, что нужно человеку, обществу, может только рынок. И в какой степени нужно — тоже. Рынок всему назначает свою цену, определяет, кто есть кто.

— Но крупные таланты редко бывали оценены современниками по справедливости. Все принципиально новое в науке ли, в искусстве не может сразу стать достоянием массового сознания, а стало быть — рассчитывать на повышенный спрос. Ван Гог, как известно, умер в нищете...

— Очень распространенная ошибка — взять пример из эпохи неразвитых рыночных отношений и объявить отличительной чертой рынка вообще. Да отчего же открытие в любой области не может стать в короткий срок достоянием масс, если оно сулит какие-то новые блага?! Многолетние пробивания, утверждения остроумного изобретения — наше фирменное явление. А для всего мира — консенс. Само слово «внедрение» в привычном для нас понимании практически не переводится ни на один европейский язык. Не способно переварить рыночное сознание, как можно с трудом и болью внедрять то, что нужно хватать на лету и как можно скорее использовать.

Лично я не припомню случая, чтобы на рынке имел успех залежалый, вчерашний товар. «Осетрина второй свежести» могла появиться только тогда, когда с рынком было, по сути дела, покончено. Тогда же афоризм «о вкусах не спорят» — дитя чисто рыночного мышления — стал приобретать некий зловещий смысл.

Моя убежденность в том, что сладкое вредно для здоровья, не может помешать вам покупать конфеты и тем самым давать возможность существовать кондитерской фабрике. Но в слишком недавнем прошлом пьеса, которая не понравилась кому-то лично (не обязательно по соображениям идеологическим), могла быть объявленной вредной для всех, то есть попросту запрещалась. Художник, не нашедший сочувствия и понимания в одной социокультурной группе, автоматически лишался возможности искать его в другой. Именно в этом его трагедия, именно здесь формула непонятности и непризнанности. Рынок же дает возможность художнику существовать до тех пор, пока он хоть кому-то нужен, то есть гарантирует нормальный, здоровый плюрализм в искусстве.

Вероятно, вы согласитесь, что Эймунтасу Некрошюсу и Анатолию Васильеву не повредил бы климат рынка. И не потому, что их искусство может быть понятно многим (как раз наоборот), а потому, что очень высоко ценится теми, кому понятно.

Коммерческое искусство — это высокое искусство. И если хотите классический пример «рыночного» спектакля, в котором острота интереса пропорциональна широте аудитории, то это, безусловно, «Поминальная молитва» Марка Захарова.

Но вот что интересно: подняв цену билетов на этот спектакль до 6 рублей (о чем сейчас так много говорят), театр все-таки не решился сделать ее по-настоящему рыночной. И примеров такой отваги я пока не знаю.

— Все это, конечно, так, но, честно говоря, мне становится неуютно от мысли, что завтра уже не за углом, на «черном рынке», а прямо в кассе театра с меня могут потребовать рублей эдак 25 за билет на ту же «Поминальную молитву».

— Но ведь он именно столько стоит! «Черный рынок» — тоже рынок. Он тоже всегда устанавливает точную цену всему и заставляет нас платить ее. С той разницей, что это не идет во благо ни производителю, ни обществу, в порядке возмездия за нарушение объективно существующих законов. И от «черного рынка» не спасут никакие милиционеры. Он всегда возникал и будет возникать там, где нарушены нормальные рыночные отношения.

Жесткий контроль за ценами со стороны государства, искусственное сдерживание ценовой динамики, как известно, почти автоматически приводит к эффекту подавления инфляции. И тогда несостоявшийся количественный рост цен сублимируется в качественное обесценение денег, следствием которого является дефицит большинства производимых продуктов и услуг.

Очень ярко это проявляется и в жизни самих советских театров и музыкальных коллективов. Их расходы на подготовку спектаклей и концертов минимальны и на протяжении последнего десятилетия остаются почти неизменными (для сравнения: у американских театров они за тот же период возросли в два с половиной раза, у концертных коллективов — в полтора). Казалось бы, можно позаздовать. Но при этом наши администраторы испытывают все большие трудности в приобретении всего необходимого для деятельности творческих коллективов — музыкальных инструментов, звукового и светового оборудования. Так что Валерию Захарову, первому заместителю генерального директора ГАБТ, достать самые дешевые в мире материалы не проще, чем вам попасть на спектакли самого дешевого в мире оперного театра.

Все чаще и чаще можно услышать: пришлось отказаться от постановки, потому что физически не во что «одеть» спектакль, достать минимум необходимого для реализации творческого замысла. В прошедшем сезоне количество премьер, то есть наша с вами реальная возможность смотреть новые спектакли, снизилось более чем в два раза. Достаточно впечатляющий, как мне кажется, показатель размеров скрытой инфляции.

Административное сдерживание цен еще никогда и нигде в мире не приводило к повышению реальной доступности товаров и услуг, отнюдь не способствовало развитию производства.

При всяком движении в сторону рынка в случае полной отмены или ослабления ценового контроля со стороны государства накопленная энергия инфляции трансформируется в «законный» рост цен. Но в перспективе можно ожидать, что взлетевшие цены приведут к увеличению производства, а значит, обеспечат снижение издержек, с одной стороны, и рост доходов, с другой. В этом в конце концов и состоит существо рыночного механизма.

— Теоретически это ясно. Но, думаю, многим из нас очень трудно будет ощутить какую-то выгоду от того, что недоступность хороших книг, концертов, спектаклей по причине дефицита сменится недоступностью по причине их дороговизны. С недавних пор откровенная статистика сообщила: 70% вкладов не превышают тысячи рублей, всего лишь 7% населения имеют среднедушевой доход свыше 250 рублей. По данным Госкомстата СССР, уже в 1988 году ниже «черты бедности» проживали 41 миллион человек, в ближайшем будущем, если смотреть правде в глаза, мы можем ожидать стремительный рост числа сограждан, попавших за эту черту.

Не надо быть пророком, чтобы понять: неизбежные трудности переходного периода приведут к тому, что для большинства населения страны блага культуры будут просто не по карману. При этом трагический парадокс заключается в том, что первой будет отлучена от культуры интеллигенция, поскольку здесь, как известно, обеспеченные люди редки. Мы рискуем вообще уничтожить и без того тонюсенький, весь в прорехах слой, что вряд ли пойдет на пользу как развитию самой культуры, так и обществу в целом. Совсем не риторическим становится вопрос — с кем и с чем, с каким нравственным и интеллектуальным потенциалом мы вступим на обетованную землю рынка.

— Как бы ни были развиты рыночные отношения, как бы благоприятно ни складывалась экономическая ситуация, культура всегда нуждалась и будет нуждаться в финансовой опеке со стороны государства. Связано это с тем, что во всем мире рост издержек учреждений культуры опережает рост доходов. В отличие от материального производства культура не может себе позволить увеличить прибыли за счет роста цен, это действительно означало бы отлучение от культуры слишком больших групп населения (особенно, вы правы, в наших сегодняшних условиях), что никогда еще не шло на пользу обществу. Чтобы этого не произошло, социально ответственное правительство должно компенсировать издержки учреждениям культуры, то есть как бы заплатить за каждого гражданина часть сформированной рынком цены тех или иных культурных благ. Подчеркиваю: именно рыночной цены; речь идет о мерах социальной защиты потребителя, но не об административном вмешательстве в законы функционирования рыночных механизмов, всю пагубность последствий которого нам теперь предстоит испытать на себе.

Я не ошибусь, если, учитывая сегодняшнюю ситуацию почти глобального дефицита, предскажу значительное повышение цен на большинство товаров и услуг. Самые осторожные предварительные расчеты показывают, что по учреждениям и предприятиям системы Министерства культуры материальные затраты возрастут на 1,8 миллиарда рублей, на 0,75 миллиарда рублей — в кино, на 0,35 миллиарда рублей — в печати. Понятно, что значительно возрастет также стоимость капитального строительства, машин и оборудования. Если к этому добавить почти автоматическое повышение стоимости реставрационных работ, а также необходимость общего увеличения капитальных вложений в культуру, то можно с большой долей вероятности прогнозировать возрастание затрат на эти цели примерно в 2,5—3 раза. Очевидно, что их источником могут быть и должны быть только бюджетные средства.

Прибавьте выплату компенсационных надбавок в связи с повышением розничных цен (1 миллиард рублей) и обещанное повышение заработной платы работникам культуры (еще 900 миллионов рублей ежегодно). Прежние унизительные заработки должны уйти в прошлое не позднее 31 декабря нынешнего года.

Таким образом, общая сумма дополнительных бюджетных ассигнований, имеющих компенсационный характер, должна составить примерно 4,8 миллиарда рублей.

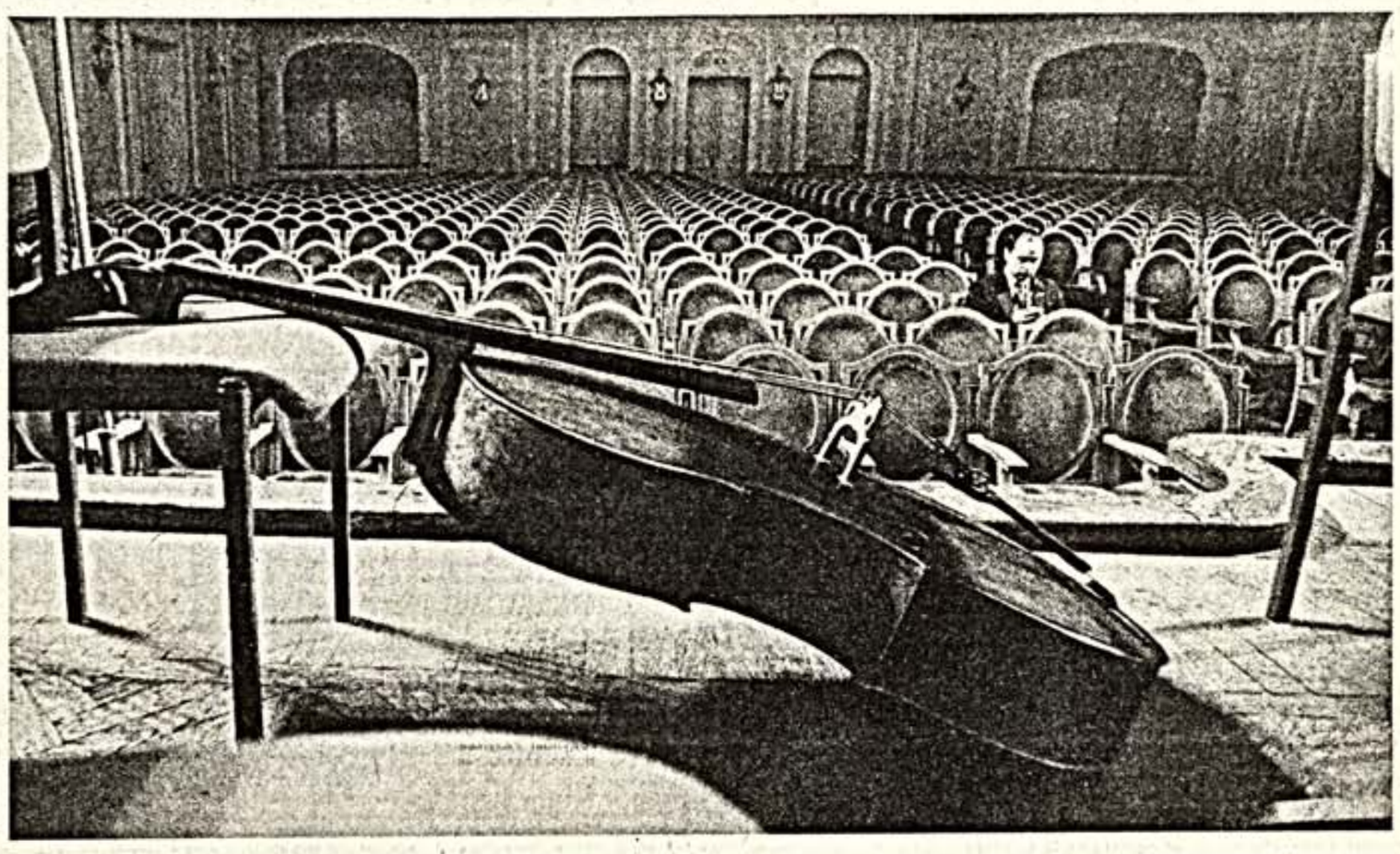
— Такая щедрость по отношению к культуре не в традициях наших руководителей...

— Да, традиции у нас в этом отношении действительно весьма самобытные. Тем, кого все еще пугают слова «коммерциализация искусства», «коммерческий театр», хочу напомнить: вопреки известному правилу у нас государство только заказывало музыку, но, в сущности, никогда за нее не платило. Если в бюджете шведских театров самостоятельно заработанные средства составляют около 15 процентов, западногерманских — не более десяти, то у нас больше половины. У нас же самый коммерческий театр в мире! Такой жестокой эксплуатации талантов, доведению их почти до полного обнищания просто нет аналогов. Как они существовали при заданной планке цен, при полной «объективной» невозможности экономически грамотно вести хозяйство, необъяснимо, но в сложившейся ситуации без комплексных мер компенсационного характера уже не спасет никакая самоотверженность и никакая эстетика «бедного театра». Нас ждет массовое прекращение существования тысяч творческих коллективов, толпы безработных актеров и музыкантов, неизбежное стремление тех, кто уцелеет, заработать деньги любой ценой, характерное для «дикого» рынка. Это трудно себе вообразить, но у нас просто не будет культуры.

— Мрачные прогнозы...

— Когда положение настолько серьезно, скрывать правду преступно.

Беседу записала
С. ФИЛОНОВА.
Фото В. Богданова.



ПРИ БЛИЖАЙШЕМ РАССМОТРЕНИИ

Черт зарыт в деталях — гласит народная мудрость. И чем глобальнее обсуждаемая проблема, тем большую важность приобретают «реплики с мест», мнения, рожденные конкретной практикой. Мы благодарны всем читателям, поделившимся в письмах своими соображениями о новых формах хозяйствования в сфере культуры, и хотим познакомить вас с некоторыми из них.

Нужны ли музы Гефесту?

Имя Мецената стало нарицательным без нашего участия, но только наше время сумело придать ему иронический смысл, а то и прямо осудить. Только нам удалось забыть о том длинном ряде шедевров, которыми гордится человечество, но которых просто не было бы без этой формы благотворительности.

Мой завод (Орловский сталепрокатный), безусловно, на лавры Саввы Морозова не претендует, но в 1982 году был и у нас опыт меценатства. Собрали лучших орловских художников, привезли на завод, познакомили с людьми, а потом объяснили гостям свою позицию: почему же, как не нам, коллективу крупнейшего предприятия, поддержать людей искусства? Договорились, что будем создавать заводскую картинную галерею.

Сегодня в ее фондах около 50 работ. Всего-то за столько лет! — скажете вы. Но на всех работах лишь две даты — 1982 или 1983 год. Все кончилось в одночасье. Мы забыли, что существуют и властвуют инстанции, где лучше знают, на что расходовать кровные заводские денежки. Затею признали грубым финансовым нарушением и тут же повсеместно распространили запрет, издав ее величество Инструкцию. Как раньше таким же образом запретили футбольные команды, танцевальные ансамбли и так далее. Слышал, что на ленинградском Кировском заводе в то же примерно время была похожая история.

Отсюда напрашивается вывод: жизненно необходимо немедленно отменить все имеющиеся на сей счет запретительные акты.

В. ЛЮМКИН.

ОРЕЛ.

Недетские вопросы

Доказывать огромное значение эстетического воспитания детей даже как-то неловко. Никто ведь не спорит. Но такое единодушие не делает жизнь музыкальных школ беспроблемной.

В настоящее время они существуют в двух видах — работающие на полной самоокупаемости, то есть за счет родительской платы, и частично (на 50 процентов) финансируемые за счет бюджета. Явная социальная несправедливость состоит в том, что размер оплаты равноценного для учащихся учебного плана продиктован только территориальным нахождением школы: в одном микрорайоне города бюджетной, в другом — самоокупаемой. Не логичнее ли выделяемые бюджетные ассигнования распределять между всеми школами города? А чем можно объяснить тот странный факт, что максимальная сумма взносов за обучение игре на фортепиано 23 рубля в месяц, а на скрипке — 1 рубль 50 копеек?

И еще один немаловажный вопрос: почему источниками для развития и содержания школ музыкально-эстетического образования могут служить только средства государственного бюджета и родительская плата? Почему бы не ввести в практику пополнение скромного школьного бюджета за счет отчислений от фондов социального и культурного развития предприятий?

А. МАНУХИНА.

МОСКВА.

Кто платит дважды?

Как известно, в течение всей трудовой жизни мы получали не все заработанные деньги. Часть их шла в «общую копилку», которая по мере наполнения обращалась в разнообразные блага для всех, в том числе и культурные. ДК и клубы предприятий строились на средства тружеников этих предприятий. Таким же образом в городе Калининграде Московской области еще при жизни академика С. Королева и по его инициативе был построен прекрасный Дворец культуры. Сегодня он оказался недоступен для большинства рабочих и горожан. И уж конечно, для пенсионеров, то есть тех, на чьи средства он когда-то и был построен.

Причина недоступности общеизвестна — высокие цены за вход практически на любой вечер, любой концерт. «Кусаться» стало и то, что прежде было бесплатно, то есть, если быть точным, оплачивалось из той самой «общей копилки».

Слышал, что такую же картину можно наблюдать сегодня и в колхозах, где ДК, согласно здравому смыслу, есть часть коллективной собственности.

Я не против рынка. Как и большинство советских людей, понимаю, что ему нет альтернативы. Но давайте сначала разберемся, кто кому и за что на этом рынке должен платить, что чье и на каком основании.

К. КОРНИЕНКО.

МОСКВА.

«ПРИНЦЕССА ГРЕЗА» ПОДОЖДЕТ?..

Третьяковка. Как хотите, но никак не могу связать это милое московское имя с железобетонным сооружением на Крымском валу. Потому, когда в редакцию позвонил заместитель генерального директора по строительству Всесоюзного музейного объединения «Государственная Третьяковская галерея» Анатолий Николаевич Полатовский и попросил приехать, подумала — наконец-то Третьяковка открывается! Но...

Встретиться мы договорились у поста милиции. И пока я ожидала в назначенном месте, к забору подходили люди, недоуменно глядели на кучи строительного мусора, немногочисленных рабочих. Это были явно приезжие, ведь москвичи, к сожалению, уже привыкли, что здесь, в Лаврушинском, идет ремонт.

А потом, карабкаясь с этажа на этаж по хлипким доскам, мы бродили по трудно пока узнаваемым залам. Ровный дневной свет проникает сюда сквозь новую стеклянную крышу, прекрасный паркет скрыт толстым настилом, практически готовы все коммуникации, стены оштукатурены под окончательную отделку. Еще чуть-чуть, и вернутся на свои законные места экспонаты...

— А вот здесь,— говорит Анатолий Николаевич, указывая на тусклую серую стену, будет «Принцесса Греза».

Но на этом разговор о грезах кончился и перешел на совсем другое будничное, что и составляет сейчас жизнь Третьяковки, а стало быть, и Полатовского,—кабель, пиломатериалы, камень, брус...

Он пришел на эту работу немногим более восьми лет назад, когда реконструкция только начиналась.

— Нам все время помогали,— продолжает Полатовский, — бывали, конечно, и срывы, сбои, но так или иначе строительство обеспечивалось все эти годы. Неладное я почувствовал в начале прошлого года, когда до срока сдачи объекта оставался год. Если бы тогда были выполнены все наши заявки, Третьяковка, вернее, первая ее очередь, приняла бы посетителей уже в этом году. Но произошел сбой. Мы пытались объяснить, где только можно, что, если потерять эти полгода, все планы рухнут. Так оно и случилось. И хотя Советом Министров СССР было дано несколько поручений по нашим проблемам, результатов они практически не дали. Ситуация такова, что потерянные сегодня недели обернутся завтра месяцами простоя. Если к концу этого года будут закончены работы по основному зданию галереи — то 1991 год уйдет на наладку и размещение экспозиции, и к 1992 году мы сможем принять первых посетителей. Если нет — все отодвинется еще на год, а то и больше.

Что же тогда, полтора года назад, произошло? Особой проницательности, чтобы ответить на этот вопрос, не требуется. Предприятия и целые отрасли стали уменьшать госзаказы, не принимать и урезать поставки по ним, начали переходить на прямые связи и натуральный обмен. Очевидно, что для учреждений культуры такая система не работает. Ну что может предложить галерея в обмен на тот же кабель или пиломатериалы — картину, скульптуру, офорт, икону? Это уже даже не проклинаемый «остаточный принцип» — там хоть что-то выпадало «в остатоки», а тут? Что будет эквивалентом в подобном «обмене»?

Кому нужна Третьяковка? Москве? Если да, то почему городскими службами только в августе — сентябре будет закончено благоустройство территории около Инженерного корпуса? Это новое, специально спроектированное здание с комплексом экспозиционных помещений, конференц-залом, студией детского творчества, вычислительным центром и другими службами — готово полностью. Зимой тут планировалась выставка «Шедевры Третьяковки». Но здание пустует, вокруг строительный мусор, лужи вместо клумб. В этом, кстати, нельзя обвинить строителей — на объекте лишь треть необходимого количества рабочих. Да и весь процесс реконструкции как-то выпал из поля зрения городских властей.

Нужна ли галерея, скажем, Белорусии или Грузии? Если да, то не странно ли, что Минлеспром БССР упорно не поставляет дубовые панели для порталов, плинтуса, двери и окна, а Грузия никак не может доставить красный отделочный мрамор?

Нужна ли она, наконец, всей стране? Если да, то тогда союзным Госснабу, Минэлектротехприбору, Минлеспрому, МВЭС следует ответить на бесчисленные заявки, письма, поручения, и ответить не очередными отписками, а заключенными договорами и недоданными материалами, многие из которых, кстати, по фондам предназначены именно для работ в Лаврушинском переулке.

Выходит, Третьяковская галерея нужна только тем, кто занимается ее реконструкцией и строительством, а вернее сказать — сражениями со всевозможными ведомствами. Они, «восстановители», носятся с идеями, убеждают, требуют. И... обращаются в «Советскую культуру»: они хотят, чтобы все мы обрели наконец долгожданный культурно-исторический центр, без которого Москва просто немыслима. И последнее слово здесь за теми, кто обладает сейчас реальной властью.

К. ПУЛЬСОН.

ПО СЛЕДАМ ЖАЛОБЫ

Защита от дураков

Однажды утром Андреевы стали бомжами. Алексей Александрович и Надежда Николаевна, как всегда, собрались на работу, двое сыновей — в детский сад. Уходя, Надежда Николаевна обнаружила в почтовом ящике официальное письмо, из которого следовало, что они являются лицами без определенного места жительства.

Девять лет назад Андреевы, тогда молодая семья, получили комнату от Домодедовского дорожного ремонтно-строительного управления. Дом был барачного типа — ни воды, ни газа, ни прочих удобств. «Ребята, потерпите,— сказали в ДРСУ,— мы ведь вас с очереди не снимаем». Андреевы прописались в бараке, а жить им пришлось на частной квартире — тем более что в семье появились дети.

Прошло шесть лет. Однажды Надежда Николаевна заметила, что вокруг дома, где они были прописаны, происходит что-то странное. Дом уже не имел ни окон, ни дверей, ни крыши, а вокруг рычали трактора, бульдозеры. Алексей Александрович пошел к своему начальству: «В чем дело?». «Ничего не знаем,— был ответ.

Еще год Андреевы вносили квартплату за комнату в этом доме. И только обратившись в домодедовскую прокуратуру, узнали, что здание давно продано производственному управлению «Автосервис», которое уже переоборудовало его под мастерские. Андреевы оказались без жилья и без прописки.

Что такое в нашей стране потерять прописку, известно любому. Автоматически ты лишаешься почти всех прав. Андреевым перестали выдавать талоны на сахар, мыло, стиральный порошок и т. д. Когда у Надежды Николаевны на работе потребовали выписку из домовой книги и копию лицевого финансового счета, домоуправление отказалось выдать эти документы: не может же семья быть прописана в ремонтных мастерских.

Андреевы трижды писали в прокуратуру разных рангов и трижды получали ответ домодедовского прокурора М. Городова: «Прокуратура не усматривает в деятельности администрации ДРСУ-6 нарушений жилищного законодательства».

Все мы, живущие в государственных квартирах, понимаем, что не являемся их собственниками. Но чтобы до такой степени...

Обращались Андреевы и в суд. Не буду описывать три заседания, где представители организации, оставившей Андреевых без крыши над головой, уверяли суд, что поступили правильно: «Раз они девять лет жили на частной, поживут и еще». Суд постановил — обязать администрацию ДРСУ-6 ходатайствовать перед исполкомом о предоставлении Андреевым квартиры в счет будущего строительства. Справедливость восторжествовала!

Увы... Прошло уже более полугода, но никто и не думает выполнять решение суда. Удивительное дело: если гражданину суд предъявит иск, то судебный исполнитель взыщет этот иск, хочет того гражданин или не хочет. А если организация нарушила права человека? Что может человек? Затеять еще одно разбирательство и добиться, чтобы руководителя организации оштрафовали за неуважение к суду. Он заплатит деньги (не из своего кармана), а выполнить решение суда его никто не заставит.

На начальника ДРСУ пыталась подействовать вышестоящая организация. Наша газета посылала ему запрос. Бесполезно. Ни на звонки, ни на письма он не отвечает. Все оказались бессильны перед начальником районного масштаба.

Сейчас, что ни день, принимаются новые законы. И Верховный Совет аплодирует им стоя. А наша жизнь по-прежнему зависит не от закона, а от местного бюрократа. Захочет директор совхоза — даст землю в аренду, не захочет чиновник из министерства — и «фабрики — рабочим» останется всего лишь красивым лозунгом.

Изобретатели новой техники предусматривают систему «защиты от дураков» — прибор должен быть устроен так, чтобы исключалась возможность некомпетентного вмешательства. Наверное, до тех пор, пока наши законы не имеют такого механизма и строятся по принципу «дышла» — ни одно из гражданских прав нам не может быть по-настоящему гарантировано.

Н. РУСАКОВА.

Вместо больницы — за решетку

Мой муж один из тех, кого отправили на принудительное лечение в ЛТП. Он попал туда по моему заявлению...

Я не имела представления, что такое ЛТП, и участковый этим просто-напросто воспользовался. Я написала заявление под его диктовку, и «колесо» завертелось. Как я поняла, участковому выгоднее избавиться от пьющего человека, чем возиться с ним. Я надеялась на медицинское заключение, которое подписывают врачи, по своей наивности думая, что они люди объективные, а мой муж не был безнадежным пропойцей. Кроме того, он написал заявление, что хочет лечиться добровольно. Главврач наркологического диспансера пообещал, что через неделю решит этот вопрос, в тот же день подписал медицинское заключение, что мой муж нуждается в лечении. У меня до сих пор в ушах звучат его слова: «Принесите мне карточку алкоголика Панина». Это было сказано подчеркнуто для меня, чтобы я поняла, какое ничтожество мой муж.

Я написала встречное заявление в суд, где просила, чтобы мужа оставили лечиться по месту жительства в наркологическом диспансере.

Состоялся суд, на который меня даже не пригласили, и мужа отправили за колючую проволоку. Ходила я с жалобой к прокурору города, его заместитель через две недели, ознакомившись с делом, сказал, что уже ничем помочь не может... Даже преступники имеют право обжаловать решение суда, почему же в этом отказано тем, кого направляют в ЛТП?

Е. ЕВДОКИМОВА.

КАРШИ,
Кашкадарьинская область.

АКТУАЛЬНО!

Только по одной?

Вот еще один дефицит! Бегаем, ищем нурева. Заискивающие интонации в разговоре с тем, кто может иметь касательство к тайным запасам райпо.

«С хорошим настроем начали косовицу гороха труженики полей! — традиционный запев нашей прессы. А вот не пишем, что дали каждому механизатору по списку четыре пачки «Астры». Иной говорит: «Я не пообедаю — не переживаю, а подымить мне дай!» И это задолго до жатвы, это еще первый укос мужики добивают.

Но вот что я вам скажу, не удивляйтесь. Вам (и нам) еще раз показали, кто в стране хозяин. Захотели — урезали пайку, и хоть лбами бейтесь в стены Госплана (или кто там устроитель этого очередного «праздничка»)! И вот уже по всей стране гудим и нервные восклицания: «Вот она, ваша перестройка!»

...Друг, осетин из Алагира, забежал перед отъездом попрощаться. Увидел, как я бычкую сигарету из соображений экономии, пообещал прислать посылку. Ой, боюсь за кунака, не сдержит слово, с горя в Терек бросится: республика-то у нас одна, и хозяева одни, что в Пензе, что в Алагире...

Ю. САМАРИН.

р. п. КОЛЫШЛЕЯ,
Пензенская область.

Рис. автора.

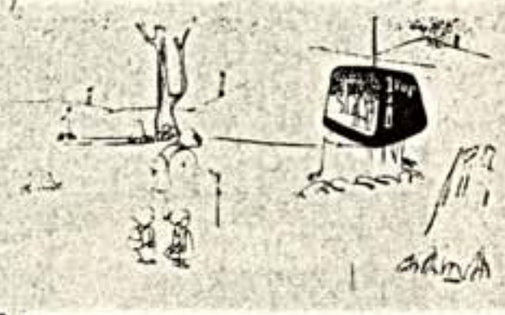
Не ждали милости

Помните? Поколение за поколением со школьной скамьи повторяли: нечего ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача! Так воспитали: каждый в своем деле в большинстве был и есть мичуринец. И вот грянул гром: Лебедянь — яблочная столица Черноземья — осталась без урожая. Большой урон понесли садоводческие хозяйства ряда районов Липецкой, Тамбовской, Рязанской областей.

Рано опали листья и появились уродливые новые. На месте отмерших годовалых побегов стали развиваться двойные побеги, плоды стали быстро расти и стареть. Пострадали малина, подсолнечник...

Тревога всероссийского масштаба. Сейчас к работе приступила комиссия Совета Министров РСФСР. Пока однозначного вывода о том, что произошло и насколько оставшиеся плоды вредны для здоровья человека, нет.

Одни ученые считают, что паника излишня — виной всему погодные условия: теплая зима, повышенная влажность и наложившиеся на все это инсектициды, которые и образовали гормон созревания — этилен.



Вторые считают, что появился мощный выброс серы с металлургических комбинатов. Третьи грешат на Чернобыль: высокотоксичные и высокоактивные вещества могут отдавить растение, но не нарушить генную инженерию. Четвертые выдвигают гипотезу, что произошло то, о чем предупреждали,— эксперименты с селекцией привели к нарушению генофонда, и теперь надо все начинать сначала — искать по силу сорта, которых не касалась рука человека...

Как бы там ни было, ясно одно: надо остановиться и задуматься. Чем природа отомстит нам за насилие над собой завтра? И будет ли кому после этого спорить, выдвигать гипотезы? И останется земля этаким оригинальным всеобщим памятником восторженным мичуринцам, не ждавшим от природы милости.

А пока в наших краях яблони дорожа, чем зимой.

Э. ПЕТРОВ.

ВОРОНЕЖ.

Рис. П. Грабовски. (Чехословакия).

ЧП

До встречи в... братской могиле!

В моем письме речь пойдет об уходящих в «мир иной», о долге живых перед ними.

Что же творится сейчас в нашем небольшом волжском городе Энгельсе! Гробы изготавливают из сырых неструганных досок. Вместо могил роторными экскаваторами роются рвы. Ставят два металлических щита, опускают гроб, засыпают землей и — индивидуальный отсек в братской могиле готов. Какое кощунство! Если дальше развить этот «рационализм», то рукой подать и до Бабьего Яра.

Я считаю, что захоронение, исполнение ритуальных обрядов и охрану кладбищ нужно передать в руки церкви. Тогда каждый будет иметь свой личный «последний приют», а не место во рву.

Уровень духовности общества определяется и состоянием кладбищ. Надо остановить это варварство и отдавать последнюю дань покойнику по-людски.

В. МАЦУТО.

ЭНГЕЛЬС,
Саратовская область.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

НЛО: еще один взгляд

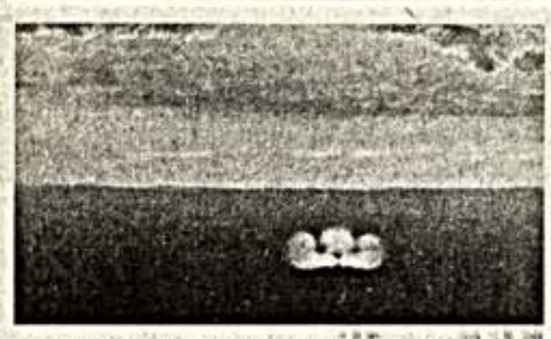
Время от времени средства массовой информации потрясают нас сенсационными сообщениями о неопознанных летающих объектах, и даже контактах людей с «инопланетянами». Но мне что-то не верится во все эти чудеса. Ну а космонавты, летчики, ученые — им-то доводится наблюдать что-нибудь подобное? Не могли бы вы поинтересоваться, встречаются ли они с аномальными явлениями?

А. ЧОРКИН.

СВЕРДЛОВСК.

Юрий Леонидович Бортников окончил военное авиационное радиотехническое училище, факультет метеорологии. Долгие годы работал бортаэрологом, синоптиком, метеорологом в Москве и на Украине, бывал на зимовке в Арктике. На его счету десятки тысяч километров полетов, в том числе и в экстремальных погодных условиях. Он вел приборные и визуальные наблюдения, участвуя во многих научно-исследовательских работах. Но когда бы ни поднимался в небо, с ним всегда был фотоаппарат, который запечатлел немало «чудес».

— Это НЛО! — ни секунды не сомневаясь, воскликнула я, увидев первый же показанный им мне снимок, на котором торжественно плыла среди облаков хлебобулочная шляпа.



— А вот и не угадали.— Это самый обычный конденсационный след. Он возникает в виде маленькой яркой точки на горизонте, затем начинает расти, приближаясь к самолету, а потом исчезает. Иногда превращается в две светящиеся полоски, иногда, как на этом снимке, принимает вид хлебобулочной шляпы. Не зная законов физики атмосферы, конечно, можно принять это явление за НЛО: ведь создается впечатление, что он как бы догоняет самолет и нападает на него. Такое явление можно наблюдать на большой высоте при низкой температуре...

— Значит, это обыкновенный, так сказать, «технический» эффект, ничего таинственного! Ну а, скажем, на другом снимке облачного неба, в правом верхнем углу которого четкое темное пятно!

— Опять вас разочарую,— улыбнулся Юрий Леонидович.— Это стихийно возникший в вихревом потоке сгусток газов, захваченный от двигателя. Он был около метра в диаметре и в течение 5—6 секунд продолжал движение за самолетом. За это время я успел дважды нажать на спуск затвора фотокамеры, прежде чем сгусток оторвался от самолета. Какое-то время он еще продолжал существовать, даже увеличиваясь в размерах, а затем исчез. При определенных условиях этот сгусток может послужить толчком для образования облачка самой невероятной формы, а при особой освещенности любой член экипажа и даже пассажир пролетающего мимо самолета может принять его за НЛО.

Выходит, никаких чудес! Но, может, все-таки Бортников видел в небе что-то такое, чему не смог дать объяснение? Оказывается, видел. И тоже запечатлел. А было это так.

— Самолет выполнял обычный полет. Я вел наблюдения. И вдруг что-то метнулось с правой стороны. Увидел в густой облачности нечто похожее на колодец или кратер, я стал быстро снимать. И тут страшная боль пронзила мне спину. Я подумал, что это от резкого движения, когда повернулся за фотоаппаратом. А самолет набирал высоту, и мне удалось сделать еще несколько снимков этого кратера, сохранявшего свои очертания даже в более высоких слоях облачности... Непонятная боль в спине прошла только на земле и то не сразу. Не лучшим образом чувствовал себя и пилот. Первоклассный летчик, он с трудом посадил самолет.

Но там, в небе, я стремился успеть фотографировать, а размышлять стал уже после проявления пленки. И вот мне как метеорологу с большим стажем это явление совершенно непонятно. Никакого следа самолет, пробивающий облачность, не оставляет. Таковы законы турбулентности.

— А что если это тоннель в другой, неведомый нам мир!

— Знаете, я много анализировал, подходил с разных точек зрения, еще и еще раз просматривал метеорологические карты, но ничего необычного не обнаружил. Впоследствии немало снимков, причем вместе с негативами и подробным описанием увиденного, разослал в разные комиссии, которые занимались аномальными явлениями, просил помочь дать этому хоть какое-то объяснение. В одних случаях ответов вообще не было, словно письма мои поглотила эта самая воронка, в других ответ звучал приблизительно так: этого не может быть, потому что не может быть никогда...

А потом мы еще долго говорили о том, что когда-нибудь всему «таинственному» все равно обязательно будут даны научные объяснения.

Т. ПЕТРЕНКО.

● *«Хлебобулочная шляпа».*
● *Кратер в облаках.*
Фото Ю. Бортникова.

НА ФОТОКОНКУРС

● *Святое место.* Фото А. Годунова.

«Дайте мужа... сироте!»

Проблема Людмилы мне очень хорошо знакома. Я тоже выросла в детском доме. Там о своей участи мы задумывались немного. По-настоящему собственную неполноценность я ощутила взрослой, когда уже окончила музыкальное училище (наш детдом был с музыкальным уклоном). Я никогда не стремилась выйти замуж, но когда поняла, что карьеру мне не сделать, так как для этого нужен надежный тыл и материальная база, а рядом оказался добрый, располагающий к себе человек, все решилось само собой.

Однако родственники моего мужа, узнав о его намерениях, объявили ему жесткую психологическую войну, старались всеми силами его отговорить, даже подыскали ему другую, богатую невесту.

Брак наш все же состоялся. Поначалу я очень страдала, так как не умела приготовить даже элементарного обеда, всему домашнему хозяйству училась у своего мужа. Сейчас я материально обеспечена, живем мы неплохо, воспитываем дочь, и все-таки морально я очень страдаю, так как со своими родными мой муж общается один. Я не могу к ним поехать, так как чувствую себя там чужой, родственники мужа относятся ко мне свысока и враждебно.

На мой взгляд, лучше жить с равными себе, пусть в бедности, да зато не в обиде. Вот только если бы еще государство о нас, детдомовских, заботилось, помогало с жилплощадью!

С. Б.

НОВОСИБИРСК.

■

Я женат на сироте и нисколько об этом не жалею. Сиротой моя жена стала шести лет от роду, а поженились мы, когда ей исполнилось девятнадцать. Тринадцать лет она скиталась по детским домам, но выросла веселая, общительная, доверчивая. Я хоть и из полноценной семьи, но ей противоположность. У нас тоже так было — и слезы, и скандалы, и полное непонимание моего шага со стороны моих родителей. Они и сейчас этого не понимают или не хотят понять, хотя мы счастливо женаты уже десять лет, растим двух прекрасных сыновей, у нас настоящее взаимопонимание, и я стараюсь жене во всем помогать. Так что, как видите, и на детдомовских женятся, и браки эти бывают счастливые. Зато жена и мне, и друзьям всегда говорит: «Роднее мужа у меня нет никого на всем белом свете».

В. В.

МИНСК.

■

Я ровесница Людмилы Г. и хочу разуверить ее. Людмила не может найти себе мужа не потому, что она сирота. Просто современные мужчины не хотят жениться вообще. Я это испытываю на себе, хотя родители мои живы и здоровы, а дом наш хоть и не богат, но и не беден, живем нормально, дружно, друг друга поддерживая. У меня и подруги такие же одинокие, как я. Мужчин вокруг нас немало, но жениться они не хотят — для них это хлопотно, обременительно, чревато ответственностью. Куда приятнее повстречаться с женщиной и уйти в свой холостяцкий мирок. Вот и живем мы одинокие, никому не нужные, без детей. Мне кажется, это вообще страшная в своей обыденности городская проблема нашего времени. И никому до этого нет дела. Общество не сочувствует таким, как мы. Выбирайтесь сами! Боритесь за мужчин, ловите их, отбивайте у других женщин! Мы — объект осуждения. Вот и брачные кнофкрмы не зря стали забрасывать к нам свои сети. Да только семью хочется иметь у себя дома. Но столько попыток впустую, столько надежд угасло. Не знаю, сколько еще выдержу...

Алла Т.

НОВОКУЗНЕЦК.

■

Лично я никогда не чувствовал дискомфорта в жизни, хотя с трехлетнего возраста тоже детдомовец, а недавно мне стукнуло 49. Детдом закалил меня, научил думать, трудиться. Ну и что, что сирота? Зато я объехал полстраны, приобрел кучу профессий. А если бы был маменькиным сынком?..

Разумеется, я мужчина, но, по-моему, и жизнь женщины не зависит от того, где она воспитывалась. Главное, наверное, как она воспитана. Вот моя бывшая жена была из интеллигентной семьи, до восемнадцати лет дома ничего не делала да и вообще рефлекс на работу не приобрела. Так и дочь нашу приемную воспитала, потому мы и разошлись. И мне кажется, что проблема Людмилы Г. надуманна. Если человек сам по себе интересен, то остальное прикладывается. А женское счастье — категория философская. Чтобы его иметь, надо уметь отдавать.

В. КУЗНЕЦОВ.

ПЕТРОПАВЛОВСК,
Казахская ССР.

■

Что ж Людмила первого-то мужа не удержала? Мало получал? Сейчас девушки только об этом и мечтают, чтобы найти мужа с большими деньгами, машиной, дачей, родителями в загранке. Я со многими знакома — большинство сбежлюбки. А выйдут замуж, так вначале о себе заботятся, чтобы были золотые колечки да цепочки, заботы же о муже — никакой!

Мы были не такими. Первый кусок, побольше да повкуснее — мужу, а уж остальное себе.

А. Р.,
пенсионерка.

МОСКВА.

■

Я считаю, что Людмиле просто надо хорошенько отдохнуть. Пусть приезжает ко мне с сыном в гости. Я работаю в доме культуры художественным руководителем, у нас рядом лес, Волга, разместиться есть где — мои девочки летом у мамы на Алтае.

Т. МЕДВЕДЕВА.

с. БОЛЬШИЕ ГОРКИ,
Тверская область.

■

Если бы не бабушка, меня бы ждала такая же участь, как Людмилу. Бабушку я звала мамой. Но выросла в бедности, среди подруг была белой вороной, да и сейчас мы с сыном не ахти как богаты. Как-то он мне сказал: «Мамуля — мы нищие». Это по сравнению с другими, у кого цветной телевизор, ковры и другие дорогие вещи. Воспитываю сына одна, работаю на заводе, а на сына мне государство приплачивает 20 рублей.

Замуж выйти мне не светило, как и Людмиле, и по той же причине: бедная, без родителей. В 26 лет решила родить сама.

Людмила права: трудности закаляют, но иногда одного оптимизма мало. Порой не выдерживаешь нагрузок, срываешься.

Все верно. Парни, когда собираются жениться, высматривают себе невест из обеспеченных семей. Так что Людмила написала в редакцию не от минутной слабости. То, про что она сказала,— наша печальная закономерность.

А. ПЕТРОВА.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Под таким заголовком 14 июля было опубликовано письмо Людмилы Г., тридцатилетней женщины, балетмейстера, в прошлом воспитанницы детского дома. Она поделилась своими горькими жизненными наблюдениями: по ее мнению, воспитанницам детских домов трудно выйти замуж — благополучные семьи не принимают сирот. Действительно ли это так?

Редакция предложила читателям ответить Людмиле.

Предлагаем часть полученных писем.

СПРОСИМ У ЮРИСТА

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Моя дочь учится на третьем курсе музыкального училища. В настоящее время начала работать на 0,5 ставки педагога по классу скрипки в школе. Однако трудовую книжку ей не выписали, сославшись на то, что она учится в училище. Правильно ли это?

С. СНИГИРЕВА.

ПЕРМЬ.

Безусловно, администрация поступила неправильно. Согласно пункту 1 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 сентября 1973 г. № 656 «О трудовых книжках рабочих и служащих», трудовые книжки ведутся на всех рабочих и служащих, проработавших свыше 5 дней, в том числе на сезонных и временных работников, а также на нештатных работников при условии, если они подлежат государственному социальному страхованию.

При увольнении с завода я своевременно получил трудовую книжку. Когда не стал поступать на другую работу, то увидел в разделе «Сведения о поощрениях» две записи, в которых указывалось, что мне были объявлены выговор и строгий выговор. Как мне быть?

А. КАСАТКИН.

СМОЛЕНСК.

Администрация предприятия нарушила требования части 3 статьи 31 КЗоТ РСФСР, согласно которым взыскания в трудовую книжку не записываются. А. Касаткину следует обратиться по месту своей прежней работы и потребовать дубликат трудовой книжки. В дубликате указываются сведения об общем стаже до поступления на завод, о работе на заводе с указанием всех перемещений, о награждениях и поощрениях.

П. ГОРОШКО.

☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆СЕРВИС-ЦЕНТР ИНФОРМ-МЕНИМАЛ☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

ВНИМАНИЮ СОБАКОВОДОВ!

Фирма ИНФОРМ-МЕНИМАЛ предлагает свои услуги по продаже породистых собак. Пользуясь услугами нашей фирмы, заводчики получат возможность реализовать как отдельных собак, так и родившихся щенков. Данные о собаках и их щенках вводятся в компьютер, что создает возможность наиболее быстро найти надежного хозяина для ваших щенков. Для желающих приобрести породистую собаку фирма ИНФОРМ-МЕНИМАЛ предлагает собак и щенков более 100 пород.

Если Вы не уверены в выборе породы Вашего будущего питомца, помощь Вам окажет компьютер: Вы сможете получить описание породы, рекомендации по правильному выращиванию щенков и полную информацию о производителях.

Is Your Best Partner In Russia!

Опытные специалисты окажут Вам следующие виды услуг:
— помощь при выборе щенка или котенка,
— квалифицированная консультация по кормлению, содержанию и воспитанию Вашего питомца,
— подготовка собаки к родам и помощь при родах на дому,
— врач-орнитолог дает консультации по содержанию и уходу за декоративными, редкими и певчими птицами и оказывает квалифицированную ветеринарную помощь.

Адрес фирмы: Москва, 129090, проспект Мира, д. 5, кв. 2.
Телефон: 207-29-22.
Время работы с 11 до 19 часов, кроме воскресенья.

«МОСФИЛЬМ»

Пришел, увидел, приобрел право на прокат нового кинофильма

«ДЕЛАЙ—РАЗ!»

Это история борьбы новобранца Гаврилова с явлением, ставшим в армии традиционным,— «дедовщиной». Гаврилов — герой, которого ждут и на которого надеются в армии...

Автор сценария — Евгений МЕСЯЦЕВ
Режиссер-постановщик — Андрей МАЛЮКОВ
Фильм «ДЕЛАЙ — РАЗ!» — цветной, формат — обычный, 9 частей.

В фильме снимались: Евгений МИРОНОВ, Алексей БУРЫКИН, Владимир МАШКОВ, Сергей ШЕНТАЛИНСКИЙ, Александр ДОМОГАРОВ, Александр МИРОНОВ и др.

Представители КИНОВИДЕООБЪЕДИНЕНИЙ, ЦЕНТРОВ ДОСУГА МОЛОДЕЖИ, КООПЕРАТИВОВ!

Для Вас всегда открыты двери коммерческой службы ГТПО «Мосфильм».

Ждем Ваших предложений о ПРИОБРЕТЕНИИ ФИЛЬМОВ и УСЛОВИЯХ ПРОКАТА.

Наши телефоны: 143-93-63
143-92-35

Пробудись к «Пробуждению»

Советско-американский фонд «Культурная инициатива» при поддержке коммерческого банка «Орбита» 30 сентября 1990 г. в Государственном концертном зале «Россия» проводит фестиваль искусств «Пробуждение». Культурная программа наряду с музыкой, поэзией, живописью, театром, фольклором включает многообразные формы выражения современного духовно-нравственного сознания. В центре внимания — интерес молодежи к традициям отечественной культуры, в том числе к ее религиозным истокам.

Солисты, ансамбли, театральные и художественные коллективы, рок-группы, желающие принять участие в фестивале, должны выслать в адрес оргкомитета фонограммы, видеозаписи или другие информационно-рекламные материалы, краткие сведения об участниках, исполняемых произведениях, фотографии в концертных костюмах и другие рекламные материалы.

ОРГКОМИТЕТ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

на лучшую фестивальную эмблему, плакат, афишу. Победителей также ждет награда.

ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ФЕСТИВАЛЕ ПРИГЛАШАЮТСЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕЛОВЫХ КРУГОВ,

для кого идея возрождения духовности не пустой звук, кто готов оказать фестивалю посильную финансовую помощь.

Персональным вкладчикам в фонд фестиваля «Пробуждение» будут высланы приглашения.

Адрес: Советско-американский фонд «Культурная инициатива», 107078, Москва, Б-78, фестиваль «Пробуждение».

Телефакс: 288-95-12; телефон: 928-64-22; телекс: 412124.

Наш расчетный счет № 70130605, «Пробуждение» во Внешэкономбанке СССР, МФО 805012.

Билеты на фестиваль будут продаваться только по предварительным заявкам, принимаемым со дня публикации данного объявления на адрес фестиваля.

Все средства будут направлены на благотворительные цели и, в частности, на восстановление памятников отечественной культуры.

Авторы и исполнители современной поп-музыки,

среди всевозможных бюрократических преград и ведомственного непонимания на пути к музыкальному Олимпу у вас есть друг!

КООПЕРАТИВ «СТУДИЯ АЛЬЯНС»

Предоставляет для работы профессиональную студию звукозаписи! Гарантирует рекламу по радио и телевидению!

Нас интересует:

— работа в следующих направлениях: диско, новая волна, хип-хоп, хаус, эсид;
— работа по созданию оригинальных программ дискотек.

Заявки принимаются в виде «черновых» фонограмм, нотных записей, текстов песен;

в случае положительной экспертной оценки с Вами будет заключен договор на взаимовыгодных условиях;

присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Заявки присылать по адресу: 121248, Москва, Кутузовский пр-т, д. 5, корп. 2, кв. 1; телефон: 243-99-24

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТНЫЙ ИНСТИТУТ

ГИПРОКИНО

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ

проектирует

кинотеатры с расширенным набором услуг, общественные центры досуга (киновидеозалы, дискотеки, видеодискобары, оздоровительно-спортивные комплексы), музеи, спортивно-зрелищные комплексы всех классов, архивы, радиодома, все объекты кинематографии, телевидения и другие объекты социально-культурного назначения. Проектирование комплексное и по субподряду.
Представители заказчика обеспечиваются гостиницей.

Заказы направлять по адресу: 197022, Ленинград, Аптекарский проспект, 6, Ленфилиал Гипрокино. Тел.: 234-08-63, 234-37-25.

МЕЧТА ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА—

РЕДАКЦИОННО—ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СИСТЕМЫ ДЛЯ ЛЮБЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

СОВЕТСКО-АВСТРИЙСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ИНТЕРМИКРО» С ПОМОЩЬЮ ЭТОГО ОБОРУДОВАНИЯ ПОМОЖЕТ ВАМ ЗАБЫТЬ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫПУСКОМ И ОФОРМЛЕНИЕМ ДОКУМЕНТАЦИИ, ДЕЛОВОЙ И ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ВИЗИТНЫХ КАРТОЧЕК И БЛАНКОВ.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ПОЗВОЛЯЕТ АВТОМАТИЗИРОВАТЬ РАБОТУ ВСЕХ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИЙ И ИЗДАТЕЛЬСТВ— ОТ МАШБЮРО ДО ФОТОНАБОРНОГО ЦЕХА — И ПОЛУЧИТЬ ПРИ ВЫХОДЕ ГОТОВУЮ ФОТОФОРМУ.

В СИСТЕМЕ используется фотонаборный автомат, превосходящий по своим характеристикам аналогичное оборудование других фирм.

Фотонаборный автомат работает на языке описания страниц Post Script TM и позволяет получить разрешение до 3.000 линий на дюйм при быстродействии 10.000.000 операций в секунду.

Широкий выбор русских полиграфических шрифтов позволит Вашей фирме найти свой стиль, образ, создать имидж выпускаемой продукции. Уникальная программа проверки правописания облегчит труд корректора, увеличит его эффективность в 10—15 раз.

Мониторы высокого разрешения, работающие в режиме WYSIWYG дают возможность оперативно вносить изменения в верстку.

Система может быть укомплектована рабочим местом художника-иллюстратора на основе PC XT/AT, позволяющим обрабатывать цветные иллюстрации. Разработанный «ИНТЕРМИКРО» пакет программ «РЕПРОТОН» позволяет получить цветоделенные фотоформы.

Для каждого шага подготовки издания мы подберем соответствующее оборудование. Связав его с нашей помощью в локальную вычислительную сеть, Вы получите законченную автоматическую линию производства печатной продукции.

«ИНТЕРМИКРО» — имеет большой опыт работы с редакционно-издательскими системами и подберет Вам даже конфигурацию оборудования, отвечающую задачам и целям, а также выполнит шефмонтаж, обеспечит гарантийное и послегарантийное обслуживание техники.

ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ «ИНТЕРМИКРО» подготовит Ваших специалистов для работы с математическим обеспечением редакционно-издательских систем и обслуживания техники!

НАШ АДРЕС: 107066. Москва, Нижне-Красносельская ул., д. 39.
Телефон: 261-04-47. Телефакс: 267-34-00.
Ждем Ваших заявок на оборудование, если Ваша фирма располагает валютой первой и пятой категорий.

ФИРМА «ЕврАзия»

Организует и проводит на высокопрофессиональном творческом и техническом уровне массовые мероприятия, концертно-зрелищные шоу-программы, праздники города, районов, фестивали и пр.

Москва, тел.: 181-92-84

ЕврАзия
Firm 'EVRASIA'

Опубликовать рекламу в нашем газете вам поможет творческое объединение «ЭСКАРТ» советско-американского фонда «Культурная инициатива»

Справки по тел.: 285-77-09, 285-39-95.

ЭСКАРТ

Советско-американский фонд «Культурная инициатива» Центр полевых исследований и экологических программ «ЭКОС»

INTERECOS
ASSOCIATION
ECOLOGICAL
CENTERS

проводят международные экологические проекты и экспедиции в СССР и других странах: Байкальский международный проект, экологические программы на Балтийском, Каспийском и Черном морях, международный проект «Кислотные дожди», программа экотуров «Экологическая миссия» (Памир, Кавказ, Гималаи (Непал), Удэгея).
13—18 августа Суздаль
19—23 августа ВДНХ, Москва

Международный проект «МАРС-84» и ЭКОЛОГИЯ. Институт космических исследований АН СССР, Planetary Society и Gordon Bennet Balloon Race (USA). Полеты на воздушных шарах из Суздаля и показательные подъемы

УЧАСТИЕ ВАШИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ФИРМ В НАШИХ ПРОЕКТАХ—КОНКРЕТНАЯ ПОМОЩЬ И ВКЛАД В РЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.

(Реклама спонсоров проектов размещается на борту экспедиционных судов и шаров, монгольфьеров).

109017, Москва, Пыжевский пер., 3, «ЭКОС». Телефоны: 231-96-15, 233-14-89. Телефакс: 310-7023. Телекс: 411468 STAR SU.

Свердловский театр «Провинциальные танцы»

объявляет конкурсный набор в труппу театра

Для участия в конкурсе приглашаются юноши и девушки не старше 23 лет, имеющие профессиональную хореографическую подготовку.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

1. Показ классического, эстрадного и народного этюдов (фонограмма обязательна);
2. Проезд на конкурс за свой счет, в случае зачисления в труппу театр берет на себя расходы конкурсантов;
3. Заявки присылать до 1 сентября с указанием обратного адреса.

Конкурсный просмотр проводится с 15 по 20 сентября.

Наш адрес: 620088, Свердловск, ул. Фестивальная, 12, Концерн культуры ПО «Уралмаш», Театр «Провинциальные танцы», телефон 32-48-19.

ЗАОЧНЫЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИСКУССТВ ЗНУИ

Если у Вас талант музыканта и аранжировщика, актера и режиссера, художника и скульптора, фотографа и кинооператора или Вы хотите найти в себе такой талант и развить его, получив при этом соответствующее свидетельство,

Заочный народный университет искусств приглашает Вас!

На факультеты: МУЗЫКАЛЬНОГО, ТЕАТРАЛЬНОГО, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И КИНОФОТОИСКУССТВА принимаются все желающие, достигшие 14-летнего возраста, независимо от образования, места жительства и специальной подготовки. Обучение платное.

Желающие получить «Правила приема и порядок обучения» должны прислать запрос и конверт с обратным адресом.

Наш адрес:
101826, г. Москва, Армянский пер., 13, ВЗНУИ, факультет . . . . .
Телефоны факультетов:
Музыкального искусства 928-71-86, 921-96-83
Театрального искусства 924-77-05
Изобразительного искусства 921-96-22, 278-03-52
Кинофотоискусства 923-25-26

ГРИМАСЫ ХОЗРАСЧЕТА

ЭСТОНИЯ: ЖИЗНЬ ДОРОЖАЕТ

Политический накал, снизивший свой градус в связи с летними парламентскими каникулами, обрел новую силу. И не в связи со стратегическими вопросами типа: «выходить — не выходить», а с самыми что ни есть бытовыми. Семейный бюджет жителей Эстонии испытал ощутимый удар со стороны цен — местные газеты стоят теперь десять копеек, цена на рыбу поднялась от полутора до двух раз, а проезд в городском транспорте подорожал вдвое.

В заклестнувшей печать волне критики правительства едины и домохозяйки, и депутаты республиканского Верховного Совета, задающие один и тот же вопрос: где обещанные компенсации? С резким осуждением повышения цен выступило бюро ЦК Компартии Эстонии. В ответ на критику правительство отбивалось, так сказать, в неофициальном порядке, а затем уже и официально заявило, что цены на периодику установило само издательство, сделало это незаконно и даже не проинформировав Департамент цен (есть в республике и такая новообразованная структура); что рост цен на рыбную продукцию обусловлен отказом Минфина СССР дотировать ее на территории Эстонии из союзного бюджета; что Таллиннский горсовет повысил цены за проезд, не посоветовавшись с правительством, и потому они должны быть возвращены к прежнему уровню.

К сожалению, обоснованность и эффективность правительственных заявлений практически на следующий же день были подвергнуты сомнению. Издательство сослалось на документ (утвержденный самим же правительством), позволяющий уже сейчас самостоятельно устанавливать цены. А Минфин СССР снял дотацию в связи с тем, что Эстония прекратила платежи в союзный бюджет. Что же касается горсовета, то он сам себе голова...

Симптоматичным в этой обстановке выглядит появление в республиканской печати интервью бывшего премьера Индрека Тоома, которого в республике и по сей день считают одним из самых авторитетных и серьезных политиков. Интервью это озаглавлено: «Что я сделал бы иначе?». Среди этих «иначе» И. Тоом указывает на неправильную, по его мнению, политику в отношении центра: «Ругань в адрес руководителей Советского Союза и ведомств, от которых мы зависим сейчас и будем зависеть в ближайшем будущем, конечно, позволяет показать эстонскому народу, какие мы «герои», но существенно осложняет снабжение Эстонии, наши преобразования в экономике, и главное — движение к независимости. Меня очень беспокоят односторонние «смелые» решения правительства об уменьшении поставок во всесоюзные фонды. Каждый такой односторонний шаг вызывает ответные экономические меры, что еще более ухудшает наше положение»...

...Верховный Совет Эстонии собрался на внеочередную сессию. В повестку дня обсуждение правительственной программы не поставлено. Планируется это непременно сделать в сентябре...

Марина ОЧАКОВСКАЯ.
ТАЛЛИНН.

ВПЕРВЫЕ

ПО РЕКЕ ПАМЯТИ

Трагическую страницу нашего недавнего прошлого воскрешает выставка «Творчество в лагерях и ссылках», открывшаяся в Москве, в залах на улице Горького, 46-Б. Ее участники — бывшие заключенные, прошедшие все круги ада сталинского произвола.

Многих уже нет с нами рядом — их фотографии висят на «Стене памяти». Но чудом сохранившиеся работы этих людей погружают нас в раздумье о силе зла в атмосфере страха и беззакония.

Основную часть экспозиции составляют рисунки — их более трехсот. Нет совсем скульптуры и очень мало живописи. Это и понятно, ведь краски, кисти и резец в лагере практически иметь было невозможно. На стендах можно увидеть резьбу по дереву, вышивку на холсте мешковины... Каждый из экспонатов больше, чем просто произведение искусства — это обжигающие душу документы.

Много портретов, есть и пейзажи. Правда, несколько грустные и наполненные какой-то скрытой болью. Трудно поверить, что авторы работ — зеки, люди, безвинно осужденные на долгие годы каторги. Однако произвол и насилие не смогли убить в них духовность, несправедливость жизни не озлобила их сердца, не вытравила потребность видеть и создавать прекрасное. Творчество стало их убежищем.

● *Еще один общенациональный траур: разбился самолет под Степанакертом.* ● *Оружие, самодельное и армейское, конфискованное в ходе операции «Кольцо».*
Фото К. Корнешова.

ВЫБОР СДЕЛАН

Поживем — увидим

Итак, избран Председатель Верховного Совета Армянской ССР. Им стал бывший член комитета «Карабах», лидер армянского общенационального движения (АОД) 45-летний доктор филологических наук Левон Тер-Петросян.

Политическое восхождение Тер-Петросяна началось в бурные месяцы 1988 года, когда на Театральной площади сотни тысяч ереванцев выделили среди множества ораторов спокойный и уверенный голос молодого научного сотрудника Матенадарана. День за днем он обретал авторитет в широких слоях населения и в прошлом году стал депутатом Верховного Совета республики.

Вкратце описывая выход на национальную авансцену нового лидера, хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство, уже ставшее, пожалуй, общим местом в биографии некоторых политических руководителей последнего времени: скамья подсудимых логикой борьбы и зеленеем демократического времени приводила к креслу лидера. Левон Тер-Петросян, отсидевший полгода в Бутырке в связи с карабахскими событиями, в какой-то мере подтверждает эту закономерность. К власти приходят гонимые за убеждения.

Он был избран после четырех туров голосования. Альтернативной кандидатурой был выдвинут первый секретарь ЦК КП Армении В. Мовсисян. Конечно, депутаты — представители республиканской партийной организации составляют меньшинство в парламенте, однако они кажутся еще малочисленнее в силу их пассивности и некоего страха или неумения вести борьбу за своего кандидата. В многочасовом обсуждении претендентов на высокий пост практически ни один депутат не выступил в поддержку первого секретаря ЦК, в то время как депутаты от АОД активно отстаивали своего выдвиженца.

Что ж, десятилетия «теплического» правления, очевидно, атрофировали бойцовские качества, способность к умелой полемике. Впрочем, какая там полемика! Борьба — одно глухое и пассивное сопротивление нажатием кнопки голосования. Окопная тактика.

Предвижу возражение: а как же голосование до первых петухов? Тут следует отметить такой важный момент, сыгравший, как мне кажется, решающую роль в исходе выборов.

Уже когда появились признаки парламентского кризиса, на трибуну вышел первый секретарь Гугарского райкома партии В. Хачатрян. Он подчеркнул, что необходимо напрочь отбросить всякие амбиции и честно признать — нынешняя кризисная ситуация требует выбора нового лидера, пользующегося доверием народа, в лице представителя армянского общенационального движения.

— Что вас толкнуло на этот смелый шаг? — спросил я его в перерыве.

— Выборы все больше стали напоминать тихую потасовку. Мне было ясно, что ЦК Компартии республики в нынешнем составе не способен выполнить ответственную миссию по выводу Армении из политического тупика. Я следовал голосу совести и считаю, что партийная номенклатура проиграла объективно, расплачиваясь за годы бездействия и командно - административного удушения инициативы.

Несколько слов о работе парламента.

Заметно даже для неискушенных (а сессия передается в прямой трансляции по радио и телевидению), что митинг и парламент — два совершенно разных политических жанра общения. Председатель, депутаты от АОД, прошедшие горнило митингов на Театральной площади Еревана, все более тяготеют к стилю уравновешенному, исключающему любые перехлесты. Налицо постепенное обретение политической культуры, овладение навыками парламентских дебатов и, наконец, выведение правильного решения уравнений со многими неизвестными. Процесс, разумеется, непростой и долговременный.

Стремление к сотрудничеству со здоровыми силами независимо от партийной принадлежности отразилось и в выборе заместителей главы республики — ими стали член комитета «Карабах» и заведующий социально-экономическим отделом ЦК КП Армении. Математик и экономист, оба кандидаты наук.

В обращении к армянскому народу новый Председатель Верховного Совета призвал «трезво оценивать нынешнюю кризисную ситуацию в республике, единственной гарантией выхода из которой является сплочение народа вокруг идеи государственности и национального парламента, ставшего ее олицетворением». Выразив уверенность, что «мы в состоянии за короткий срок своими силами решить сложные задачи, относящиеся к внутренней жизни республики, и устранить создавшуюся взрывоопасную ситуацию», он вместе с тем резко осудил авантюризм, «угрожающий установлению государственности».

Парламент продолжает работу. На повестке дня — принятие декларации о суверенитете, поиск путей по наведению правопорядка в республике. Не случайно первый визит Председатель Верховного Совета совершил в Москву. Это решение принято им после телефонного разговора с Президентом СССР М. Горбачевым, поздравившим его с победой на выборах. В столице планируются встречи с Председателем Совета Министров Н. Рыжковым, членами Президентского совета А. Яковлевым, В. Бакатиным, В. Крючковым, а также с руководителями Верховного Совета РСФСР.

...В Армении произошла не просто «смена караула». Вне всякого сомнения, политическая власть перешла в руки людей, жаждущих перелома в судьбе народа, измученного стихией и межнациональным конфликтом. Следует ожидать и смены приоритетов в национальной внешней политике: акцент, вероятно, будет поставлен на существенную самостоятельность, на налаживание контактов не только с союзными республиками, но и с соседями по географической карте.

Удастся ли прорыв? Не превратится ли ветер перемен в очередное политическое поветрие?

Поживем — увидим.

Иосиф ВЕРДИЯН.
(Наш соб. корр.).
ЕРЕВАН.

ИЗ ЭПИЦЕНТРА

Под диктовку толпы

Почему азербайджанцы покидают Красноярск

На митинге, который состоялся 3 дня спустя, он сказал, что даже в страшном сне не мог представить, что день, когда он получит ордер на квартиру, станет одним из самых горьких в его жизни. 10 лет назад в составе комсомольского отряда Тофик (фамилию его в шуме митинга я не расслышал) приехал на строительство Красноярского завода тяжелых экскаваторов. Здесь женился, стал отцом троих детей, все годы честно работал и ждал квартиры. И наконец подошла его очередь. Но на следующий день он вынужден был отправить жену с детьми в Баку.

— Может, я поторопился, но другого выхода не видел, после всего, что случилось, я боялся за них...

А случилось вот что.

Отмечали свой «фирменный» праздник бывшие десантники. С утра собрались в городском парке в ожидании обещанных концертов и развлечений. Но ни того, ни другого не было, и скучающие парни, среди которых было немало пьяных, кинулись на центральный рынок — приструнить торгующих овощами и фруктами азербайджанцев.

Милиция, уже наученная опытом подобных «праздников», поспешила за ними. Хоть и с некоторым опозданием, но ей удалось пресечь «хулиганские проявления». Решив не обострять ситуацию, она вытеснила десантников все в тот же скучный парк. Но вскоре в пьяной толпе пронесся слух, что в поселке Солнечном азербайджанцы накануне убили бывшего десантника. И хотя убит был только что вернувшийся из заключения таксист, эти детали пьяных не волновали. Захватив городской автобус, они приказали шоферу ехать в Солнечный, к общежитию «Главкрасноярскстроя» № 14, где жили рабочие-азербайджанцы. К несчастью, жили не только они, но и «гости» из Азербайджана — давний источник напряженности в поселке. «Гости» постоянно устраивали драки, обижали местных девушек, по ночам торговали спиртным. В результате к десантникам присоединилось немало жителей поселка, среди которых тоже оказалось много выпивших. В поселке хорошо знали, что «скулятов» в общежитии немного: от силы 2—3 десятка, но толпа на то и толпа, чтобы руководствоваться не разумом и не совестью. Если водкой спекулируют азербайджанцы, то вон их всех до одного! Виновных и невиновных.

Подоспевшей милиции удалось предотвратить расправу. Никто из осажденных в общежитии не пострадал. Но приехавшие на место конфликта представители властей, сочли за благо подчиниться требованиям толпы. Тем более что и напуганные жители общежития просили их эвакуировать.

В пятницу 3 августа с утра были поданы автобусы, и азербайджанцев увезли в аэропорт. В тот же день та же история повторилась у другого общежития «Главкрасноярскстроя» — на улице Воронова. А в субботу двумя спецрейсами свыше 250 азербайджанцев, главным образом женщины и дети, были отправлены в Баку. Нужно сказать, что, дрогнув перед толпой в предыдущие дни, городские и краевые власти попытались уже в аэропорту уговорить людей повременить с отъездом. Но призывы были обращены к уже напуганным и страшно обиженным людям. Удалось только создать комитет, которому предстояло вести переговоры с населением Солнечного.

К этому времени благодаря деятельности народных депутатов местных Советов СССР и РСФСР страсти здесь несколько поутихли, стало возможным провести митинг жителей, чтобы вместе с ними разобраться в происшедшем.

Постепенно из митинговой сумятицы чувств, настроений, мыслей стал вырисовываться один бесспорный вывод: конфликта могло и не быть, если бы общие для всех нас экономические трудности не усугублялись бы в Солнечном отсутствием элементарного порядка. Не вчера и не сегодня в общежитиях «Главкрасноярскстроя» стали селиться нигде не работающие и не прописанные люди. Их помещали сюда отнюдь не бескорыстно, а за угощения и подарки. Но руководство «Главкрасноярскстроя» взирало на это спокойно.

Не из Азербайджана «гости» привозили водку. Ее добывали ящиками в красноярских магазинах. Но руководители торгующих организаций оставляли без последствий десятки актов, посылаемых рабочим контролем Солнечного.

И не к азербайджанцам, а к своим властям предъявляли серьезные и правомерные претензии выступившие на митинге жители Солнечного. Что же касается азербайджанцев, то выступление их представителей было встречено здесь более чем сочувственно. «У каждого народа есть люди, которых ему приходится стыдиться,— сказал один из членов Азербайджанского комитета,— но, наверное, надо не только стыдиться, но и самим бороться с такими людьми». Слова эти были встречены аплодисментами.

— Это относится и к нам, русским,— сказала выступившая вслед женщина.— Вот ведь и мы пошли за пьяными.

Митинг показал и то, что в сложившейся ситуации все-таки был более правильный выход, чем отправка азербайджанцев в Баку. Временно их можно было поселить, скажем, в загородных профилакториях. Но власти, к сожалению, поддались диктату толпы. Сейчас они пробуют исправить свою ошибку. Хочется верить, что это удастся. И ни в чем не повинные люди не умножат число беженцев разных национальностей, которых и без них слишком много.

М. БРИМАН.
(Наш соб. корр.).
КРАСНОЯРСК.

НОВОЕ ИМЯ

ПРИШЕЛ, СПЕЛ, ПОБЕДИЛ!

Именно так произошло с 22-летним Александром Егоровым, приехавшим из Киева на V Всесоюзный телеконкурс молодых исполнителей эстрадной песни, который завершился в Ялте.

Наблюдая за ходом этого соревнования с момента его рождения в Юрмале и по сей день, мы убедились, что спрогнозировать пятерку лидеров, точно расставив их по местам,— дело практически невозможное. Сколько раз в предыдущие годы бывало так, что явные претенденты на награды по итогам первого финального тура потом не попадали в число лауреатов.

И сейчас в Ялте почти до последнего не было известно, кому же достанется пальма первенства. Среди 19 претендентов из 14 городов страны, добравшихся до заключительного этапа марафона, оказалось немало профессионально грамотных, музыкально одаренных, голосистых певцов. Это и иркутянка Елена Сысоева, и тбилисцы Нино Кемашвили и Вахтанг Макалатия, и киевлянин Александр Тищенко, и ленинградка Марина Цхай... Но, как вы могли заметить, не все молодые исполнители понимают, что голос — это лишь инструмент, которым нужно уметь распорядиться, найти свои неповторимые интонационные краски. А как часто в эти дни мы видели, что участники, соблазнившись красивостью песни или ее злободневностью, выступали с репертуаром, который выглядел «платьем с чужого плеча». Никто не ждет от каждого эстрадного артиста цирковых пируэтов. Можно петь, спокойно стоя у микрофона, и быть необыкновенно выразительным — как выразителен драматический актер, умеющий держать паузу.

Однако современный зритель приучен теле- и видеоэкранами к комплексному восприятию песни. И чтобы произвести на него впечатление, одним конкурсантам оказалось достаточно умело приподнести свои природные данные, как, например, Роксте Чижикте из Литвы или Марису Репшу из Латвии. А, скажем, грузину Макалатии, появление которого зал встречал улыбкой и бурными аплодисментами, не удалось творчески подойти к собственной нестандартной фактуре, потому и провожали его лишь уважительными аплодисментами. Не по годам разумно, на наш взгляд, использовала в разные дни свои богатые вокальные и хореографические данные самая юная участница конкурса Ирина Елифанова. А вот Максим Фадеев из Кургана, похоже, несколько перестарался, дополняя свои и без того сложные песенные композиции каскадом танцевальных изысков.

...Странная персона в темных очках, с цветными волосами и серьгой-крестом в ухе приковала всеобщее внимание в зале «Юбилейный», как только вышла на сцену. Вот уж подивилась бы всемирно известная «звезда» Принц, узнавая контуры своей творческой манеры в этом киевском пареньке, поющем о бомжах, выходящих из темных подвалов и танцующих на вокзалах. Егоров не изменяет выбранному имиджу и когда выплескивает на нас боль переживаний за родную страну в песне «Бедная моя», и когда исполняет легкий ретрошлягер «Мишка», сохранив его текст, но при этом «перекроив» под себя.

Всего восемь месяцев назад Егоров дебютировал как солист на отборочном региональном этапе. С «Ялты-90» он уезжает победителем. Вот так: пришел — к победе!

Т. МАРТЫНОВА,
Т. СЕКРИДОВА.

● *А. Егоров.*
Фото А. Масенаса.

УПОЛНОМОЧЕНЫ ЗАЯВИТЬ...

ЦК Компартии Украины протестует

10 августа республиканские газеты опубликовали заявление ЦК КП Украины, в котором, в частности, говорится:

«Гневом и возмущением отозвались в сердцах коммунистов, трудящихся республики позорные акты вандализма, совершенные в городе Червонограде Львовской области и городе Тернополе. — демонтаж памятников В. И. Ленину.

Эти беспрецедентные антигуманные акции совершены по решениям сессий Тернопольского и Червоноградского городских Советов народных депутатов. Подобные постановления противоречат Закону УССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», согласно которому запрещается снос, перемещение, изменение движимых памятников истории и культуры, произведений монументального искусства.

Инициаторы и исполнители кощунственных действий пренебрегли Законом, представления прокуроров областей на решения Советов. Беззаконие маскируется ссылками на требования трудящихся городов, мнения которых никто не спросил.

Центральный Комитет Компартии Украины расценивает демонтаж памятников В. И. Ленину — основателю Советского государства — как акт надругательства, глумления над исторической памятью народа Украины, как дерзкий вызов букве и духу Закона, общественному мнению...

Центральный Комитет Компартии Украины выражает решительный протест против антигуманных действий экстремистов от политики — организаторов антиленинского шабаша.

Мы обращаемся к Президиуму Верховного Совета УССР, правительству республики с требованием дать принципиальную оценку этим политическим провокациям, принять срочные и энергичные меры по восстановлению социалистической законности»...

КИЕВ.

«Все мы ответственны»

Это обращение было опубликовано 31 июля в газете «Республика».

Его подписали народные депутаты Литвы, известные деятели науки и культуры Ю. Марцинкявичюс, Р. Гудайтис, А. Юозайтис, Э. Вилкас, В. Статулявичюс, А. Шилейка, В. Мартинкус, Ч. Кудаба, А. Малдонис, М. Висакавичюс, М. Мартинайтис, А. Шлегерис, Б. Гензялис, В. Ясукайтис, Я. Минкявичюс, А. Пакальнис, Ю. Булавас, В. Баублис, Н. Медведев, Л. Ючас.

Газета «Тиеса», опубликовав это обращение 1 августа, сообщила, что его подписали также К. Антанавичюс, В. Антанайтис, И. Костявичюте, М. Мицкис, Г. Рамонас, В. Пиктурна, С. Разма, М. Ашкаловичюте, Альг. Марцинкявичюс, Я. Кубилюс, Р. Павилёнис.

В обращении говорится:

«Со священной песнью Литве поднялись мы в поход за независимость. Были достаточно едины, доверяли друг другу и пришли к согласию — так наступил рассвет 11 марта.

Акт о восстановлении независимости Литовской Республики — не только радость и надежда, но и огромная ответственность. Независимость сама собой не утверждается в жизни и не дарит свободу. Не исчезают сами ни диктатура, ни тоталитаризм, ни культ власти, ни ростки большевизма. Все мы ответственны за путь цивилизованной, демократической Литвы в сообщество народов Европы и всего мира.

Мы все еще на перепутье. К сожалению, не все мы выбираем демократию, законность, истину, порядочность, взаимоуважение. Видимо, уже проявляется стремление к скорому личному благополучию, преждевременной славе и лаврам. «Кормушка» власти, мешки денег, паутина мафии, рог «охоты за ведьмами» и врагами, черные знамена хозяйственного и политического хаоса никогда не были и не могут быть символами свободы. В какую бы дуду ни дула какая бы то ни было политическая партия, ее должны волновать свобода личности, порядок, принципы демократии.

На Верховный Совет продолжает смотреть вся Литва — ожидая решений и политической мудрости. К сожалению, мы все чаще наблюдаем и нечто иное. С самого начала своей работы Верховный Совет, будучи законодательной властью, постепенно расширяет границы своей власти, недопустимо, даже губительно ограничивает, подрывает деятельность исполнительной власти — Совета Министров. Недоверие и подозрительность, мелочная, неконструктивная и неумеренная критика правительства не помогают и не помогут решению актуальнейших политических проблем. В демократических государствах, на которые нам следовало бы равняться, законодательная власть не препятствует работе исполнительной.

Большинство работающих, не поддающихся крикливой однодневной политике граждан Литвы не сомневается в необходимости переговоров с Советским Союзом. У нас вызывают озабоченность некоторые слои общества и даже депутаты Верховного Совета, которые ищут предлоги для того, чтобы затянуть начало переговоров или даже вовсе их не начинать. Очевидно, что это лишь увеличивает сумятицу и хаос. Симпатизирующие Литве государства ожидают начала и результатов переговоров — от этого будет зависеть наше международное признание.

Благотворной работе Верховного Совета во многом препятствует непоследовательное законотворчество. Ничем нельзя оправдать то, что до сих пор нет закона об отзыве депутатов. Такой закон следовало бы принять одним из первых. С другой стороны, некоторые законы принимаются поспешно, и это может сыграть роковую роль на пути Литвы к свободе и демократии. Один из них — временный законоповинности по охране края. Досадно, что почти все новые законы, как и прежде, принимаются без учета общественного мнения.

Неодинакова политическая ответственность Верховного Совета, Совета Министров, партий, групп граждан и отдельных лиц. Все это побуждает нас расценивать современный этап утверждения независимости как драматический момент всеобщего и личного самоопределения. Мы — за всестороннее взвешенное, умеренное осуществление экономических и социальных реформ, опирающееся на силу нравственности и доверия.

От того, как это удастся осуществить, будет зависеть, когда вы — граждане Литовской Республики — выразите свою волю: пришло время избрать восстановительный сейм и доверить ему фундамент демократической Литвы».

«Эхо Литвы»,
2 августа 1990 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

— сотрудников Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР БЕССОНОВУ Елену Васильевну, заведующую сектором; ГУТЕРМАН Еву Абрамовну, главного библиографа; ШОКИНУ Надежду Алексеевну, заведующую отделом, — за заслуги в совершенствовании культурно-просветительной работы они награждены медалями «За трудовое отличие»;

— композитора ПОНОМАРЕНКО Григория Федоровича — за большие заслуги в развитии советского музыкального искусства и плодотворную общественную деятельность ему присвоено почетное звание «Народный артист СССР»;

— солиста Бурятского государственного академического театра оперы и балета ДАШИЕВА Дугаржала Цыреновича — за заслуги в развитии советского музыкального искусства награжденного орденом Дружбы народов;

— директора-художественного руководителя Московского государственного цирка на Ленинских горах КОСТЮКА Леонида Леонидовича — за заслуги в развитии советского циркового искусства награжденного орденом Трудового Красного Знамени.

Указы о награждении подписал Президент СССР М. С. Горбачев.

Сатин и другие

Сейчас признаюсь: не хотелось идти на этот спектакль. Ну сколько в самом деле можно смотреть «На дне»! Еще в старом МХАТе потрясшее, помню, мое детское воображение, потом — в «Современнике» с удивительным Олегом Далем — Васькой Пеплом, наконец, «На дне» Анатолия Эфроса...

Еще было «На дне» в кино совсем, кажется, недавно с Алексеем Петренко — Сатиным. Вот ради Петренко и можно только сподвигнуться на сидение в душном театральном зале в мертвый сезон.

Неожиданно на спектакле оказалось много народу, и публика была самая что ни на есть премьерная: а ведь театр приехал в Москву из Нальчика. Режиссеры Зейнаб Мазанова и Валентин Теплаков поставили спектакль. В него как-то очень органично, по-доброму вписались такие московские «звезды», как Нина Русланова (Квашня), Альберт Филозов (Лука), Василий Бочкарев (Актер), образовав труппу «Театр, 21». В центре же представления оказался именно Петренко (он же был и его инициатором).

Но о спектакле несколько ниже.

Скажу о том, что меня поразило: в «Литературной газете» напечатана статья Владимира Турбина «Дни на дне», которая еще раз подтверждает мысль об интерференции волн. На представлении труппы из Нальчика не выходила из головы та же мысль — что же снова и снова так мощно влечет нас к этой старой пьесе? Что тянет к ней актеров — Жана Габена, например, режиссеров (а среди них Ренуар, Куросава)? Почему вдруг, когда бы и где вновь ни поставили эту пьесу, она каждый раз оказывается столь жгуче злободневной и актуальной для жизни именно этого общества и именно в этот момент?

Быть может, здесь просто секрет истинного искусства, которое всегда приходит на помощь в трудную минуту?

Скажу сразу — я и не собираюсь писать рецензию.

Хочу, однако, сказать об Алексее Петренко. Этот поистине великий актер с перерывом года в три дважды сыграл Сатина — в фильме Юлия Карасика и вот сейчас в спектакле труппы из Нальчика. И это два совершенно разных Сатина, между которыми пролегли не просто годы, но годы напряженной жизни нашего общества, переходящего то и дело от надежды к отчаянию и от отчаяния — снова к надежде.

В фильме это был Сатин, сыгранный, если можно так сказать, в самом начале эры перестройки и гласности: он выходил как бы на авансцену кадра в обыкновенном «цивильном» костюме и произносил знакомые нам по учебникам истины «на публику». Но тогда, три года назад, слова о том, что «все в человеке» и что человек — мера всех вещей, что это и Магомет, и Наполеон, и ты, и я, звучали убеждающе, парафразом провозглашенного официально «человеческого фактора». И напряженный поиск духовности, и стремление к очищению, и прочее, и прочее — все это, повторяю, воспринималось без кавычек.

Сегодня, увы, нет слова более захватанного, чем пресловутая духовность (разве что еще — нравственность). Человеческий фактор превратился лишь в опознавательный знак определенного переходного периода. Сегодня, когда Сатин — Петренко—по сути дела бомж начала века, люмпен по убеждению — произносит в последнем акте эти самые слова, совсем другие ассоциации приходят на ум. Когда я вижу этого могучего и сильного человека, мне кажется, он не провозглашает, но поистине тащит на себе в гору великие горьковские фразы, тащит на себе, на спине, на хребте. Он их вымученно рождает заново, и это трагическое рождение: он их вдругзия, и отсюда, с вершины слов, увидел воочию все, что окрест него. И ужаснулся.

Когда Петренко выходил на поклоны (а зал не расходился и стоял насмерть), он был весь мокрый. Как шахтер, вылезший из забоя,— вот ассоциация и найдена. И здесь нет противоречия с горой: недаром шахтеры выдают уголь «на-гора», и всех их зовут «горняками»...

Валентина ИВАНОВА.

«Оттуда» и «туда»

Много в последнее время появилось спектаклей, поставленных режиссерами, приглашенными «оттуда». Это замечательно: мы постепенно возвращаемся к состоянию нормальной, цивилизованной страны.

Но вот что интересно: кажется, ни один из этих спектаклей не стал событием.

Понимаю, что жизнь театра не может состоять из одних шедевров. Там не менее поставлено ведь не один-два спектакля, а значительно больше. А разговоры о них заканчиваются буквально сразу после первого представления.

Возможно, причины неудач — в выборе пьес, в сроках репетиций, в увлеченности или неувлеченности новым режиссером, в «работанности» с труппой, в «несостыковке» эстетических систем постановщика и актеров...

Вот один спектакль из череды уже многих в театре-студии «У Никитских ворот» — «Дневник обольстителя». Прозу великого философа Сёрена Кьркегора инсценировал в содружестве с Пером Хультбергом режиссер-постановщик Влодзимеж Херман (Дания).

Пригласив к работе над сценографией и костюмами Ксению Шимановскую, он «попал в десятку». Атмосфера спектакля сразу же задается необыкновенно изящным и одновременно лаконично оформленным сценическим пространством. Глубина сцены (если можно говорить о таковой в помещении на Суворовском, где все — артисты и зрители — так близко друг к другу) затянута белой вуалью, на фоне которой белые перекрученные веревки выглядят таинственно и загадочно: то ли перепутавшиеся ветви, то ли паутина. Когда вспыхивают софиты и раздаются мелодии Моцарта, охватывает ощущение, что находишься внутри старинной музыкальной табакерки.

Каждая сцена пьесы озаглавлена.

Вполне понятно и естественно в тексте, но как осуществить это в театре? Режиссер использует не новый прием — проекции на экран. Но как неожиданно момент первого (впрочем, и каждого последующего) появления и исчезновения экрана! Его легкое белое полотно держат в своих руках комментаторы и ведущие, безмолвные лацци и полноправные участники действия — Арлекин и Коломбина. Вот взмахнули — и словно порыв ветра уперся в парус, и понеслась лодка вперед. Парус напрягся, натянулся, почернел, и яркая белая надпись проявилась на нем. Прочли! Парус дрогнул, поник и превратился в плащ, запеленавший Арлекина. И каждый раз В. Херман и режиссер по пластике И. Рутберг придумывают новое, неожиданное движение, столь свободное и импровизационное, что превращают легкий парус чуть ли не в главное действующее лицо, которое задает тон спектаклю. Зыбкое марево интриги, сочиненной Кьркегором, так же легко и переменчиво, как взлетающий край паруса, который закрывает сцену тонкой тенью, создающей впечатление импрессионистической размытости, мягкого флера.

В этом пространстве, казалось бы, должны обитать эльфы или изящные люди с легким дыханием. Увы, здесь работают актеры, обремененные грузом старых ролей. Замысел режиссера, придумавшего и создавшего литературно-философский вечер в духе commedia dell'arte, столкнулся с иной эстетической системой, облачившей жесткими доспехами ее приверженцев.

Арлекин, легкий гимнаст с бархатным голосом, превращается в сутулящегося, хрипло сипящего, по-кошачьи крадущегося мальчика из «Романа о девочках» (артист А. Вилков). Корделия (артистка Н. Баронина), прельстившая опытного обольстителя и сама расставившая ему ловушку, запоминается лишь сценой выхода из кареты, замечательно придуманной пластически. Йоханнес, обольститель (артист И. Старыгин), напоминает скорее не романтического элегантного героя первой половины XIX века, а резонерствующего, хотя все еще элегантного пустослова второй половины.

Пожалуй, ближе всего к темпу и ритму задуманного вертких, грациозная Коломбина О. Лебедевой и Т. Ревзина, напоминающая молодости великого Моцарта.

Театр, встретившись с требованиями В. Хермана, не нашел в себе возможностей их выполнить. Зато, как и следовало ожидать, поехал на родину постановщика, что, наверное, еще более упрочит наше состояние цивилизованности...

Т. РЫБАКИНА.

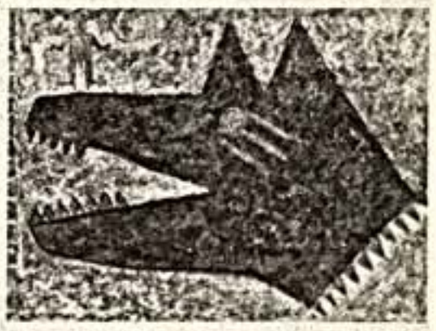
● *Коломбина — О. Лебедева, Арлекин — А. Вилков.*

Фото С. Добкина.

ВЫСТАВКИ

Тихая сенсация

Красный фон, белый крест: афиша советско-американской выставки «10 + 10» в Центральном доме художника странно схожа с флагом Швейцарии. Случайность? Или намек на то, что искусство способно стать зоной «вечного нейтралитета», открытой для всех? Как бы то ни было, 10 американских и 10 советских художников новой генерации проявили волю к сосуществованию. На открытии посол США А. Мэтлок приветствовал их от имени президента Буша и от своего собственного.



Картины, развешанные в одном зале, хорошо уживаются друг с другом. Выставка «10 + 10», организованная Музеем Модерн Арт — Интеркультура, Форт Уорт, Тексас — и Министерством культуры СССР, похожа на большое стихотворение с плавным чередованием мужских и женских рифм — этакая элегия современной живописи...

Странствуя от одной работы к другой, как-то забываешь, что 10 «наших» — А. Журавлев, Ю. Петрук, В. Мироненко, С. Шутов, А. Сундуков, А. Ройтер, Л. Пурыгин, В. Захаров, Ю. Альберт, К. Звездочетов (запомните эти имена!) — недавно казались художниками предельно экстравагантными и безнадежно «подпольными»: не нужными никому, кроме самих себя и нескольких сумасшедших коллекционеров. Забываешь и о том, что пять лет назад подобную выставку нельзя было себе вообразить, а два года назад на нее нельзя было бы попасть. Все очень спокойно. В зале немноголюдно. Картины висят рядком, говорят ладком...

Говорят — о чем?

Прежде всего о том, что если абсолютные ценности, идеалы (и вообще все вещи, названия которых можно писать с большой буквы) еще реальны, то самый простой способ приблизиться к ним — осознать, как их видят другие. Что работе художника сегодня более пристало быть попыткой понимания, чем попыткой самоценного высказывания. Что «10 + 10» либо ничего не значит, либо значит «Я+19 Тых. Плюс еще несколько миллиардов, условно отделенных друг от друга политическими границами и идеологическими сентенциями.

Человеку надоело быть рабом слова «мы», искусству надоело быть заложником идеологии, художнику надоело быть пленником собственного языка. То, что не может быть переведено на другие наречия и сказано иначе, не существует в природе.

И еще: не обязательно тревожиться о том, чтобы сохранить свою самобытность — личную или национальную. Если она есть, от нее просто деться некуда. Но раскрывается она только в споре с другим (эксцентрироваться, уйти в глухую защиту собственного «я» — значит выбрать бессилие и культурное самоубийство).

Я не знаю, как складывались судьбы и манеры 10 художников Америки. Но только вот так, лицом к лицу, почувствовав необходимость диалога, можно понять, насколько же «они» — А. Лемье, Р. Бреннер, Р. Пюрдом, Д. Бейтс, М. Тензи, К. Браун, Д. Салтан, Д. Салли, Э. Горник — «другие». Я забыл записать имя десятого, но и он — «другой».

Они богаче в средствах, непринужденнее в решениях. Они знают радость обладания миром и способны ко всему на свете отнестись с беззастенчивой свободой. За одним исключением: свободное и не очень бережное отношение к собственной личности — прерогатива наших. (Не хочу тешиться вечной присказкой: «мы богаче внутренне»... Но щедрее — это точно. На грани мотовства, а то и за гранью).

Они — не то чтобы холодней, но гораздо спокойней. Наши связи с миром более болезненны, отсюда в работах часто острая и многосмысленная ирония. У американцев ее куда меньше.

Судя по выставке, концептуализмом у них уже переболели. Включая все осложнения и возвратные формы. В то же время, судя по выставке, жить в пространстве, где все «файны» и «но проблем», серьезному художнику, как и всегда, не очень интересно. Ощущается проблема активного поиска проблем (разумеется, не социальных).

Судя опять же по выставке, примерно треть современных американских художников — женщины. Либо там слишком развито феминистское движение.

Впрочем, судя по выставке, у нас живопись — чисто мужское занятие. Что тоже не совсем верно.

Наша часть экспозиции жестче. Может быть, она не ярче, но активней адресована зрителю. Явно, что острее ощущается проблема отклика. Но и надежда на отклик более жива и более дорога. «Комплекс советской неполноценности», по счастью, отсутствует. И агрессивная воля к самоутверждению — его оборотная (оборонная) сторона — тоже.

В среднем размеры полотен у наших несколько меньше (за пределами выставки они гораздо меньше, как и цены на картины). Цвета резче, хотя гамма менее богата. Это проблема не столько художественного выбора, сколько уровня жизни: приходится думать о том, где хранить работы, где доставать краски и т. п. Но на выставке и она выглядит как сугубо эстетическая: эффект недосказанности, компенсация «размытых» связей... Ладно, об этом не будем.

Последнее, пожалуй: на табличках к американским картинам обычно помечено: «любезно предоставлено галереей...», «коллекция...», «собрание института...». На наших чаще стоит: «собственность автора».

Это не означает, что можно запросто купить работу приглянувшегося «авангардиста»: тут вы опоздали на несколько лет. Но пойти посмотреть во всяком случае стоило хотя бы потому, что такое случилось впервые. «10 + 10» — не та выставка, о которой вы будете рассказывать внукам. Однако некоторые вопросы, на которые надо дать ответ самому себе, она перед вами поставит.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

● *Дэвид Бейтс. «Мягкий рот».*

● *Юрий Петрук. «Собака Дайка».*

Момент движения

У любимого мною Кузьмы Петрова-Водкина есть полотно «Купание красного коня». Революционный романтизм. Духовная гармония Времени.

И вот неожиданная встреча с картиной, казалось бы, антиподом — «О, красный конь, куда летишь ты, конь надежды!..» москвича Эдуарда Шагеева на его ленинградской выставке.

Куда же летишь ты, конь надежды, сметая все на своем пути? Я слышу твой отчаянный крик, наездник, и мне страшно. Какую же жизнь надо было прожить, чтобы славный юноша с картины Петрова-Водкина в полотне Шагеева предстал трагическим героем? Но отчего же он, познавший все, отчаянно хватает за уздцы коня? Я отчетливо ощущаю дыхание огня, и его всполохи вот-вот коснутся и меня.

Да, Петров-Водкин мечтал о светлом будущем. А Шагеев, человек моего, послевоенного поколения, он знает, что такого будущего нет. Там — романтизм, гармония. Здесь — трагизм и хаос.

Но отчего же трагический прыжок красного коня, казалось бы, из одной исторической эпохи в иную, еще нам неведомую, лично у меня не вызывает чувства безысходности? Быть может, оттого, что Э. Шагеев в своих работах не силится отвергнуть, зачеркнуть прошлое. И, быть может, потому, что нам уже хорошо известны жестокие законы движения социальной жизни. Конечно, их познание может и травмировать, но может и закалять. Э. Шагеев не отрицает духовного и художественного опыта К. Петрова-Водкина, и потому в его картине я ощущаю надежду на согласие, гармонию.

Да скоро ли они наступят?

Картина Э. Шагеева запечатлела как раз этот момент отчаянного движения, трудного и трагического, но необходимого движения в будущее.

О, красный конь, куда летишь ты, конь надежды!..

Виталий ПОТЕМКИН.

ЛЕНИНГРАД.

● *Э. Шагеев. «О, красный конь...»*

Победа! А что дальше?

«Меня никто не знает» — с этих слов началось мое знакомство с молодым дирижером, выпускником Ленинградской консерватории Олегом Солдатовым. Два года назад он стал лауреатом первой премии Всероссийского конкурса дирижеров, а буквально несколько дней назад получил первую премию Международного конкурса имени Тосканини в итальянском городе Парма.

В его судьбе все типично: музыкальная школа, консерватория, конкурс. На последний конкурс поехал сам. О том, что он проводился, узнал случайно. Отправил документы, получил телеграмму о зачислении в участники. Приглашение, посланное комитетом конкурса 6 июня, получил 25 июля, уже будучи лауреатом первой премии.

— Конкурс в Парме проводится в четвертый раз. В этом году на него было подано 305 заявок, из которых отобрано на предварительное прослушивание 35 человек, — рассказывает Олег. — К конкурсу допущено семеро. Множество сложностей, с которыми, выезжая, пришлось столкнуться, окупилось. Дело в том, что семь конкурсантов в течение десяти дней не только состязались, но и учились. Педагогом и помощником в работе был президент конкурса Рудольф Баршай. Прекрасный музыкант и человек, он общался с нами на равных. Работали мы с Молодежным симфоническим оркестром, который носит имя Тосканини. Результаты работы с оркестром выносились на публику. Наконец, из семерых на финал были выбраны трое.

Что же собирается делать молодой маэстро в будущем? Профессия дирижера — штучная, их не так много, не то что пианистов или скрипачей, которые ежегодно получают десятки международных премий. Но и у дирижеров проблемы те же.

— Каждый ищет себе работу сам. Сейчас я исполняю обязанности главного дирижера Томского симфонического оркестра, пока И. Лапиньш находится на гастролях. Кстати, именно Томская филармония помогла мне выехать на конкурс в Парму. В Томской филармонии замечательный директор — М. Мучник, один из лучших в Союзе. Он не просто прекрасный организатор, но

еще и любит музыку и музыкантов. С валютой помогла Ассоциация внешнеэкономических связей ленинградских предприятий. Вообще же мне хотелось бы иметь работу в Ленинграде, в родном городе, который мне дорог, где живет моя семья. А пока мне предстоит закончить консерваторию. В сентябре хочу еще раз попробовать свои силы на международном конкурсе — во Франции, в Безансоне.

Итальянские газеты постоянно следили за конкурсом, выходили с крупно набранными заголовками: «Солдатов завоевал «Тосканини». Олег был в центре внимания, получил приглашения выступить с рядом итальянских оркестров. Словом, однажды проснувшись, он стал знаменитым. Но не у нас. У нас его, увы, пока не знают...

В. КОЛОСОВА.

● *Олег Солдатов.*

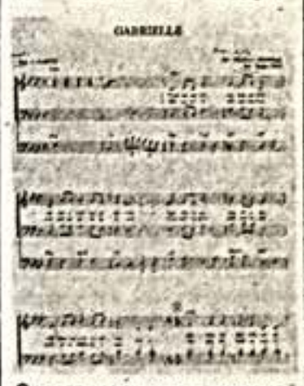
Фото В. Самойлова.

Стоп — плагиат

С детства нравится мне детская песенка «Пусть всегда будет солнце!» И чем больше в жизни нашей поселяется пессимизм, тем отчаяннее хочется напевать жизнерадостную, наивную и трогательную мелодию Аркадия Островского.

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

И радостно, когда советскую песенку поют зарубежные господа и дети господ на зарубежных языках. Слава богу: музыка интернациональна по своей природе! Я даже заметил, что у них, там, песенка эта звучит еще более оптимистично, чем у нас, грешных. Сергей Баневич, секретарь правления Союза композиторов Ленинграда, ценитель музыки для детей, считает, что особенно радостно звучит наша славная песенка в Швеции.



Он взял вот эти нотки, которые мы любезно помещаем в качестве вещественного доказательства, и сыграл их на рояле. Действительно, звучит очень-очень мило, а в одном месте, как убежден наш эксперт, даже лучше, чем у советского автора. В общем, примитивный плагиат.

А нашему родному ВААПу, выходит, хоть бы что!

В. ОРЛОВ.

«Русский фестиваль» на Лазурном берегу

К этому празднику в Вильфранше готовились давно. Афиши с подписью «Большой русский фестиваль» встречали нас по всему Лазурному берегу. Транспаранты на автостраде, соединяющей Монако, Ниццу, Канн и Грас. Программы праздника—в залах музеев, в магазинах, в аэропорту, газетных киосках. Местные газеты и телевидение бурно анонсировали встречи с артистами из Москвы.

Весной нынешнего года я был в командировке от Советского фонда культуры в Париже. Меня принимала Лидия Борисовна Ворсоно. Программа фонда «Возвращение» многим обязана этой замечательной женщине. Уроженка Ленинграда, маленькой девочкой она оказалась во Франции, но до сих пор хранит в душе любовь к России.

В прошлом году с помощью госпожи Ворсоно в наши библиотеки поступило уникальное собрание поэзии русского зарубежья. Некоторые из этих изданий впервые оказались достоянием отечественных книгохранилищ. Передала в тот приезд щедрая дарительница и массу книг о Пушкине, вышедших после революции за рубежом.

Теперь с ее помощью мы готовим в Москве выставку работ почти неизвестного у нас художника Федора Стравинского, сына великого русского композитора. Будет исполнена воля незаслуженно забытого живописца Георгия Артемова, всю жизнь работавшего во Франции и завещавшего своим детям передать творческое наследие в музей Ростова-на-Дону, где прошли его юношеские годы. Благодаря заботам Лидии Борисовны удается осуществить возвращение в Россию уникальной коллекции русского шитья XVII—XIX веков, собранной и сохраненной настоящим патриотом Отечества Павлом Михайловичем Толстым-Милославским. Достигнута договоренность о показе на Родине картин Зинаиды Серебряковой и ее детей, живущих в Париже,— Екатерины и Александра Серебряковых.

Во время одной из парижских встреч Лидия Борисовна Ворсоно поделилась со мной своим желанием устроить нынешним летом в Вильфранше благотворительный концерт с участием русских артистов, а полученные средства передать на борьбу со СПИДом. Инициатор создания при Советском фонде культуры и Фонде мира Международной благотворительной программы «Новые имена», влюбленная в свое дело, И. Воронова за короткий срок собрала группу молодых артистов, и в старой крепости, превращенной десять лет назад в прекрасный театр, состоялся подлинный праздник музыкального искусства. Долго не смолкали аплодисменты после виртуозной игры виолончелиста Александра Князева, серебряного призера последнего Конкурса Чайковского; ансамбль «Удалья» и его солистка Марина Андреева передали аудитории очарование русских песен, зачарованно следили французы за танцами молодого артиста Большого театра Дмитрия Михайлова, наслаждались игрой скрипача Левона Амбарцумяна...

Из Вильфранша группа отправляется в Челябинск.

С. ЯМЩИКОВ.

НИЦЦА.

Дмитрий Лихачев:

«Мы слишком бедны, чтобы продавать»

В номере «Советской культуры» от 14 июля 1990 года опубликована обширная беседа с П. Сидоровым—начальником отдела экспорта Всесоюзного художественно-производственного объединения им. Е. В. Вучетича. Беседа называется «Срывается аукцион «Сотби» и преподносится как «сигнал бедствия». Бедствия для фирмы «Сотби»! По правде сказать, небольшие неприятности для фирмы «Сотби» мне не представляются уж такими важными, а поднятые в беседе ПОПУТНО вопросы о вывозе предметов искусства из нашей страны кажутся куда более существенными и крайне тревожными.

Когда в XVIII и XIX вв. вывоз и ввоз произведений искусства в той или иной мере уравновешивался, страна могла не очень беспокоиться об утечке культуры. Но теперь поток идет по преимуществу в одну сторону, а если учесть, что музеи и частные коллекции находятся в крайне неблагоприятном положении, то сигнал бедствия давно необходимо было уже поднять — бедствия для русского и советского искусства.

Давно надо было создать каталоги ценностей, ушедших за границу из наших музеев, дворцов знати, усадеб, частных коллекций, церквей, монастырей... И руководствоваться при выдаче разрешений на вывоз из страны также и этими каталогами. Дело ведь не только в том, нуждаются или не нуждаются несколько наших основных музеев в Москве и Ленинграде в тех или иных произведениях искусства. Вся страна в целом нуждается в искусстве. Страна была богато насыщена произведениями искусства: у частных лиц, в частных домах, в частных квартирах... На этом воспитывался вкус, от этого зависел уровень культуры. На этом вырастали художники, мастера своего дела, рос общий тонус культуры, ее уровень, уровень эстетических представлений каждого из нас, наших детей.

А сейчас! В избах уже не висят иконы, которым не только молились, но которыми любовались. Ушли из быта красавицы-прялки, удивительная по формам и краскам деревянная посуда, берестяные туеса и солонки. А в городских квартирах редко встретишь прадедовские диваны и кресла, выполненные с тончайшим чувством материала.

Надо понять, что предметы искусства создают в стране не только уровень эстетической культуры, но и нравственный климат. Вот поэтому бедствиями заграничных аукционов меня не тронешь, как не тронешь и любого русского, советского человека. Предметы старого искусства, безусловно, должны быть запрещены к вывозу, хотя бы некоторые из них и имели реплики в столичных музеях. То же касается и старинных книг — по крайней мере до того момента, пока не будут составлены подробные каталоги дублетных экземпляров (на продажу которых покушаются некоторые руководители наших библиотек),—пока заявки на эти дублеты не будут поданы и удовлетворены по всем самым маленьким библиотекам нашей страны. Это ведь тоже культура, устремляющаяся за пределы страны и не имеющая встречных потоков. Жадные взоры иностранных антикваров различных специальностей устремлены сейчас на наши собрания!

П. Сидоров говорит о «вреде запретов», о том, что «чем больше официальных запретов, тем больше культурных ценностей покидает страну по другим каналам». В чем же тут логика? Убрать плотину и тем понизить уровень каналов? То есть сделать вывоз совсем беспрепятственным? А если препятствия, то какие, кроме «официальных», вообще могут быть? А ведь закупать за рубежом для нашей страны некому и не на что! Мы не в XIX веке живем...

П. Сидоров приравнивает вывоз произведений искусства из нашей страны к пропаганде нашей культуры: «Одной из целей участия в аукционе наследники, хранители коллекций называют пропаганду творчества художника. Ну кто, скажите, знает на Западе А. Волкова? Кому что говорят имена А. Лабаса, А. Тышлера?.. Увы, их и в нашей стране немногие знают». Значит, чтобы знали, надо продавать на Запад в частные руки? Тогда и мы узнаем, и на Западе узнают? Странная логика.

Один из самых наших замечательных искусствоведов А. И. Анисимов был арестован, а затем расстрелян за то, что протестовал... Нет, нет, не вообще против продаж за границу, а против продаж через аукционы в частные, иногда случайные руки произведений искусства, против их разрозненности, против распыления,— когда уже нельзя говорить о возможности изучения творчества художника. Он протестовал против продажи произведений поодиночке, особенно когда они представляли собой серию или позволяли судить о творческом вызревании замысла художника.

«Но должников не согласил
и отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!»

В конце 20-х — начале 30-х годов существовала «теория», согласно которой в музеях должны быть оставлены только несколько картин одного художника, чтобы представлять его искусство. Остальное могло быть продано. И продавали! Продавали до такой степени, что не осталось у нас в стране многих произведений первоклассных художников вообще. Нужны примеры? Повторяю: мы слишком бедны, чтобы что-либо продавать. Если Эрмитаж велик, то за счет слияния в нем нескольких музеев и частных собраний. Сколько их было в одном Петербурге!

17 июля этого года умерла вдова Казимира Малевича — Наталья Андреевна. Умерла в жесточайшей бедности. Лет тридцать назад Инюрколлегия упрашивала ее подать в суд и получить назад из Амстердама картины ее мужа, оценивавшиеся в миллионы долларов. Она не согласилась: Малевич стал известен благодаря Амстердамскому музею. Пусть они там и останутся, а не будут распроданы в неизвестные руки поодиночке. И одновременно она пожертвовала в Русский музей в Ленинграде несколько десятков картин, принадлежавших ей самой. Она поступила правильно в том и в другом случае.

Если бы удалось на Западе (в Париже, Лондоне или Нью-Йорке) создать Музей русского искусства или хотя бы достаточно большие отделы русского искусства в одном из каких-либо известнейших музеев, я был бы за то, чтобы туда продавались наши вещи. Но поодиночке и в неизвестные руки, через аукционы? Упаси Боже! Ведь не так важно даже — что и за сколько, но куда.

Поэтому я бы предложил следующие меры. Полный запрет на продажу настоящих произведений искусства — художников нашей страны и иностранных (о какой «пропаганде» нашего искусства может идти речь в последнем случае!). Но разрешить продажу работ современных нам, живущих и работающих у нас художников с их согласия, после того, как будет решен вопрос о покупке нашими музеями за ту же цену. Три-четыре наших главных музея — и в первую очередь создающийся при Советском фонде культуры при Министерстве культуры СССР Музей современного искусства — будут иметь возможность предложить художнику устраивающую его цену.

Но запрет на вывоз старых произведений искусства надо ужесточить. И чтобы не ошибиться, мы должны улучшить и расширить искусствоведческое образование. И мы не должны думать, что искусствоведов могут у нас заменять в качестве экспертов художники. Художники часто бывают односторонни...

РУССКИЙ БАЛЕТ В АНГЛИЙСКОЙ РАМЕ

Первый балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро» наконец предстал на его родине в том виде, в котором был задуман композитором. Постановку осуществили Московский театр классического балета СССР (художественные руководители Н. Касаткина и В. Василёв).

— В основу нашего спектакля,— рассказала Наталия Касаткина,— мы взяли московскую версию А. Горского, бережно восстановили забытые части старой редакции и некоторые замыслы Мариуса Петипа, а также постарались наиболее точно воспроизвести «лебединую» хореографию Льва Иванова.

Стремясь выявить замысел композитора, во всяком случае максимально к нему приблизиться, мы пересмотрели много предшествующих вариантов — проделали огромную исследовательскую работу. Восстановлен финал, где раньше вопреки музыке трагический конец заменялся в духе времени на «хэппи энд». Фрагменты же, сочиненные заново, сделаны в стиле старинного спектакля.

Художники спектакля — один из лучших британских сценографов Т. Гудчайльд. Костюмы делали в английских театральных мастерских под руководством К. Бейнера, и каждый из них — произведение искусства.

Продюсер спектакля — фирма «Энтертейнмент корпорейшн», которая оплатила оформление, а также организует гастроли и рекламу.

Премьера состоялась в 1988 году в Глазго, потом были гастроли в Англии, США, Японии, Турции. И сейчас в честь юбилея Чайковского показываем наш спектакль в своей стране...

Итак, новое «Лебединое озеро» — какое оно? Впечатляют действительно великолепные костюмы, сделанные с большим вкусом для каждого артиста отдельно. Неповторимый мир музыки композитора буквально поглощает зрителей: балет исполняется по полной партитуре (дирижер В. Рылов) и, к счастью, лишен той «затертости», которая присутствует на спектаклях этого балета во многих театрах.

А что же исполнители? Есть много очень хороших, и их выбор, наверное, дело вкуса каждого зрителя. Помоему, великолепно выступают И. Галимуллин — Шут, В. Трофимчук — Злой Гений, «Звезда» спектакля — В. Малахов в роли Принца. Его танец виртуозен и естествен, а тонким и одухотворенным артистизмом он больше других приближается к загадочному герою Чайковского.

С. САМСОНОВА.

● *Сцены из балета «Лебединое озеро». (Одетта — В. Тимашова; Зигфрид — А. Горбачевич; Шут — И. Галимуллин; Принц — В. Малахов).*

Фото А. Сизунина.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

УКРАИНСКИЙ театр... Украинская культура... Нет повести печальнее... — так можно было бы сказать вчера.

И повторить сегодня.

Да, именно сегодня. Не 5—10—20 лет назад, когда театральная Украина занимала 14-е место в культурной жизни страны. Когда почти 40 процентов интеллигенции вынуждены были покинуть пределы республики, когда из 70 режиссеров украинских театров лишь шесть вели репетиции на украинском языке. Когда правила бал профанация, рядящаяся в одежды «хохлацких хохм» и этим завоевавшая себе сомнительный успех у аудитории (не у зрителя).

Именно сегодня, когда возвращаются наши провидцы и пророки — Булгаков и Кулиш, Платонов и Хвылевый, Набоков и Винниченко и вместе с ними воскресают такие забытые и непривычные для нас понятия, как честь и достоинство, совесть и нравственность, любовь и красота — все нравственнее становится пропасть, разделяющая нас. Не вполне еще успев осознать эту тревогу, мы уже оказались ввергнутыми в новую болезнь — эйфорию своеобразного панибратства с ними.

Сегодня само извлечение из небытия классических имен уже приносит сенсацию и успех. Но помня прежде всего о строгом счете, предъявляемом театру классиками-«возвращенцами», попытаемся уловить тот миг удачи, который зарождается на наших глазах...

Все чаще в околотеатральной пене появляются осколки затопленной когда-то Атлантиды украинской классики 20-х годов. Наверное, залог первых успехов в том, что в украинскую поэзию, прозу, театр сегодня пришли художники нового поколения. Их слово, интонация в искусстве более раскованны и свободны от воли старых стереотипов. В них дышит ирония, насмешка. В них меньше напряжения, наконец.

Театр был и остается одной из самых гибких форм осознания народом себя в историческом пространстве. Театр заставляет размышлять над извечными вопросами: кто есть я? кто я — сегодняшний? я — прошлый?

Не случайным поэтому кажется мне появление в репертуаре театра-студии «Театральный клуб» спектакля, поставленного режиссером О. Липцыным, по новелле Миколы Хвылевого «Я» (кроме этой новеллы, во втором акте играется пьеса Ж. Кокто «Человеческий голос»). Это все та же попытка осознания, соотнесения себя с временным потоком.

М. Хвылевый — основоположник новой украинской прозы, один из ведущих деятелей Расстрелянного Возрождения, объявленный в свое время Кагановичем «национал-фашистом», одним из первых почувствовал гул надвигающейся катастрофы и, не дожидаясь, когда он будет сметен социальным смерчем, в 1933 году покончил с собой.

В своей новелле «Я», написанной в 1923 году, он исследует идею-фантом. Идею, доведенную фанатизмом ее исповедников до великого социального порока. Герой новеллы украинского прозаика — герой романтический. Его «я», расколото на Я-идейное и Я-интимное (я — чекист, но я — и человек, говорит он). Личное, внутричеловеческое, экзистенциальное соотнесено в эмоциональном опыте героя с образом любимой матери, у которой добрые, скорбные очи девы Марии. Осколочность мироощущения мучительна. Стремясь избежать этой душевной пытки, герой убивает свое человеческое Я. Расстреливает мать. Такова цена обретенной целостности.

...Разбросанные вокруг рваные тряпки, ленты, смятые пакеты дают ощущение только что пронесшегося смерча и напоминают свалку. В центре зависает нечто устрашающее и нелепое — некая фигура из огромного целлофана, раскрашенного в аляповатые карнавальные цвета.

Сценографы И. Лещенко и М. Сойфертис переводят в зримый образ ту самую идею рая — «Загорной коммуны», вислящей «в облацех». Идею-призрак, идею-абстракцию, подчинившую себе героя.

Мир за пределами нравственных законов загримирован под жизнь. Здесь все бессмысленно, бездарно. Нет больше ни сыновей, ни родителей, ни женщин, ни мужчин. Это знак деградации корневых основ, когда уже неясно, больная ли психика — следствие вывихнутого мира, или наоборот...

К сожалению, между режиссерским решением и его актерским воплощением возникают ножницы, существенно искажающие смысл. Кроме того, спектакль грешит излишней умозрительностью. Актер В. Маляренко, исполняющий роль героя, изначально играет болезнь, патологию. Но у Хвылевого герой менее всего душевнобольной. Он — романтик, идущий за идею до конца, преступая основы основ, разрушая все вокруг и разрушаясь сам.

Спектакль «Момент» тяготеет к иным эстетическим принципам. Взяв за основу пять новелл дореволюционного В. Винниченко — одного из ранее запрещенных на Украине писательских имен, А. Жолдак ставит на Малой сцене Театра имени И. Франко спектакль о кризисном моменте истории, о противоречиях духа, об Апокалипсисе, который писатель предвидел и предсказывал, заключив в новеллы 1905 года свою тревогу.

Франковцы были первыми, кто взял в свой репертуар В. Винниченко. Того, кто был признан в свое время (конечно же, на Западе) крупнейшим украинским прозаиком и драматургом XX века, который в 1950 году получил одну из почетных французских литературных премий за роман «Новый завет», а у себя на родине на протяжении последних 50 лет был изъят из литературного и театрального процесса и умер в эмиграции.

Режиссер спектакля, наш современник, довел жесткую и аскетичную логику автора до современного градуса суровости — Винниченко говорит тут языком трагической притчи об абсурде как жанре нашего существования.

Сценография аскетична и функциональна (художник Т. Кириченко). Два-три образно-смысловых штриха, дающие ощущение атмосферы, иногда вырастающие в символ. Как, например, колесо, вознесшееся над свадебным шествием, к которому и от которого тянутся разноцветные ленты — подобие национального украинского венка. Здесь каждый как бы вносит свою лепту в общий праздник духа, праздник свободы. И бытовое колесо сквозь эту импровизацию уже видится образом колеса-круговращенья, колесом истории.

Потом гармоничная стройность происходящего нарушится, внезапно наброшенное белое покрывало (саван?) превратит народ в бесформенную человеческую «плазму», которая разродится какими-то мутантами, полуживотными. Агрессивная толпа, орущая, вопящая, выкрикивающая нечленораздельные звуки, спонтанно, импульсивно изберет себе жертву и вдруг набросится на парня со свирелью. Вначале будет непонятно, что они делают — раздирают его на куски, как языческие вакханки Орфея, или, наоборот, присягают ему. С таким же гиканьем и свистом и также неожиданно толпа расступится, поднимет на руки что-то связанное, спеленутое. И мы обнаружим, что в это «что-то» превращен музыкант. Своего мумифицированного Орфея пронесут перед нами на руках. Так раньше носили фараонов.

Каждая из пяти новелл заканчивается сценой насилия над личностью, над человеческой жизнью, над любовью. И все же главный ключ спектакля не тут — не только в сострадании, сколь бы ни было это важно. Сегодня оно — лишь начало долгого пути к себе: через боль и стыд, через осознание бесценности каждого отдельно взятого мгновения.

Не случайно центральным, кульминационным сюжетом стала новелла «Момент» — о любви и обретенной, пусть на миг, гармонии и свободе.

Девушка и парень (их играют Ж. Калантай и А. Богданович), ожидая проводника, который переведет их через границу, впервые встречаются друг с другом. Им отпущено еще меньше, чем Ромео и Джульетте. У тех были дни и ночи — у этих лишь краткие мгновения. Им суждено узнать друг друга, прожив всего лишь миг. Новелла заканчивается двумя выстрелами...

В сценической версии режиссер отказался от роли проводника — и понятие «границы» сразу отодвинулось в иное измерение, обрело многомерность.

И уже неважно, достигли выстрелы цели или нет,— момент обретения любви и свободы состоялся, он уже с ними, в них, они нашли друг друга, и миг этот совпал с вечностью.

К сожалению, вполне житейский сюжет, который последовал после выпуска спектакля, впрямую говорит о том, как медленно и трудно это самое самосознание завоевывает себе пространство. Снисходительно (иначе не скажешь) разрешив «Момент» к исполнению и даже позволив съездить ему в Мюнхен, спектакль закрыли. Уже в который раз пришли на помощь пожарники! Читатель, ты, конечно же, все понял. Ну да, именно так, стражи общественного здоровья повелели с «Моментом» не шутить и закрыли Малую сцену Театра имени И. Франко...

«Момент» совпал с моментом сегодняшней тревожной действительности. Совпал с памятью, хранящей, к счастью, воспоминание о стыде, о собственной вине, но также и о радости созидания, о Красоте, которая, право же, должна спасти мир.

Оксана ТАНЮК.

ПАМЯТИ РЕСТАВРАТОРА

«Не поздно ли теперь изучать архитектурный облик былого Пскова, если он разрушен и от него мало сохранилось? Нет, не поздно! И мы обязаны это сделать, потому что нельзя не использовать прошлую культуру человечества и проходить мимо того, что создал наш русский народ».

Так писал сразу после войны уроженец города Пскова, архитектор, реставратор, художник и ученый — Юрий Павлович Спегальский (1909—1969). Вся его жизнь была посвящена борьбе за спасение наследия древнейшего центра отечественной культуры. Многое удалось ему сделать, несмотря на сопротивление и непонимание чиновников от искусства. Сейчас, когда так остро стоит перед нами вопрос, быть или не быть старому Пскову, когда «туристическая» застройка, ведущаяся часто без согласования со специалистами, готова растворить в себе драгоценные остатки архитектуры прошлого, дела и мысли Ю. П. Спегальского особенно актуальны.

Псковичи первыми в России почтили память реставратора. В честь Ю. П. Спегальского названа одна из улиц древнего города. В квартире, где жил и работал исследователь, открыт мемориальный музей, созданный по инициативе и стараниями его вдовы архитектора О. К. Аршакуни. И вот совсем недавно стену дома, где находится музей, украсила мемориальная доска, исполненная псковским художником А. Кирилловым.

С. Я.

ПСКОВ.

Фото Н. Бодначчука.

«Дон Кихот» из американской провинции

На карте США городок Дайрен можно найти, лишь изрядно потрудившись. С еще большим трудом можно себе представить, как и чем он живет. Но после московских гастролей дайренского школьного «Театра 308» это в некоторой степени перестало быть тайной.

15—19-летние артисты приехали по приглашению молодежного Класс-центра, иначе говоря театра-спутника при МТЮЗе, и привезли мюзикл Д. Вассермана «Человек из Ламанчи». Эта школьная труппа существует уже много лет, последние десять — под руководством Нэнси Херман, в прошлом актрисы, ныне активной театральной деятельницы. Каждый год Нэнси ставит два крупных спектакля — мюзикл осенью и драму весной, с которыми ее театр участвует в традиционном фестивале Драматической ассоциации родного штата Коннектикут и гастролирует по близлежащим северо-восточным штатам. Спектакли в Москве — первая зарубежная поездка театра (имеющего, кстати сказать, несмотря на свой скромный статус, музыкального директора, технического консультанта и бизнес-менеджера). Являются ли такие театры обычным американским явлением?

— Это зависит от школы,— говорит Нэнси Херман,— не всякая может позволить себе иметь труппу, но практически каждая так или иначе связана с драматическим искусством.

— А откуда это название — «Театр 308»?

— Несколько лет назад мы были частью огромной культурной организации, в которой наша группа значилась под номером 308. Выделившись в самостоятельный театр, мы решили оставить себе «на память» наш номер.

— Почему из своего обширного репертуара для московских гастролей вы выбрали «Человека из Ламанчи»?

— Потому, что всегда современная история Дон Кихота пробуждает то мировоззрение, которое одно и дает нашему существованию смысл и надежду.

И еще, наверное, потому, что известные всем с детства приключения Рыцаря Печального Образа понятны без слов. А это очень важное обстоятельство, поскольку спектакли шли на английском.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

НАСТОЯЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ — ВПЕРЕДИ

Александр Глазунов — очень интересный композитор, один из титанов русской музыки, по масштабу близкий к Чайковскому. И то, почему сегодня существуют «ножницы» между популярностью Глазунова у исполнителей и малым интересом к нему широкой публики,— для меня загадка. Скрипачи, например, очень любят играть его Концерт. На мой взгляд, это шедевр. Красивое и невероятно трудное произведение. Дело в том, что у Глазунова своеобразное оркестровое письмо, сравнимое, пожалуй, с вагнеровским, — сложное, чрезвычайно детализированное, с использованием множества инструментов.

Его трудно не только играть, но, как мне когда-то говорил Е. А. Мравинский, и дирижировать. Исполнение его сочинений требует большой тщательности и напряжения всех возможностей — технических, творческих, эмоциональных. Но вот адекватного затраченным усилиям эффекта Концерт у публики, как ни странно, не вызывает... Хотя, повторяю, музыка Глазунова — я имею в виду и Концерт, и скрипичные пьесы, и симфонии, и балет «Раймонда», который я очень люблю, — высочайшего класса. Ее вроде бы играют, знают, но, как мне кажется, настоящее признание Глазунова еще ждет.

Судя по воспоминаниям современников, это был очень интересный, светлый человек. Во всяком случае, те, кто с ним общался, говорят о нем с неизменной теплотой и даже пиететом. Существует, например, книга С. Волкова о Шостаковиче, на мой взгляд, довольно спорная и у нас, кажется, не издававшаяся. Но в ней есть мемуары Дмитрия Дмитриевича, касающиеся Глазунова.

Помню одну любопытную историю. Как-то Глазунов, будучи уже пожилым и больным человеком, приехал на Запад дирижировать одной из своих симфоний. Оркестр вел себя крайне вызывающе. В один из моментов репетиции валторнист отказался выполнить требование Глазунова, заявив, что какую-то ноту в его партитуре взять невозможно. И тогда Александр Константинович сошел с подиума, прошел через весь оркестр, взял валторну, очень долго прилаживался и наконец дунул в нее, сыграв ту самую ноту красиво и чисто.

Может быть, какого-то пустяка не хватает и нам для того, чтобы пробудить к этому композитору интерес, подобающий его таланту и вкладу в русскую музыку.

Сергей СТАДЛЕР,
лауреат международных конкурсов.

● *Портрет А. Глазунова работы художника В. Серова.*

ПОРТРЕТ

Пока поет Тальков...

Его взлет внешне был стремительным: участие в популярнейших телепрограммах, ревущие от восторга концертные залы и стадионы. Но почти никто не догадывается о долгих, очень долгих годах вынужденного безмолвия, об отчаянии, которое уже почти было взяло верх, о решении навсегда отказаться от сцены, на которую ему упорно не давали выйти со своими песнями.

ШЕЛ очередной выпуск передачи «До и после полуночи». Неожиданно на экране возник незнакомый певец — за его спиной рушились церкви, горела земля, а он задумчиво и скорбно ронял слова, которые в тот момент еще казались немыслимыми в официальном эфире:

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам!
Россия!

Это был эффект «разорвавшейся бомбы». Многим тогда показалось, что прозвучали неопубликованные строфы ахматовского «Реквиема», тем более, что следом шел сюжет об Анне Ахматовой. Но нет, тут чувствовалось мужское письмо. Автором стихов и музыки, а также исполнителем песни «Россия» оказался Игорь Тальков. Ему немногим более тридцати. Но выглядит он гораздо старше. Усталое, изрезанное глубокими морщинами лицо. Право на собственный голос дается у нас, как известно, нелегко.

— Вы знаете, я был книжным, романтичным ребенком, примерным пионером и комсомольцем,— говорит Игорь.— Прямо как в песне «Примерный мальчик», которую часто поет Валерий Леонтьев. Собственно, я себя в ней и описал. И когда в десятом классе писал сочинение по «Малой земле», то решил посоветоваться с мамой. Отца дома не было, и мама не выдержала: взяла и высказала мне все, что думает о Брежневе. Я страшно обиделся и заявил, что уйду из дома, если услышу еще когда-нибудь что-нибудь подобное.

Его старательно пытались оградить от жизни. Мальчик не должен был знать всего того, что выпало на долю семьи. Так решила отец. Для этой семьи сталинский режим не был абстракцией. Мать Талькова, Ольга Юльевна, из поволжских немцев. Почему и очутилась в восемнадцать лет в Сибири. Ее первый муж, сибиряк, оказался «сыном кулака», «врагом народа» и застрелился, дабы не сдаваться ОГПУ. Она же пошла по этапу. Десять лет, как водится. Отец, Владимир Максимович, — коренной москвич, потомок русского офицера, по образованию педагог. Работал в подмосковной колонии для беспризорных, был убежденным коммунистом. Не мог принять жестокость, «казенные» методы работы с детьми, и вот, соответственно, все та же 58-я статья. И опять-таки «десятка». Не успев освободиться, без прописки приехал в Москву и тут же получил еще два года.

Там, в Сибири, в местечке Орлово-Розово они и познакомились, и там, в лагере, родился старший брат Игоря — Владимир. В семейном архиве Талькова хранятся «зонные» снимки: самодеятельный театр. Сейчас мы узнаем все новые примеры несломленности человеческого духа. Кто скажет, сколько их было, мудрых безумцев, третивших остатки сил на чудо перевоплощения, забывавших на мгновение игры об издевательствах конвоя и уголовников, о скотской похлебке и физических страданиях? Родители Игоря — из их числа. Они и познакомились-то в лагерном театре, который организовал Алексей Григорьевич Алексеев, знаменитый до революции конферансье, умница, эстет, владевший многими иностранными языками, и, соответственно, отбывавший свой срок.

Тяга к театральным подмосткам у Талькова-старшего была с юности. Он даже учился, правда, недолго, на курсах вместе с Жаровым и Ильинским и потому мечтал о сценической карьере для своих детей. До этого, впрочем, было еще бесконечно далеко.

Город Щекино Тульской области, завод железобетонных изделий, бараки, гнетущая бедность. Игорь до сих пор помнит неповторимый, волшебный московский запах: родственники, к которым его привозили на праздники, жили в самом центре, на Смоленке... Ольга Юльевна работала машинистом компрессоров, Владимир Максимович — бетонщиком, формовал плиты. Формовал их еще в семьдесят один год, и так и умер, не отдохнув и не успев по-настоящему насладиться отдельной квартирой в пятиэтажке. Горькая и, увы, типичная судьба.

Игорь довольно рано понял, что то, чему учили в школе, и то, что происходит на самом деле,—как говорится, две большие разницы. В песенке о примерном мальчике метаморфоза с героем происходит легко и безболезненно. В жизни же все складывалось куда как сложнее и драматичнее.

— Я всегда был очень жизнерадостным, этаким тамадой, меня приглашали во все компании, чтобы развеселил народ. А тут, когда стал всерьез задумываться над системой, когда добрался до корней и рухнули все мои идеалы, со мной что-то случилось. Я буквально заболел и очень долго пребывал в депрессии. Стал замкнутым, неразговорчивым, полюбил одиночество. На меня постоянно давила какая-то чернота. И так хотелось избавиться от этого жуткого ощущения, что стал пить. Много пил, перепробовал все виды наркотиков. А когда понял, что от этого только хуже,— бросил и начал заниматься спортом, чуть ли не всеми видами сразу — лишь бы разрядиться. Мне было девятнадцать лет. В это время я как раз бросил педагогический институт, потому что понял — это не мое, и попал в армию.

В стройбате, где он провел два года, замполит говорил прямо: думаешь, я ничего не понимаю? Понимаю, прекрасно понимаю, но у меня здесь работа, семья, квартира, и я не могу себе позволить во всем «ковыряться», иначе мне надо просто стреляться.

Годы армейской службы стали годами окончательного гражданского прозрения. Вернувшись, Тальков начинает серьезно заниматься историей. Достает редкие материалы и документы. По его словам, все точки над «i» для него окончательно расставил «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына: то, что он раньше мог только подозревать, теперь представало в своей страшной обнаженности. И сегодня на своих концертах Игорь с полным правом говорит о том, что каждая его песня имеет документальное подтверждение. А вообще-то правильнее было бы сказать, что каждое выступление Талькова и его группы «Спасательный круг» — острый политический диалог со зрителем. Прежде всего — молодым. Диалог, заставляющий думать, анализировать, сопоставлять.

Тальков щедро одарен от природы. Так и не получив настоящего музыкального образования, он много работает сам и становится первоклассным музыкантом. Как бас-гитарист и аранжировщик его нарасхват приглашают лучшие группы и ансамбли. Кстати, начало его популярности связано с песней Д. Тухманова «Чистые пруды», которую Игорь блестяще аранжировал и которая впоследствии надолго стала как бы его визитной карточкой.

Он же — великолепный актер, который «берет» зал в любой момент и в любой ситуации.

Наконец, Тальков — поэт. Его первые социальные песни появляются где-то в 1976—1977 годах, и тогда же навсегда заканчивается его относительно спокойная, скажем так, жизнь. Относительно— потому что, если серьезно, спокойной она никогда и не была. Бесконечные концерты в небольших городах, в кровь разбитые о струны пальцы, неустроенный быт, нищенская зарплата — рядовая судьба нашего рядового музыканта. Правда, он довольно быстро завоевал признание в профессиональных кругах, и теперь мог бы ездить за границу, жить вполне безбедно, но... Он понял, что или будет выступать со своими песнями, или не будет выступать вовсе.

Время, однако, тянулось впустую. О том, чтобы официально выпустить Талькова со своим репертуаром, никто и слушать не хотел. Аргументы: нет диплома о музыкальном образовании, не член творческого союза, не лауреат и не дипломант какого-либо конкурса (любопытная взаимозаменяемость, не правда ли?).

Приходил он и в «Росконцерт», просил выпускать его в программах бесплатно — оказалось, нет такой графы в бухгалтерии. Платить? Ну, что вы, помилуйте... Сейчас, между прочим, звонят, предлагают за выступление любые суммы да вот почему-то... Тальков отказывается.

Особые воспоминания связаны у Игоря с конкурсом «Сочи-82». Триумфальное выступление в первом туре, и... он не допускается ко второму. Потом, когда отшумели конкурсные фанфары и в варьете заглянуло не ужин в полном составе компетентное жюри, один местный композитор, «разогревшись» и подобрев, честно признался Тальнову: ты талантлив, плюнь на все и забудь. Здесь места расписаны заранее, и мысли ты хоть, как Сократ, выгляди, как Бельмондо, пой как Карузо, все равно ты бы ничего не получил.

Сейчас Игорь Тальков уже всяческий лауреат. И это справедливо. Обидно другое: тогда он был так же талантлив, отлично профессионально подготовлен. Правда, и столь же принципиален. Не в этом ли загадка? И стоит ли сетовать на то, что у нас так мало появляется новых ярких имен, если система поощряет прежде всего «деловую» смекалку?

Когда в Перовском парке открылся кооператив «Досуг», неожиданно оказалось, что там можно петь свои песни и даже что-то за это получать. Дальше все шло по нарастающей. Зритель признал его быстро, чего, правда, не скажешь об официальных властях — каких только случаев не было, особенно во время гастролей на периферии. Гласность гласностью, но... Он стал повсюду возить с собой книгу с выступлениями М. С. Горбачева — лучший аргумент для невежественных чиновников. Пожалуйста, посмотрите. Как, разве вы не знаете, что об этом уже давно можно говорить вслух?

На вопрос, бывает ли ему все же не по себе от того, что называют своими именами со сцены вещи, которые многие и по сей день не решаются произнести вслух, Игорь отвечает:

— Никогда. Ничего, кроме радости не испытываю. Это все равно, как если бы ты был заикой в цепи и к тебе подходил бы до зубов вооруженный человек и плевал в лицо. А потом тебя вдруг расковывают и дают в руки меч...

Хотя, конечно, я понимаю, что доставляю много волнений своей семье — маме, брату, жене. Когда меня пригласили выступить в Комитете государственной безопасности, жена серьезно умоляла не ходить и вообще уехать куда-нибудь. А я, помнится, вышел и сказал, обращаясь к людям, сидящим в зале на Лубянке: сейчас я спою вам песню, за которую меня пугают вами. И спел самую «крамольную» свою песню — «Россию». Сначала была мертвая тишина, а потом все пошло нормально.

Жизнь любого состоявшегося артиста, да и вообще творческого человека, немыслима, очевидно, без счастливых случайностей. Для Игоря Талькова такой случайностью стала встреча с Владимиром Молчановым, автором и ведущим передачи «До и после полуночи». Игорь рискнул привезти ему свой видеоролик, отснятый в Ленинграде, с той самой «Россией», и... «Россия» стала легальной, а Тальков наконец вышел на телеэкран.

Есть художники, которые не дают нам мириться с несправедливостью. Тальков из их числа. И не случайно его зачастую сравнивают с Владимиром Высоцким — по бескомпромиссности, социальной остроте поэзии.

— Высоцкого я боготворил. Повлиял ли он на меня? Наверное. Хотя я никогда не старался его копировать, разве что в детстве, в пионерлагере, когда сорвал голос на его песнях, почему до сих пор и хриплю. Но, повторяю, я никогда не старался писать «под Высоцкого», выглядеть «под Высоцкого» и никогда не ассоциировал себя с ним. Хотя мне часто говорят о каком-то сходстве. Мне это, бесспорно, льстит, но, если серьезно, то я считаю, что гений рождается один в эпоху и что-то пока не вижу на горизонте никого, кто мог бы сравниться с Высоцким.

Вообще я очень люблю все русское, очень люблю Россию — не потому, что я шовинист, отнюдь, я уважаю любую нацию. Но настоящая русская честь, чистота меня всегда привлекали.

Наверное, я просто больше гражданин, чем творческий человек, скорее политик, нежели композитор или певец. Меня иногда спрашивают: ну хорошо, вот общество, страна выздоровели, недостатков нет, что вы тогда будете делать? Я говорю: тогда я буду петь про любовь. Но только нам проблем еще на пятьсот лет хватит.

И все-таки он прежде всего художник. Когда в Ленинграде после концерта к нему в гримерную по очереди заходили представители всевозможных неформальных организаций и объединений, заявляя: вот программа, вы обязательно должны с ней познакомиться, вы наш, Тальков отвечал однозначно: «Ребята, я никогда ни в какой партии не состоял и состоять не буду. Я пою то, что чувствую. И если завтра ваша партия будет не права, я стану «долбить» ее точно так же...»

Сегодня он, казалось бы, вполне благополучен. Записи на фирме «Мелодия», многочисленные кино- и телесъемки (в них, кстати, неизменно участвует и брат Игоря Владимир, ныне директор ансамбля); свой коллектив—талантливые ребята-единомышленники: Геннадий Берков, Юрий Кузьменков, Альбина Боголюбова.

Сейчас Тальков уже сам вводит в свои программы начинающих музыкантов, справедливо замечая, что, если бы кто-нибудь в свое время согласился бы представить его, то, очевидно, профессиональное становление стоило бы ему гораздо меньше крови и нервов.

Растет сын Игорь, у которого, хочется верить, не будет в жизни отцовских разочарований — во всяком случае не должно быть.

И что на этом фоне зависть кого-то из маститых коллег, беззастенчивые (хотя и безуспешные) предложения некоторых «журналистов», обещающих паблисити за солидное вознаграждение, загадочные происшествия с рекламой, которая то и дело не появляется вплоть до самого концерта?

Да, жизнь остается жизнью, с ее суетой, вечным цейтнотом, бесконечными «текущими» проблемами. Но он верит в судьбу. И убежден, что все люди делятся на обладателей светлого начала и темного, на тех, кто излучает добро, и тех, от кого исходит зло. И хотя, как правило, зло сильнее, добро всегда будет ему противостоять. Совесть — проявление высшего разума в человеке, его духовного начала. И он упорно будит ее в каждом из нас.

Марина ДОЛГАНОВА.

Фото А. Чепакина.

Пламенная

В метрической книге кишиневской кладбищенской церкви Всех святых за 1890 год под рубрикой «имя родившегося» значится: «Серафима» (по святцам — Пламенная). И о родителях: «штабс-капитан Герман Михайлович Бирман первобрачный и жена его Елена Иванова второбрачная, оба православного вероисповедания».

«Первый раз в жизни в театр я пошла лет одиннадцати. Шла пьеса «Измаил». Когда увидела человека в пудреном парике и он произнес «Зофа» (вместо «Соня» или даже «Софи»), меня прохватила дрожь, такая, что стучали зубы.

И сейчас нет-нет да и проносится во мне эта леденящая и обжигающая дрожь театра. Если замрет эта внутренняя дрожь — значит душа пуста».

С. Бирман, «Путь актрисы».

Она могла играть королев и чудовищ, трагических героинь и сумасшедших старух в эксцентриадах. Она была фантастична и ослепительна. Лучшие статьи о ней передают дыхание ошеломления автора и муку слова, замкнутого в своей обращенной нормальности и обожженного вспышкой невыносимого, горячечного, гаудеамского театра. Ее игру нужно изучать по эффектам Гойи.

Кршиж, Афиногенов, Первомайский, Симонов, Горбатов, братья Тур, Диплатов, Зарудный... Жанчка предисловия и собственные воспоминания: «Преданность общим целям социалистической родины предохраняет нас от искривлений индивидуализма...». Нет, это невозможно.

Гофман и Клодель, Лорка и Ионеско, «Визит старой дамы» Дюрренматта и «Царь Эдип» Софокла — вот ее НАСТОЯЩИЙ репертуар. Из «настоящего» Серафима Бирман сыграла немного. Ефросинья Старицкая в эйзенштейновском «Иване Грозном» — роль любимая — оказалась едва ли не единственным запечатленным свидетельством ее величественного артистизма.

В перечисленных ролях тем же мало, как и в эпитетах. Могущество Бирман не востребовано ни временем тупого и сумонного злодейства, превратившего миллионы смертей в бляволяу канцелярщину, ни позднейшими временами, когда парное мясо Истории перемешивалось и сплющивалось дробилками, отрыжками ртами. Но поскольку в любом времени есть люди, склонные стряхнуть с себя оцепенение общего хора, люди, не насквозь пронизанные знаком казенного качества, — Бирман играла для них: что бы она ни играла. Великая актриса, сделавшая противостояние серости не фразой и не темой, но смыслом творчества.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

И милость к падшим...

Есть ли у нас «кинопроцесс» или только «кинорепертуар»

ИСКУССТВО, включая экранное, нынче пуще глаза бережет свою автономию от газетных заголовков. Авторы, высказываясь о сложных путях замыслов, старательно обходят кнокси «Союзпечати». Никто не хочет быть только художником перестройки. Вроде бы почетное звание, но нет.

«Скорее — это реквием... не голая публицистика». В. Абдрашитов в разговоре о своем фильме «Слуга» не одинок. Едва ли не каждый готов присягнуть на верность общечеловеческим темам, нередко забывая (или делая вид), что в самом термине «общечеловеческое» уже присутствует газетное клише. Сравнительно недавно вечные мотивы были реабилитированы в речах и документах, где они взяли верх, пока декларативно, над классовыми. Нас же интересует поиск объединяющей идеи, которая сумела бы придать хаотичному репертуару видимость некоей композиции.

Понятие «репертуар» привычно, до скуки, каким бывает и он сам. То, что можно назвать «кинопроцессом», еще не приобрело права гражданства.

Слишком хорошо известно, что административно-командная система сплошь и рядом нарушала естественный, автономный ход кинематографа. Мастера его находились под бдительным оком цензуры, вплоть до карательных органов. Теперь даже предлагают изучать развитие экранного искусства по таким разделам: «кино Сталина», «кино Хрущева», «кино Брежнева»... И все же перестроечное кино не сегодня явилось на свет, у него есть своя родословная. Мы заново переживаем и переписываем прошлое, а в нем бездна человеческого горя. Какова точка зрения, какой ракурс камеры, неведомой на реальность?

...Сценарий А. Миндадзе возник из газетной статьи о крупном чиновнике, который сел на скамью подсудимых вместе с шофером-поручением. В Западном Берлине фильму был присужден приз Международного центра кинематографистов «За диалектическое раскрытие проблемы преступления и наказания». Публицистический замысел в своем движении достиг религиозного порога. Таково знамение времени.

Олег Борисов в роли Гудионова. Публицистика давно уже занялась «героями безгеройного времени». Игровое кино уступает здесь ведущую роль документальному, где лихо, без опаски монтируются кадры хроники, некогда запечатлевшие персонажи из высших эшелонов власти. Авторская концепция «Слуги» не предусматривает однозначного решения. В памяти остаются кадры с Гудионовым, не похожие на листы в судебном деле. Во многом искусством актера они сведены в характер, пусть не до конца самоуправляемый, с остатками газетной статьи, но вылетевший из «то-и Смердяковы», как оповестил об этом постановщик. В границах образа существует то, что зовется преступлением, и то, что видится наказанием. Не одна смердяковская тень, но и тень милосердия витает над ним.

Мы несколько искусственно подтягиваем бывшего ответственного деятеля к пушкинской мысли, так как хотелось бы отыскать его место в современном художественном контексте, где на самом деле существует симбиоз публицистики и классики, злобы дня и отступлений в историю, в мифологию.

Вот характерное описание, взятое из сценария другого фильма: «Там, за рекой, у серого Дома правительства, была пристань, а правее, сквозь деревья краснел двухэтажный старый дом боярина Малюты Скуратова». Жертвенный «дом на набережной», опоясанный мемориальными досками, впрямую, в одной фразе монтируется с недоброй памятью государевым из времен Ивана Грозного. Сценарий «Отцы-66» Е. Гришкова, откуда взят отрывок, написан свыше двух десятилетий назад. Зато снятый по сценарию фильм М. Пташука «Наш бронепоезд» точно попал на отведенную ему в репертуаре клетку, хотя и вызвал оживленную дискуссию. Неожиданность была связана с центральным героем. Это «расстрельщик», некогда открывший огонь по заключенным, замученный больной совестью и окружающим. Вместе с ним врывается в фильм тема милосердия.

Искусство заново осознает свою роль в политизированном обществе. Чаще всего — методом приспособления. Мифологический контекст, если вспомнить «Слугу», на расхожем уровне приводит к появлению таких картин, как «СВ. Спальный вагон». Здесь тоже есть претензия не дьявольщину. Сюжетом и людьми управляют лягушки, черная и белая. Обладая магической силой, они копошатся в банке, а рядом в купе копошатся люди. Просто и монтажно наглядно. По вагону время от времени бегает стайка голых женщин, естественно, мы ожидаем человека в сапогах и с трубкой, и наши надежды сбываются...

При всей своей этикеточной новизне картина прочно связана с давней нашей традицией, когда редакторы в первую очередь следили за фонограммой: что сказано, то и отражено. Из фонограмм «СВ. Спального вагона» можно узнать, что вот этот герой — кооператор, другая сидела в тюрьме, третья — комсомольский работник, которая делала карьеру, согласно реплике, «с раздвинутыми ногами». Публицистический газетный текст накладывается на купейный сюжет и сдабривается сексом. Как зритель считаю, что ни Е. Стеблова, ни С. Крючкову не нужно было раздевать. Даже Л. Гурзеева, которая прыгает в одном из кадров на партнера, вызывает ощущения, далекие от здоровой эротики.

Холодные кадры, низведенные на уровень хлева, отсняты в духе олеографического «сюра», как и во многих других картинах, не отзовутся душевной болью. Если хотите, именно болевой синдром формируется сегодня в необходимый эстетический принцип. Отсюда прямой шаг к «Астеническому синдрому» Киры Муратовой.

Вот кому не откажешь в истинности гражданской позиции. А картина, с моей точки зрения, неудачна, причем связано это больше с нынешним кино, чем с отдельной творческой судьбой. В картине сделана попытка исследовать распадающееся общество, которое представлено во всех своих институтах — от семьи и школы до кладбища (правда, в другом порядке, с кладбища все начинается). В этот перечень попадает документально снятая одесская живодерня, а за кадром звучит музыка Шумана...

Значит, и я не понял авангардную роль «Астенического синдрома». Может быть, потому, что мне очень нравился фильм «Долгие проводы», где режиссер, если воспользоваться одним хорошим определением, рассказала о своей героине — «иронизируя и сострадая». Здесь был слышен не только отзвук пушкинской «милости». Предусматривался соучастник, то есть зритель. Состраданием хочется поделиться. Сегодня К. Муратова, выступая по телевидению в программе «Киносерпантин», высказалась в том смысле, что ей все равно, будут ли смотреть ее картину или нет, она хочет сказать то, что хочет, а там — пусть ленту спрячут в подвал. В Госфильмофонде что называют бункером или боксом. Там покоятся тысячи лент. Будет еще одна. Раньше ее картины клали на полку. Теперь же? И уходит из памяти, выветривается действительно болевая фраза Шукшина: «Завяжись узлом, но не кричи в пустом зале».

Эротические и иные допинги выглядят на первый взгляд вполне обоснованными, если принять во внимание, что зритель в целом ряде случаев посажен на голодный паек: ему дано теперь много знать, но не дано сопереживать. В этой ситуации обращение к «Леди Макбет Мценского уезда» никого не удивило. Там более что работа Р. Балаяна над русской прозой, его попытка смоделировать пушкинскую ситуацию в картине «Храни меня, мой талисман», снятой в Болдине, наконец, поставленный им фильм «Полеты во сне и наяву», где в атмосфере разлито авторское сочувствие к герою,—все это по-своему подводило к экранизации лесковской повести. Картина появилась и, несмотря на язык формы, как мне кажется, заняла место в ряду «спальных» фильмов.

Легко зубоскалить, отмечая несомненный факт, что приказчику Сергею в лице А. Абдулова уготована роль «задиратель юбок». Пусть его... Хуже другое: только случаев не было, особенно во время гастролей на периферии. Гласность гласностью, но... Он стал повсюду возить с собой книгу с выступлениями М. С. Горбачева — лучший аргумент для невежественных чиновников. Пожалуйста, посмотрите. Как, разве вы не знаете, что об этом уже давно можно говорить вслух?

Коль скоро мы не выходим из круга русской классики, приспособленной к нашим нуждам, приведем одно суждение: «При отсутствии внутреннего художественного интереса публика привлекается или: 1) внешним интересом — чудесным, с декорационными фокусами, или 2) чувственным раздражением, или 3) тенденциозностью... Все раздражающее, все наркотическое перестает действовать, если не усиливать постепенно приемов, а в раздражении чувственности далеко идти нельзя: прогрессу в этом роде искусства положены пределы в Своде законов Российской империи, в статьях «О непотребстве».

А. Н. Островскому было, на что ссылаться, он напомнил о законах, юридически ограждавших публику от подобных зрелищ. Драматургом названы три главные, с его точки зрения, опасности, грозящие настоящему искусству: эффекты техники, чувственность, тенденциозность.

Сколько комбинаций такого рода гуляет теперь по сценам и экранам!

Но вернемся к классике, на этот раз представленной именем М. Е. Салтыкова-Щедрина. В разгар застоя А. Твардовский пишет в дневнике: «...история литературы знает примеры «использования готовых образцов», как это мы встречаем, например, у Салтыкова-Щедрина, переносившего грибоедовского Молчалина или гоголевского Ноздрева из первой во вторую половину XIX века... это оправдывалось особыми возможностями сатирико-публицистического жанра... лишь использующего их характеристические, привычные для читателя черты в применении к иному материалу и в иных целях». Режиссер С. Овчаров словно вычитал у А. Твардовского программу своего фильма. «История одного города» оказалась спроектированной в фильме «Она» на историю социалистического общества. Если верить режиссеру, то он намерен был, переодевая героев в сталинский френч и номенклатурные габардиновые плащи, «показать их не столько палачами, сколько жертвами самих себя». Привести к общему знаменателю щедринскую сатиру и пушкинскую «милость»!!. Неисповедимы пути художественной мысли...

Овчаров нанизывает в картине самые разные эстетические пласты, проявляя свойственный ему вкус к стилизации. В центральном, наиболее разработанном эпизоде щедринский персонаж постепенно начинает приобретать знакомый усатый облик, исполнитель роли Р. Быков правит бал в коммунальной квартире, чьи границы, по замыслу, должны раздвинуться в образ страны, людей уводят, стучат выстрелы, множатся приметы страшненького быта, история движется дальше, и вот уже стилистика «Новостей дня» задействована в сценах, где на полях повсеместно произрастает горчица (псевдоним кукурузы), а бородавки на лице Л. Куравлева не оставляют сомнений в том, кого он изображает. Ближе к нашим дням Органчику привинчена, а затем отвинчена голова О. Табакова. Зритель продолжает играть в угадайку. Игровая, маскарадная стихия призвана объединить несхожие кадры, картина начинает восприниматься, как сфотографированный на пленку политтеатр с «зонгами» в виде выступлений рок-группы. Звучащее за кадром слово Щедрина все дальше расходится с изображением.

При таком восприятии картины (естественно, возможны варианты) не улавливается объявленная тема несчет «палачей» и «жертв», готовых совместиться. В чем тут дело? В том ли, что даже щедринская фантазия не смогла предвидеть, куда канется в будущем «город Глупов» и какие испытания предстоят его обитателям? Или в том, что выбранная форма балаганного зрелища, хотя и освященная традициями, не смогла вместить трагический по сути материал?

Вот что заносил в свой дневник Г. Козинцев: «...надеюсь, не придет на смену культовому стилю дух сенсационности лихих сцен, сцен с юмором и мелодрамой, изображающих годы величайшего народного горя», и завершает он свое предвидение кратким определением нового жанра: «капустник на крови»...

В русле киноискусства связь времен проявляет себя неоднозначно. Классики соседствуют на экранах с интердевочками, мифология раскрывается газетным листом, маскарадные фигуры вмонтированы в хронику. Так или иначе современность пытается рассчитаться с прошлым. Хотелось, чтобы кино в данном случае не походило на финансового работника, взыскующего трагические долги.

Марк ЗАК,
доктор искусствоведения.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ:

Регион общей тревоги

Готовность Советского Союза вместе с США противодействовать вторжению Ирака в Кувейт стала еще одним подтверждением того, что оказавшееся в трудном положении советское руководство считает дружбу с Западом гораздо более важной, чем традиционные связи со своими прежними союзниками, отмечают специалисты по советским делам в Ближнему Востоку.

Советский Союз начал проводить менее конфронтационную политику на Ближнем Востоке более трех лет назад, когда под угрозой оказалось международное судоходство в Персидском заливе, и с тех пор неизменно держал курс на сотрудничество, утверждают специалисты.

Но когда в Москве советский министр иностранных дел Шеварднадзе, стоя рядом с государственным секретарем Бейкером, призвал к международным санкциям против «откровенно агрессивного поведения» Ирака, это стало сенсационным событием, которое вывело сотрудничество с Советским Союзом на новый беспрецедентный уровень.

«Это новая эпоха,— считает Маршалл Голдман, директор Центра русских исследований Гарвардского университета.— Это ответ тем, кто спрашивает, какие дивиденды дают гласность и перестройка».

Этот неожиданный пример новых советских подходов был дан в прошлый четверг вечером, когда советское телевидение назвало действия Ирака бандитским вторжением, сказал Голдман.

Готовность Советского Союза приостановить поставки оружия Ираку и вместе с США призвать остальные страны присоединиться к эмбарго резко отличается от его поведения в 60-е и в начале 80-х годов. В то время Советский Союз стремился представить себя главным противником Америки на Ближнем Востоке, поддерживая режимы и движения, выступавшие против интересов США.

Но, как считают специалисты, в последние годы советские руководители пришли к выводу о том, что усиливающиеся экономические и межнациональные проблемы не позволяют им больше выполнять эту роль. Улучшение отношений с Западом и последовавшая за этим экономическая помощь и международное признание стали главной заботой Советского Союза даже в ущерб связям с такими традиционными союзниками, как Ирак.

В результате такой корректировки Советский Союз пошел на негласное сотрудничество с США по защите судоходства в Персидском заливе в последние два года ирано-иракской войны, сократил поставки оружия Сирии и начал добиваться от палестинского лидера Арафата более примирительной позиции по отношению к Израилю.

Осуждение Ирака стало логическим продолжением этой политики, но, по мнению специалистов, это для Советского Союза — новый крупный шаг вперед.

Кен ФАЙЕРМЭН.

НЬЮ-ЙОРК.

(Перепечатано с незначительными сокращениями из газеты «Ньюсдей» в переводе ТАСС).

ИГРЫ ДОБРОЙ ВОЛИ-90

Вклад в будущее

В ДНИ Игр доброй воли Сиэтл не только подтвердил представление о том, что это наиболее жизнеспособный город Соединенных Штатов, но и опроверг распространенное здесь мнение о том, что это самый дождливый из городов страны: за все дни (их было 17) никто из участников, прибывших из 54 стран, и гостей праздника не увидел ни одной капли дождя. Да, нынешнее лето подарило Сиэтлу тепло, солнце, прекрасный спортивный праздник и великолепный фестиваль искусств.

Более 25 местных организаций культуры, объединившихся для совместного спонсорства, сумели привезти в Сиэтл спектакли и выставки, концерты и фильмы—около 1.300 участников из более чем 20 стран.

— Фестиваль искусств доброй воли был как бы прошит нитью перемен и такой гласности. Как, впрочем, и самой идеей доброй воли, составлявшей его суть,— говорит главный продюсер фестиваля Норман Ланджил.

— Хотя артисты из других стран и внесли свою лепту в этот праздник, но главный вклад сделан Советским Союзом. Фестиваль в целом—своего рода путешествие через всю русскую историю от Петра Великого до Президента Михаила Горбачева,—пишет «Нью-Йорк таймс».

Одной из признанных вершин фестиваля единогласно называют здесь постановку оперы «Война и мир» С. Прокофьева, осуществленную совместными усилиями американских и советских музыкантов и певцов.

Оперный театр Сиэтла, утверждают старожилы, не знал подобного спектакля (в том числе и по затратам — более 2 миллионов долларов), но прежде всего, конечно же, по грандиозности самого зрелища.

— Мы хотели создать эпическое полотно, которое объединило бы русских и американских артистов и было бы обращено к сегодняшней аудитории,— говорит режиссер Франческа Замбелло.

Критика отмечает динамичность постановки, эффективность и драматизм в использовании танцевальных форм, молниеносную смену картин. Всем этим в большой степени спектакль обязан дирижеру Большого театра Марку Эрмлеру, который блестяще владеет партитурой и умеет соединить разрозненные сцены в одно театральное действо,— это мнение местной газеты «Сиэтл таймс».

А вот что рассказывает сам дирижер:

— Вся подготовка длилась менее шести недель. До последнего момента я и концертмейстер Большого театра Лия Могилевская с трудом представляли себе, что получится из нашего спектакля. Никто не может заранее предугадать и точно предсказать результат. Более того, во время репетиций нам показалось, что постановка излишне современна: многие реалии не совсем соответствуют привычным представлениям о романе и самой опере. И вдруг — неожиданный успех. И у публики, и у прессы, что бывает нечасто. Спектакль получился зрелищным, интересным. В чем причина удачи? Во-первых, американцы влюблены в музыку Прокофьева, они в восторге от нее. Во-вторых, симфонический оркестр Сиэтла, который по контракту работает в местной опере, оказался высокопрофессиональным: за минимальное количество репетиций они достигли большой слаженности, прекрасного звучания, точного проникновения в замысел композитора...

Нельзя не сказать и об исполнителях главных партий: Наташа Ростова (Шери Гринвальд) одновременно хрупкая, страстная и романтичная, способна передать голосом и игрой внутренний свет, зажженный автором в душе его героини. Питер Казарас в роли Пьера Безухова полон достоинства и душевного тепла.

У изящного князя Андрея в исполнении солиста Ленинградского Кировского театра Владимира Чернова, по мнению американской критики, «есть все, что необходимо певцу для успешной интерпретации этой роли». Еще трое отмеченных американцами советских певцов — тоже ленинградцы: Николай Охотников (Кутузов), Александр Морозов (Долохов) и Мирослав Романчук (Балага).

Много различного рода значимых событий произошло в Сиэтле и других городах штата Вашингтон за эти памятные дни. Широкая культурная, политическая и деловая программа включала в себя и встречи американских конгрессменов, сенаторов с народными депутатами СССР, и семинары по вопросам конверсии и разоружения, и международную торговую выставку, где налаживались деловые контакты с бизнесменами северо-запада Соединенных Штатов. Праздник выплеснулся на улицы, площади и парки Сиэтла, захватил голубую гладь озера. Мы стали также свидетелями факельного шествия и красочного парада по улицам города. Кажется, все население, от мала до велика, вышло из своих домов и квартир: люди часами ожидали начала шествия, расстелив коврики вдоль улиц и усевшись на них, читали, вязали, или кукурузу — знаменитый американский «попкорн». День закрытия Игр совпал с кульминацией традиционной для штата Вашингтон «Сифеар» — «Морской ярмарки».

Многие семьи северо-запада страны родились с этим праздником (в этом году он проводился в сорок первый раз). Парусные гонки, регата катеров на воздушных крыльях на озере Вашингтон, захватывающие дух полеты над озером на высокой скорости и впечатляющее воздушное шоу «Голубых ангелов» — самолетов ВМС США. Ничего не скажешь, американцы умеют развлекаться и отдыхать.

Много говорят сейчас в Сиэтле о финансовых потерях, понесенных устроителями Игр доброй воли. Особенно. Тибби-эс и Тэдом Тернером. Называют десятки миллионов долларов, выражают сомнение в том, что Игры будут проводиться в дальнейшем. Что же думают об этом те, кто их организовывал, чьи старания, труд и энергия вдохнули в них жизнь, превратили Игры в реальность?

Пол Бекхам — президент Игр доброй воли:

— Целью Игр было дать людям возможность говорить друг с другом. Ибо когда они говорят, они не воюют...

Мы рады, что еще в период «холодной войны», когда из Москвы и Вашингтона дули холодные ветры, нашелся такой человек, как Тэд Тернер, который понял всю важность человеческого общения, который запретил пользоваться словом «иностранцы» на экранах принадлежащего ему кабельного телевидения Си-эн-эн и заменил его словом «соседи», человек, который понял настоятельную необходимость разрушить образ врага.

Вот что говорит об Играх он сам:

— На этих играх мы потеряли немалые деньги, но это хороший вклад в будущее. Так считаем мы, так считают наши спонсоры. Мы наблюдаем огромные перемены, происшедшие в отношениях между нашими странами за последние 5—6 лет, и считаем, что и мы причастны к этим переменам, и мы внесли в это свою посильную лепту. И хотя угроза миру на земле еще не исчезла, сам мир стал намного безопаснее, чем это было несколько лет назад...

Дух доброй воли — он ощущался везде и во всем: в улыбках людей, на улицах и в парках, в их желании помочь и поддержать друг друга. Он витал над нами все дни пребывания в прекрасном солнечном городе.

Закрытие Игр в Уэстлейк-парке превратилось в выражение благодарности тысячам и тысячам добровольцев, отдавших свое время, свою энергию успешному проведению Игр, благодарности их семьям и всем жителям штата Вашингтон.

Объединенный через спутник тысячеголосый хор советских и американских детей, исполнивший песню надежды и доброй воли «Одна маленькая свеча», был символом того, что огонь, зажженный Играми доброй воли в сердцах людей, не погаснет. Игры будут продолжаться. Мы в это верим, мы в этом убеждены.

Павел МИХАЛЕВ,
Елизавета ШТАЙГЕР.
(Спецкор. «Советской культуры»).

СИЭТЛ — МОСКВА.

● *Советские бейсболисты дают автографы американским болельщикам.*

● *На одной из улиц Сиэтла.*

Телефото А. Чумичева и И. Утюжа (ТАСС).

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ЦИРК — ЭТО СМЕХ И СЛЕЗЫ

Мытарствам «звезд» советского цирка на гастролях в США, с мая месяца оставшихся без работы и средств к существованию, по всей видимости, приходит конец. Артисты и обслуживающий персонал цирка «Бим-Бом» приступят к работе в этом месяце.

Труппа собрана из «звезд» 60 советских цирков. В течение двух лет артисты должны были петь в различных городах Соединенных Штатов в общей сложности 550 представлений. После удачного дебюта в Харшин (штат Пенсильвания) и Нексвилле (штат Теннесси) для «Бим-Бома» наступила полоса неудач. Из-за внутренних раздоров в компании — организаторе турне прекратилась всякая финансовая поддержка труппы. Более ста артистов, из которых 13 детей, остались без денег и работы. Перед приездом в США циркачи подписали контракт с антрепренерской компанией «Интернэшнл шоу бизнес».

Начались мытарства. Иногда компании удавалось пристроить труппу в долг в дешевом мотеле. Но неплатежеспособных артистов вскоре выставляли на улицу. Профессионалам высокого класса приходилось существовать на пожертвования местных жителей и благотворительных организаций. Московский цирк предложил коллегам оплатить их возвращение в СССР. Однако организаторы убедили труппу подождать, пока не будут найдены новые источники финансирования, и продолжить гастроли. Когда же в очередной раз артистов выдворили из мотеля в пригороде Атланты и предъявили им счет в размере 9.700 долларов, терпению пришел конец. Директор цирка объявил о разрыве контракта с компанией «Интернэшнл шоу бизнес».

После трехмесячных злоключений нашлась наконец антрепренерская компания «Гаррет-Джонсон эдвертейзинг», согласившаяся стать спонсором цирка «Бим-Бом». Советские артисты теперь возобновят представления в «Стоун маунтинг парк» в Атланте (штат Джорджия). Президент новой фирмы М. Синд надеется, что она сможет обеспечить достаточный кассовый сбор для выступлений «Бим-Бома» в США в течение двух лет.

(ТАСС).

НЬЮ-ЙОРК.

ОРБИТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Соседям договориться легче

— так считают бизнесмены в Сеуле. А что ответим мы?

В четырех километрах от Сеула, в уютном ущелье раскинулся уникальный «Куа Чон сити» — «министерский городок» — комплекс из современных корпусов средней этажности с разбитым вокруг парком. Здесь «поселились» все министерства, связанные с проблемами экономического развития страны. Почему в одном месте? Предназначение этого городка, построенного в 1982 году,— облегчить, сделать максимально эффективным принятие решений по экономическому развитию.

Как тут не вспомнить с досадой: в 20-х годах всемирно известный Ле Корбюзье предложил подобный проект и Москве, считая, что историческую часть нашей столицы не следует разрушать в угоду масштабным планам индустриализации. Его не послушали. Результат же налицо...

В «Куа Чон сити» меня привела запланированная встреча с господином Ли Сун У — генеральным директором управления международной торговли южнокорейского министерства торговли и промышленности.

— Название вашего министерства подталкивает к выводу, что в Корее, как и в Японии, приоритеты промышленного развития отданы экспортным отраслям. Как же определяются ориентиры на внешнем рынке?

— В 1962 году мы начали с экспорта традиционной для нашей страны продукции — текстиля и обуви. Нам необходимо было развивать эти отрасли, поскольку они, будучи трудоемкими, обеспечивают рабочие места. В тот период был создан фонд развития именно этих направлений, с тем, чтобы они могли поддерживать выгодные им цены. В результате в эту сферу стали активно поступать частные капиталовложения — предприниматели стремились получить субсидии и поддержку правительства. Расширение производства обеспечило высокую степень конкуренции, а это, в свою очередь, привело к повышению качества выпускаемой продукции. Поддержка правительства заключалась прежде всего в более низком проценте налогообложения. Создалась ситуация, при которой производство, ориентированное на внешний рынок, обеспечивало более высокую прибыль. В 70—80-е годы наметился рост заработной платы, доходов на душу населения — потребовалось менять приоритеты. Результатом являлся переход от трудоемкого производства к трудосберегающему.

Мы осуществили его на базе достигнутого в предыдущий период, добившись притока капиталовложений в экспортные отрасли, активного присутствия на внешних рынках, сосредоточения в производственной сфере капиталовложений в таких масштабах, что это позволяет нам крепко стоять на собственных ногах, самостоятельно развивать современную технологию. Сейчас Республика Корея входит в группу стран, занимающих лидирующие позиции по объему внешней торговли, так что правительству уже нет необходимости субсидировать экспортные отрасли производства.

В настоящее время правительственная политика в сфере экономики переориентирована на стимулирование новых технологий. Соответствующие корпорации и компании получают поддержку в форме субсидий и других льгот.

— Что сегодня составляет основу вашего экспорта?

— С середины 80-х годов мы стали продавать автомобили, а также бытовую электронику: телевизоры, магнитофоны, компьютеры, микроволновые печи, видеоаппаратуру, кассеты, холодильники, транзисторы. На внешний рынок изначально ориентировано и наше судостроение. Наши товары идут в США, Канаду, Англию, многие другие страны.

— Уже несколько лет существуют де-факто контакты между СССР и Республикой Корея. Что лежит в основе политики вашего министерства в отношении Советского Союза?

— СССР — развитое индустриальное государство, не случайно первый спутник был запущен именно в вашей стране. Широко признается высокий уровень советских фундаментальных исследований. В то же время у вас существуют значительные трудности с обеспечением населения товарами повседневного спроса, в том числе электробытовой техникой. Когда советский руководитель Михаил Горбачев взял курс на перестройку, мы поняли, что наши товары могут найти путь к советским потребителям, быть им полезными. Мы нуждаемся в установлении прочных связей — торговых, информационных... Безусловно, необходимы и контакты политиков наших стран.

От обмена товарами и знаниями обе наши страны окажутся в выигрыше.

В 1968 году торговый обмен между нашими странами составлял 300 миллионов долларов, в прошлом — уже 600 миллионов, а в текущем предполагается довести его до 1 миллиарда 200 миллионов. То есть ежегодно наблюдается 100-процентный рост торгового обмена. В то же время в общем объеме внешнеторгового обмена Республики Корея и СССР наши деловые контакты составляют ничтожную долю. А ведь у нас огромные возможности сотрудничества.

— Согласен. Что же в таком случае препятствует развитию экономического сотрудничества в широких масштабах?

— Во-первых, мы все-таки надеемся на установление дипломатических отношений между нашими странами в ближайшем будущем—это, помимо всего прочего, позволит правительству гарантировать преференции частному сектору, побуждая его к активному сотрудничеству с СССР. Если нет гарантий ни для инвестиций, ни для поездок деловых людей в вашу страну, если невозможно избежать двойного налогообложения, то стремительного притока капиталов для развития экономических связей ждать бесполезно. Другим важным шагом могло бы стать предоставление Республике Корея права вести рыбный промысел вокруг Камчатки — такой возможностью располагают, например, Япония и Вьетнам. Наша страна вела промысел в этих районах до установления 200-мильной экономической зоны, так, что мы ощущаем своего рода дискриминацию — это тем более обидно, что наши отношения с СССР в целом движутся в позитивном направлении.

Необходимо указать и на ряд других моментов. Тормозящим фактором является и слабое развитие инфраструктур в вашей стране, что означает неизбежно более высокие издержки производства. Трудности естественным образом возникают и вследствие слабой ориентации советских людей в законах рынка. Впрочем, все эти минусы могут компенсироваться за счет получения доступа к богатым природным ресурсам. Мы понимаем, конечно: здесь существует проблема разрушения окружающей среды, экологической опасности. Но ведь имеются разные пути ее решения, мы ведь тоже хотим, чтобы наша Земля была здоровой и цветущей, и, кстати, многое делаем в этом направлении. К тому же наши капиталовложения будут направляться не на то, чтобы в Корею хлынул поток ваших природных ресурсов — мы намерены инвестировать производство в самом Советском Союзе. Для того чтобы это стало возможным, необходимо, как я уже сказал, подписать соглашение, гарантирующее капиталовложения в вашей стране; соглашение, предотвращающее двойное налогообложение; соглашение по рыболовству.

Уже сейчас мы серьезным образом изучаем возможность предоставления экономической поддержки тем корейским экспортерам, которые стремятся выйти на советский рынок. В частности, мы готовы гарантировать возмещение издержек, связанных с возможной задержкой платежей сроком до 5—6 месяцев.

СССР переживает трудности с валютой, однако мы готовы содействовать решению этого вопроса путем импорта вашей новой технологии, в которой мы серьезно заинтересованы,— в сфере космических исследований, фармакологии, нефтехимической и других базисных отраслей. В общем, я считаю, что наши отношения в будущем вполне могут служить образцом эффективного взаимовыгодного сотрудничества.

Владислав ДУНАЕВ.
(Соб. корр. ИАН— специально для «Советской культуры»).

СЕУЛ.

С печатью

Судьба палестинской прессы

Жизнь в Восточном Иерусалиме (арабская часть города, оккупированная в 1967 г.) замирает рано. В полдень закрываются все магазины — с началом интифады это стало уже привычной формой протеста палестинского населения против оккупации. Постепенно улицы города пустеют, а с наступлением темноты вымирают полностью. Ходить по ним становится не то чтобы страшно, но как-то неуютно: редкий прохожий или автомашина попадется вам навстречу. Освещены лишь холлы гостиниц да окна редакций газет, работа в которых начинается после шести часов вечера...

В ИЗРАИЛЕ выходят на арабском языке пять ежедневных газет, одна еженедельная и два журнала. И все они (кроме органа Израильской компартии газеты «Аль-Иттихад») издаются в Восточном Иерусалиме. Что далеко не случайно. Дело в том, что в 1980 году Иерусалим в одностороннем порядке был объявлен «единой и неделимой столицей Израиля», и юридически это ставит палестинскую и израильскую прессу в равное положение. Однако, если израильские средства массовой информации действительно пользуются достаточно широкой свободой слова и самовыражения, палестинской прессе не перепадают даже малые крохи со стола «израильской демократии».

— Формально,— говорит главный редактор газеты «Аш-Шааб» Ахмед Тубаси,— это происходит потому, что арабские газеты и журналы распространяются на оккупированных территориях, где жизнь подчинена бесчисленным приказам и распоряжениям израильского военного командования: они опутывают нас по рукам и ногам, сковывают каждый шаг, начиная от сбора информации и кончая ее распространением.

Но это только формально. Суть проблемы заключается в том, что израильские власти рассматривают палестинскую прессу как пропагандистские органы ООП, любые контакты с которой как с «террористической организацией» запрещены в Израиле в законодательном порядке.

По «соображениям безопасности» израильские власти могут закрыть газету — либо временно, либо окончательно, провести обыск в редакции, запретить распространение одного или нескольких номеров, арестовать журналиста, выслать его из страны. Так были закрыты газеты «Дарб», «Мисак», журналы «Аш-Шираа» и «Аль-Ауда». А бывший главный редактор «Аш-Шааб» Акрам Хания, в кабинете которого мы беседуем с А. Тубаси, депортирован в 1976 году.

Обстановка небольшой комнаты, где протекает наша беседа, как, впрочем, и всей редакции, размещающейся в квартире трехэтажного жилого здания, аскетически убога: два обшарпанных металлических стола, три стула да стеллаж для бумаг вдоль одной из стен. В отличие, скажем, от израильской газеты «Маарив», в редакции которой мы побывали и где практически весь процесс обработки материала компьютеризирован, техническое оснащение «Аш-Шааб» не ушло дальше пишущих машинок. Но не это волнует сотрудников.

— Если израильские журналисты, как и большинство наших коллег в мире,— грустно замечает А. Тубаси,— знают, что их материал попадет на полосу, то мы работаем не на читателя, а на цензора. В военную цензуру мы обязаны представлять информационные сообщения и заголовки, статьи и комментарии, стихи и прозу, фотографии и карикатуры, диаграммы и карты, переводы из израильской прессы и сообщения израильского радио, коммерческую рекламу и спортивную хронику, кроссворды и даже гороскопы. Словом, все, что, по мнению цензуры, имеет отношение к... «безопасности и сохранению общественного порядка». В итоге треть материалов, как правило, запрещается к публикации полностью, а еще 20—50 процентов частично. Сплошь и рядом не пропускаются статьи, взятые нами из израильской же прессы, даже сообщения израильского радио на арабском языке. «Они уже переданы в эфир,— объясняешь цензору,— почему же их нельзя поместить в нашей газете?». В ответ слышишь: «Не ваше дело».

Четких инструкций — что можно писать палестинскому журналисту, а чего нельзя — не существует: все на усмотрение цензора. Многое зависит от политической ориентации того или иного цензора, от его настроения, наконец.

— Я,— говорит А. Тубаси,— работаю в газете 10 лет, и постоянный контакт с цензурой выработал во мне особое чутье. Хотя хвалиться здесь нечем. Речь-то идет о еще худшем виде контроля — о самоцензуре. Если сложить эти две формы цензуры, то получится, что в конечном итоге на газетную полосу на 95 процентов ставится не то, что нам хотелось бы...

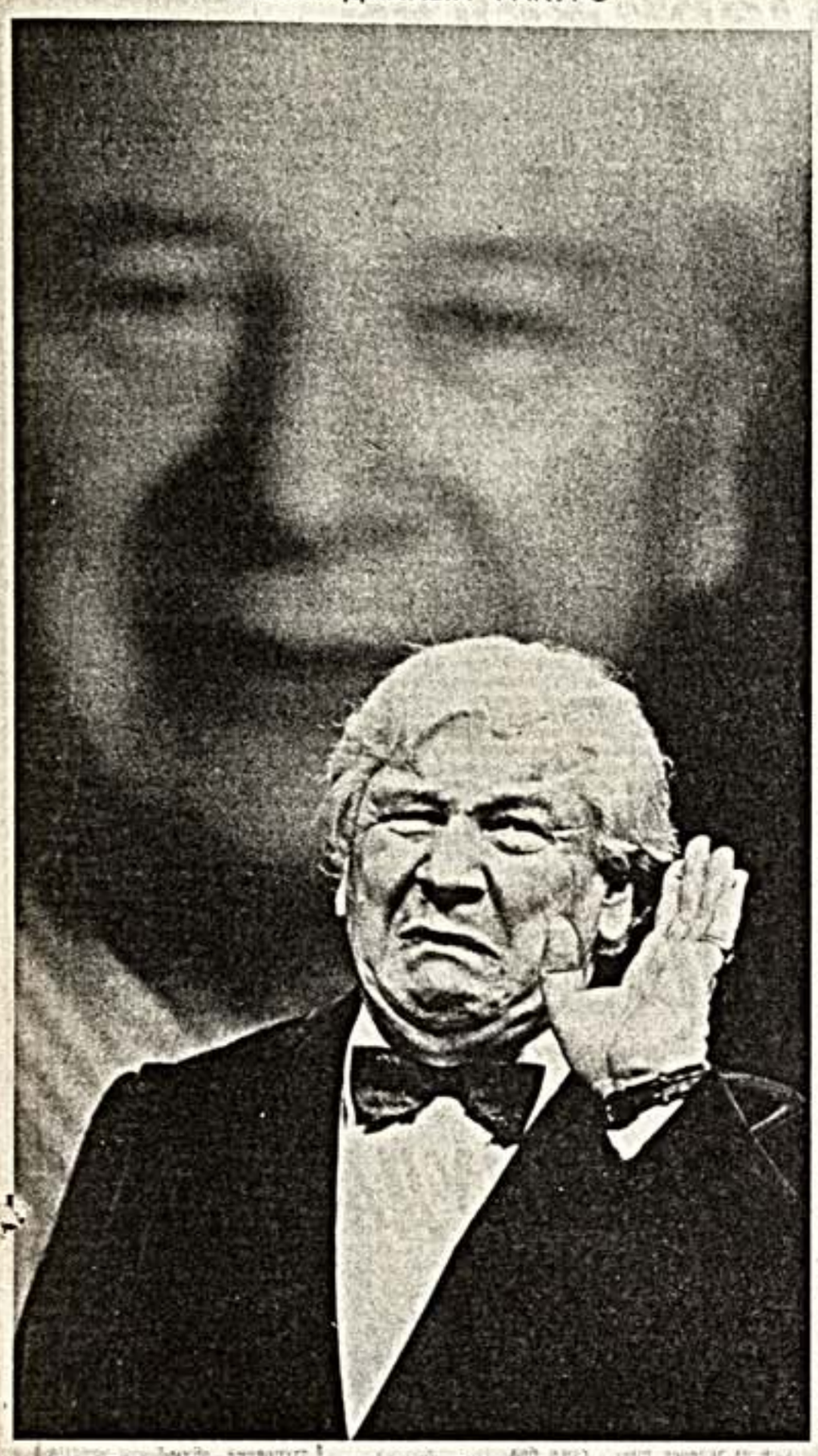
Жестокая необходимость — проскочить через игольное ушко израильской цензуры — выработала у палестинских журналистов умение писать намеками, иносказательно, что называется, «эзоповым языком». Иной раз, рассказывали нам, приходится переписывать статьи и комментарии по пять-шесть раз, играя словами и пряча в них смысл так глубоко, что докопаться до него читателю порой бывает трудно. Но «эзопов язык» — не единственная претензия, которую предъявляют читатели к палестинской прессе.

— Имея своих корреспондентов во всех горячих точках с готовыми подробными репортажами,— говорит редактор газеты «Аль-Фаджр» Басман Абу Рмейла,— мы все же вынуждены в итоге публиковать сообщение со ссылкой на израильское радио. Это убивает в журналисте всякое желание работать. С огромным трудом, а зачастую и с риском для жизни ты добываешь информацию, которая в итоге никогда не попадет на газетную полосу...

Из-за цензуры, жалуются редакторы палестинских газет и журналов, трудно бывает привлечь к сотрудничеству и внештатных авторов, особенно из числа видных общественных деятелей, представителей академических кругов. Они предпочитают писать для иностранной прессы, где их слова и мысли не будут искажены вмешательством цензора. Результатом всего этого являются снижение качества и уровня палестинской печати, неизбежная ее деградация.

Но даже оскопленная цензором палестинская газета не обязательно найдет своего читателя. Решением израильского военного командования ее распространение на оккупированных территориях, то есть за пределами Иерусалима, либо в каком-то отдельном городе может быть временно запрещено. Предлог все тот же — «соображения безопасности». Как правило, об этом решении извещается по радио.

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС



Имя Питера Устинова, несомненно, не нуждается в представлении... Известный в мире драматург и актер, дизайнер и режиссер, писатель и почетный посол ооновского детского фонда. Список можно продолжить до бесконечности, пишет фотоагентство Камера Пресс, предложившее этот снимок. Камера Пресс — ТАСС.

КОНТАКТЫ

КТО ПОЕДЕТ НА КАРНАВАЛ?

К нам пришло письмо из Вены. Президент венского «Общества карнавалов» Михаэл Джнурев писал: «В вашей газете 3 июня 1989 года была напечатана статья «Улыбки Габрово», в которой ваш корреспондент рассказал о венском карнавале. Благодаря этому несколько советских групп выразили желание приехать к нам. Мы хотели бы пригласить автора статьи быть нашим почетным гостем в этом году». Наш корреспондент с благодарностью приняла любезное приглашение президента и побывала в Вене.

В МАЕ прошлого года в городе болгарских острословов Габрово проходила IX Биннале юмора и сатиры. Именно здесь я и познакомилась с президентом венского «Общества карнавалов» Михаэлем Джнурев. Такая у него обязанность — разъезжать по всему свету и «собирать» опыт проведения карнавалов, юмористических фестивалей. На Западе карнавалы в моде. Каждая «гильдия» проводит свой праздник: бал булочников, бал торговцев, медиков, учителей.

— Наше общество не занимается политикой,— рассказал мне Джнурев.— Мы наводим чисто человеческие мосты между людьми разных стран. Мы представляем своеобразное братство, носящее имя Милого Августина — легендарного венского героя. Посвящение в братство — важнейший ритуал нашего «фашинга», праздника. Политические взгляды, национальность, вероисповедание посвящаемых не имеют никакого значения. Главное качество — умение сохранять юмор во всех жизненных обстоятельствах, а если возникнут трудности — преодолевать их с помощью смеха. Членами нашего ордена — «Милыми Августинами» — являются выдающиеся певцы, художники, дирижеры, такие, как Бернстайн, Марика Рокк, Мирей Матье, Иван Ребров, Жюльетт Греко, Питер Устинов, Лучиа Попп, семь премьер-министров из разных стран, крупные политические деятели — Леопольд Грац, Фред Зиновац, Гельмут Коль, Франц Враницкий, и многие другие. В карнавальную программу мы включаем фольклорные и эстрадные группы из разных стран. Несколько лет пытались пригласить кого-нибудь из СССР — да все безуспешно...

Джнурев был удивлен, почему русские не отвечали на его послания. Может быть, предположил он, причина в том, что условия, которые он предлагает гостям, очень скромны: всего лишь бесплатный ночлег, питание да небольшие карманные деньги. Не знал он, что не в этом дело, что не избалованы наши артисты большими заграничными гонорарами. Разве понять иностранцу сущность нашего бытия, парализованного щупальцами огромного, неповоротливого спрута — всемогущей бюрократической машины. Именно она решала, кому ехать, зачем и стоит ли вообще ехать за границу.

После статьи в «Советской культуре», в которой я рассказала о венском празднике, откликнулось несколько групп. А за такое вот неожиданное содействие в этом деле я и получила приглашение приехать в Вену.

Хороша Вена весной и летом, когда парки, скверы, бульвары одеты в нежно-зеленую обновку, небо как бы раздвигается и становится выше, и очищенная от патины веков столица так и светится приветливой улыбкой. Нынешним гвоздем летнего сезона стал мюзикл Уэббера «Призрак оперы». По-прежнему в театре «Ан дер Вин» уже который сезон идут «Кошки» того же композитора. В опере «Турандот» поет Гена Димитрова. На сцене театрального центра «Форум» играют чеховскую «Свадьбу».

Но кто такой Милый Августин, которого так почитает венское «Общество карнавалов»? Его имя носит старинный погребок на Флайшмаркте. В передней комнате перед посетителем открывается забранный решеткой люк с фигурой сидящего Августина, играющего на волынке. Он жил в XVI веке, пережил страшный чумной мор. Августин играл в кабачках и попивал вино, которым угощали растроганные его песенками посетители. Однажды напился так, что гробовщики, подбиравшие на улице трупы умерших от чумы, приняли его за мертвеца, увезли за город, свалили в ров вместе с другими несчастными. Очнувшись, он выбрался из груды мертвых тел и первым делом пошел в трактир опохмелиться в честь своего воскресения. А потом заиграл свою веселую незатейливую песенку «Ах мой милый Августин». Австрийцы любят наигрывать ее на губной гармонике. А когда заходит речь о вреде алкоголя, рассказывают притчу о неунывающем завсегдатае венских погребков. В память об этом весельчаке и балагуре венцы и основали Орден «Милого Августина»...

В этом году в торжествах приняли участие 600 поклонников «Милого Августина», в том числе 200 гостей из разных стран. Бал, как всегда, проходил в Венской ратуше. Залитый огнями зал заполняли дамы в ослепительных вечерних туалетах и кавалеры во фраках и смокингах. Появляется патрон Общества — бургомистр Вены Гельмут Цильк с супругой. Праздник открывается карнавальным шествием. Впереди идут музыканты в средневековых костюмах, за ними следуют «сенаторы» Ордена в пурпурных, отороченных горностаем плащах и шутовских колпаках. Начинается концерт. Выступают артисты из США, ФРГ, Франции, Испании, детский ансамбль из Болгарии. А вот и наша группа «Забава». Ирина Коробушкина, Марина и Владимир Фонины — артисты-универсалы. Они поют, танцуют, играют на различных народных инструментах — гуслях, гармошке, бяне, дудках, рожках, трещотках. Все это венцам в диковинку. Привезли «Забаву» в Вену концертмейстер Ленконцерта Бела Корман, которая выступает в роли импресарио, и руководитель ленинградского научно-производственного кооператива «Код» Юрий Жоров, оплативший проезд для всей группы. Публике нравится русская экзотика, зрители тепло приветствуют первых советских артистов, приехавших на венский карнавал.

Почему выбор пал на ленинградскую группу?

— Когда мы получили предложение из Ленинграда,— объясняет мне Джнурев,— у меня родилась идея сделать советского посла в Вене Геннадия Шикина членом нашего Ордена. Ведь Шикин родом из Ленинграда. И все это прекрасно увязывалось!

Вот такие настали времена! Еще три года назад такое невозможно было и представить. А нынешний герой торжества Геннадий Шикин в ответ на шутливое приветствие на прекрасном немецком языке произносит блестящий, сверкающий юмором спич. Ему вручается золотой орден братства и фарфоровая статуэтка Августина, изготовленная на знаменитом заводе «Аугартен». Вслед за Шикиным посвящаются в «Милые Августины» известный австрийский актер Клаус Мария Брандауер, специально приехавший из США, и каммерзингер Хайнц Цедник.

— Как вы чувствуете в новой для себя роли Милого Августина? — спрашиваю советского посла.

— Превосходно!

— К чему обязывает вас это звание?

— Единственно к тому, чтобы не шутить плоско. Я рад быть членом этого Ордена, потому что он за единение всех народов!

— Хотелось бы вам, чтобы и у нас на родине были такие праздники!

— Очень хотелось бы, и чтобы они были такими же непринужденными и веселыми. Нам надо возрождать народные гулянья, какие были в старину в России, например, такие, как масленицу. Праздники сближают людей разных возрастов, национальностей, убеждений, делают их добрее, человечнее, веселее.

В программе карнавальных торжеств — обязательный бесплатный концерт для людей малоимущих и пенсионеров. Он состоялся на другой день в Большом зале Концертхауза. А вечером — продолжение веселья в Хойригене — одном из знаменитых венских кабачков. Американские парни приглашали наших девушек танцевать, наши девушки отплясывали русскую. Это было настоящее интернациональное братство, это был праздник, который все мы навсегда унесли с собой.

Подводя итоги нашего первого участия в карнавале советник по культуре посольства СССР в Вене Б. Леонов:

— Думаю, в будущем году мы сможем все организовать лучше. Попросим магистрат Вены устроить для наших артистов несколько концертов по стране.

Не знаю, как идут переговоры о приезде наших артистов на следующий венский карнавал. Кажется, снова стала давать сбои наша бюрократическая машина. Во всяком случае, Ю. Жоров, руководитель кооператива «Код», с которым я на днях говорила по телефону, направил в Вену свои предложения. Но до президента Джнурев они, кажется, не дошли,— я получила от него письмо, в котором он, между прочим, просит разузнать, какая группа приедет в Вену на карнавал. В самом деле, какая?

Светлана БАЛАШОВА.
(Корр. «Советской культуры»).
ВЕНА — СОФИЯ.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

Джон Травольта, многодетный отец

Снова на экране — Джон Травольта. «Послушай-ка, кто это разговаривает» — так называется новая кинокомедия американского режиссера Эми Хэкерлинга, в которой знаменитый певец и актер играет главную мужскую роль. А «разговаривает» младенец Майк, причем он начал подавать голос еще во чреве матери. И разговаривает постоянно, до рождения и после. Правда, слышат его такие же младенцы, как он, да сидящие в зале зрители.

Два человека принимают деятельное участие в жизни удивительного младенца: его родная мать и шофер такси, который подрабатывает тем, что нанимается ухаживать за новорожденными. Отец не в счет, он не оправдал надежд сына, и его изгоняют. А чтобы ребенок был совсем доволен, его мама соединяет свою судьбу с таксистом-няней. Семья вроде бы счастлива. Хотя некий «киноскачок» в будущее показывает, что чадолюбивый таксист, подарив миру множество детишек, будет не в состоянии их прокормить и обречет семью на большие финансовые трудности.

ДОЛЛАР МЕНЯЕТ ЦВЕТ

На протяжении всей истории Соединенных Штатов американское казначейство печатало банкноты только одного цвета — зеленого. Но, похоже, вскоре ему предстоит перестроиться и существенно разнообразить палитру своей продукции. Во всяком случае именно это предусматривает законопроект, находящийся на рассмотрении в сенате Конгресса США. И главный аргумент его инициатора, республиканца от штата Нью-Йорк, Альфонса Д'Амато, весом — борьба с международной торговлей наркотиками.

Национальным управлением борьбы с распространением наркотиков предусматривается переход на выпуск всего набора купюр — от одно- до тысячедолларовых — в двух вариантах: только для внутреннего и только для внешнего потребления. (ТАСС).

ВАШИНГТОН.

НА УСТАХ

на оккупированных арабских территориях

И если кто-то будет замечен с запрещенным номером газеты, ему грозит тюремное заключение.

— Ирония состоит в том, что при этом речь идет о газете, каждое слово в которой опубликовано с разрешения военной цензуры,— подчеркивает главный редактор крупнейшей палестинской газеты «Аль-Кудс» Саиб Иракят,— то есть как бы запрещается разрешенное. Этот внешний абсурд в действительности является хорошо продуманной формой психологического давления.

Есть и другие способы не допустить палестинские газеты в тот или иной район оккупированных территорий. Для этого достаточно, скажем, объявить его «закрытой зоной». Или изъять тираж на контрольно-пропускном пункте при выезде из Иерусалима. В ход идут и угрозы в адрес распространителей, их притеснение.

— Такого понятия, как палестинская пресса, сейчас просто не существует,— считает председатель Ассоциации арабских журналистов Радван Абу Айяш.— Есть газетные листки с переводами статей из израильской прессы, с материалами, основанными на радио- и телепередачах. Нам дозволено существовать и действовать в крайне узких рамках...

Но как бы то ни было, роль палестинских журналистов в борьбе за свободу своего народа нельзя недооценивать. Прежде всего она заключается в том, чтобы показать всеми доступными способами истинное лицо оккупации, всю глубину несправедливости и жестокости, творимой в отношении арабского народа Палестины. Чем меньше возможность добиться этого через собственную печать, тем активнее палестинские журналисты стремятся использовать иностранные средства массовой информации.

— Влиять на формирование общественного мнения через свою прессу,— говорит старейший журналист Газы Зухейр Райс,— оккупационные власти нам не позволят. Это совершенно однозначно. В Газе, например, не выходит ни одной газеты. 5 лет назад запретили даже не имевший ничего общего с политикой медицинский журнал — успели издать всего четыре номера. Из Иерусалима сюда поступает 3,5 тысячи экземпляров газеты «Аль-Кудс», 1 тысяча — «Ан-Нахар» и по 300 экземпляров «Аш-Шааб» и «Аль-Фаджр». И это на 700 тысяч жителей! В подобных условиях единственный эффективный метод работы — готовить объективные материалы и переправлять их за рубеж, где они могут сработать. Поддержка борьбы палестинцев за национальные права со стороны зарубежных коллег для нас имеет огромное значение...

Понимают это и израильские власти. Поэтому изоляция проживающих на оккупированных территориях палестинцев от внешнего мира — одна из главных задач израильской политики. Прямое отношение это имеет и к нашей стране, что мы особенно отчетливо почувствовали в Наблусе. Когда мы приехали в этот самый крупный на оккупированных территориях палестинский город, являющийся сердцем интифады, то были встречены словами: «Вы — первые советские люди, которых мы видим за последние 22 года».

Несмотря на то, что контакты нашей страны с Израилем в последние годы активно расширяются, прибывающие сюда советские делегации, отдельные представители нашей страны умело направляются израильтянами по маршрутам, обходящим далеко стороной оккупированные территории. Все это создает у палестинцев впечатление еще большей изоляции.

— Артисты советского балета танцуют в Израиле,— говорит главный редактор газеты «Аль-Кудс» С. Баракят.— но к нам они не едут. Почему? Советские спортсмены встречаются с израильскими в то время, как все палестинские спортсмены сидят в тюрьмах. Все палестинские университеты закрыты уже третий год, многие профессора также сидят в тюрьмах.

Политика изоляции применяется израильскими властями и по отношению к аккредитованным в стране иностранным корреспондентам. Только их изолируют не от внешнего мира, а от событий на оккупированных территориях — то есть от источника информации. С этой целью район, в котором происходят наиболее острые события, в очередной раз объявляется «закрытым».

— «Закрытая военная зона»,— сказал нам один палестинский оператор, работающий с западной телекомпанией,— по сути означает район, закрытый для журналистов. Причем в первую очередь для теле- и фотокорреспондентов. Нас армейское командование опасается больше всего — даже больше демонстрантов, которых мы снимаем. Ведь от того, что люди видят на экране своих телевизоров и на обложках журналов, во многом зависит имидж Израиля и его армии. Поэтому для работы у нас бывает не больше десяти — пятнадцати минут — пока не засекут. Пишущей братии легче — их труднее заметить. К тому же они могут пользоваться услугами палестинских журналистов, зачастую проживающих в этих районах и знающих все, что там происходит.

Но «закрытая зона» — не единственное препятствие на пути иностранных журналистов. Израильская армия и силы безопасности немало потрудились, чтобы дискредитировать представителей прессы в глазах палестинского населения. Например, в центре Наблуса, в лабиринтах старого города, нас поразила реакция палестинцев — и детей, и взрослых — на наши фотокамеры. Любая попытка снимать людей вызывала протест. Если бы не сопровождавший нас известный всему городу человек, нам бы не сдобровать. С началом интифады, объяснили нам, израильская армия и служба безопасности неоднократно появлялись в арабских кварталах на автомашинах с табличкой «Пресса», а иногда и выступали в роли телевизионной съемочной группы. «Интервью» таким «журналистам» приводили впоследствии к арестам среди палестинцев.

— Год назад я снимал эпизод,— рассказывал нам оператор телекомпании «Висньюз» Махер Шалаби,— как прибывшие на машине с табличкой «Пресса» израильские полицейские начали избивать во время ареста палестинскую девушку. Бывали случаи, когда полиция по отобранным у журналистов пленкам проводила опознание палестинцев — участников акций протеста...

Преследование со стороны израильского военного командования вынуждает телерепортеров во время съемок занимать рабочую позицию со стороны протестующих. Тем самым они оказываются под огнем израильских солдат, подвергают свою жизнь смертельной опасности.

— В марте прошлого года,— говорит Махер Шалаби,— пластиковая пуля — кусок металла, завернутый в тонкий слой резины,— угодила мне в грудь во время съемок в Рамаллахе...

Палестинцы же со своей стороны делают все возможное, чтобы облегчить нелегкую участь журналистов в Израиле. Например, базирующаяся в Иерусалиме Ассоциация арабских журналистов выдает им собственные аккредитационные карточки, служащие своеобразным пропуском доверия на оккупированных территориях. Оказываются другие профессиональные услуги. В долгосрочном плане, полагают многие журналисты, все это может сработать против Израиля. Что ж, удивляться здесь нечему. Подобно тому, как сама оккупация арабских земель, подавление национальной воли палестинского народа серьезно подрывают репутацию Израиля в остальном мире, так и политика израильских оккупационных властей по отношению к прессе не может служить интересам израильского народа.

П. ДАВЫДОВ,
Н. СОЛОГУБОВСКИЙ.
(Корр. ИАН — специально для «Советской культуры»).
ИЕРУСАЛИМ — МОСКВА.

● *«Освободите прессу!» Плакаты с таким призывом распространяются сотрудниками «Дерех хаитоу» — первой израильской газеты, закрытой властями по политическим соображениям. Ее главный редактор Яков Бен-Эфрат второй год находится в тюрьме.*

ТАМ БУДЕТ ПРАЗДНИК

После нескольких месяцев секретных совещаний, сопровождавшихся самыми невероятными слухами, хозяева знаменитого «Диснейленда» из «Уолт Дисней компани» объявили о своем новом грандиозном проекте — создании сказочного города аттракционов и развлечений на воде южнее Лос-Анджелеса, в районе Лонг-Бич.

По замыслу его проектировщиков, он раскинется на прибрежной территории в 350 акров. Нам сообщили представители компании, там будет все: от пяти современных отелей для туристов и самого большого в мире океанариума до тематического парка, рассказывающего о таинствах моря и подводных стальных клетях, в которых желающие смогут совершить подводную прогулку с акулами. Там же разместится «Центр изучения будущего», где ученые со всего мира смогут собираться для проведения совместных океанографических исследований.

Городские власти Лонг-Бича с энтузиазмом отнеслись к проекту «Уолт Дисней компани», который позволит создать дополнительно 10,000 рабочих мест. Вместе с тем, по мнению мэра Эрни Келла, компания должна принять превентивные меры в связи с ожидаемым усилением загрязнения атмосферы от наплыва автомашин с туристами. По оценкам, их приток возрастет на 13 млн. человек в год. Прежде чем дать согласие на осуществление проекта, всесторонне будут рассмотрены его последствия для экологии, о чем вынесут свое заключение авторитетные эксперты, сообщил Э. Келл.

Рассчитывается, что открытие «Порта Диснея» состоится не раньше, чем через 10 лет.

(ТАСС).

САН-ФРАНЦИСКО.

КОГДА ТРУБА ЗОВЕТ

Знаменитый американский трубач Диззи Гиллеспи, гастролировавший недавно и в нашей стране, снялся в полнометражном художественном фильме «Зима в Лиссабоне», который вскоре выйдет на экраны США. 72-летний музыкант играет в нем главную роль — старого трубача, разочарованного жизнью в Америке и собирающегося переселиться в Европу. По сути Гиллеспи сыграл в этой картине самого себя, замечает журнал «Тайм»: непримиримый критик расизма и иных уродливых проявлений американской действительности, он и в самом деле не раз собирался уехать из Соединенных Штатов. Что же препятствовало этому? «Спросите лучше, кто,— говорит Гиллеспи.— Кто? Моя жена».

НОВОЕ СЛОВО В ХОРЕОГРАФИИ

Много работы у американского хореографа Уильяма Форсайта. Несмотря на свой сорок один год, он знаменит во всем мире, он нарасхват. Стабильно работает в труппе Франкфуртского балета, подписал контракт, согласно которому два месяца в году будет работать в парижском театре «Шатле»,— на этом настаивал лично мэр столицы Франции Жак Ширак.

«За два месяца работы в Париже,— говорит Уильям Форсайт,— я должен поставить новый спектакль. Просто голова кружится. Я все себя спрашиваю, что придумать, чтобы наверняка создавать первоклассные спектакли. И решил работать по новому методу, который позволит довести каждую постановку до высокого уровня артистизма.

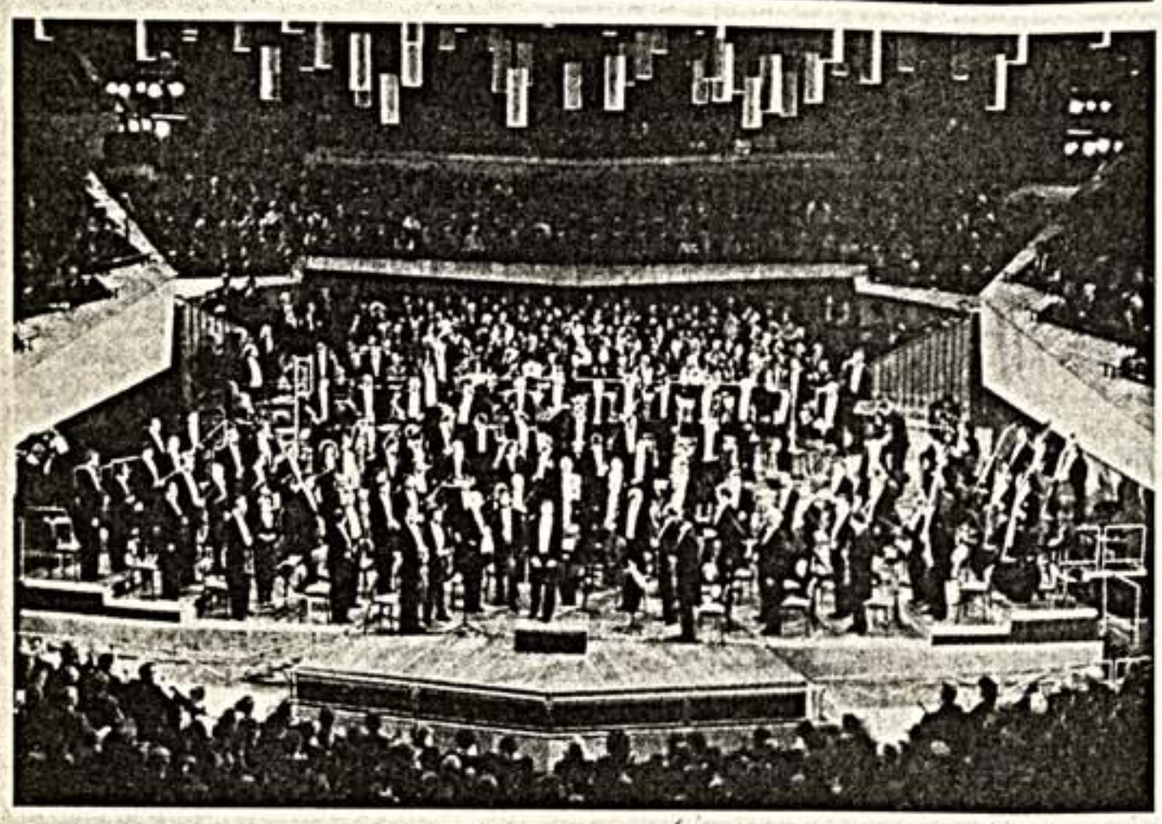
Решение проблемы подсказала работа над балетом «Чтобы изумить царя», который был поставлен два года назад. Это был своеобразный коллаж, состоящий из отдельных сцен. Спектакль отметила и критика, и публика.

Все сделанное в последнее время — начало той работы, которую я думаю развернуть и которая, на мой взгляд, внесет существенный вклад в хореографию. Меня ждут сцены Амстердама и Парижа. Кроме того, я непосредственно решил курировать документальный фильм обо мне и о моей работе, который собираются снять, поскольку все то, что было снято в Европе и Америке о хореографах мира, меня не удовлетворяет».

● *Уильям Форсайт.*

Фото из журнала «Панорама».

ОРКЕСТР: ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ



БЕЗУПРЕЧНЫЙ ИЛИ ДОБРОТНЫЙ, НО БЕЗЛИКИЙ?..

Под таким заголовком журнал «Тайм» опубликовал недавно материал о судьбе одного из самых ярких симфонических коллективов мира — оркестре Берлинской филармонии, долгие годы руководимом выдающимся дирижером Гербертом фон Караяном. Мы перепечатываем эти заметки с незначительными сокращениями.

Когда в прошлом году в возрасте 81 года умер Герберт фон Караян, фраза о том, что с его смертью окончилась целая эра, стала штампом. И все же это правда. Караян руководил своим августейшим оркестром — оркестром Берлинской филармонии, пожизненным дирижером которого он стал в 1955 году,— с помощью блестящего слуха и железного кулака. Он был сердцем и душой Зальцбургского фестиваля, проводимого в его родном городе в Австрии. По количеству проданных пластинок с записями своего оркестра он впереди любого другого дирижера. Компания звукозаписи «Дейче граммофон», с которой он сотрудничал с конца 30-х годов, сделала состояние на нем одном.

Караян был также техническим новатором, с самого начала поддерживавшим идею компакт-диска и незадолго до смерти записавшим на лазерные видеодиски за свой счет около 45 оркестровых и хоровых работ, которыми он руководил. Добавьте к этому внешние, немузыкальные, атрибуты жизни Караяна — три жены, две дочери, скоростные автомобили, яхту и частный самолет,— и неизбежно вырисовывается байроновский тип. Даже в его внезапной, неожиданной смерти, случившейся всего через несколько месяцев после резкого ухода из филармонии в апреле 1989-го, было что-то театральное.

В октябре прошлого года преемником Караяна был избран Клаудио Аббадо, который встал у руля того, что многие называют лучшим оркестром мира. Без сомнения, оркестр Берлинской филармонии в надежных руках — по крайней мере в артистическом смысле. Аббадо 56 лет. Он волнующий, чуткий, добившийся успехов музыкант, репертуар которого богаче, чем у Караяна. «Раздваиваясь» в своем амплуа на лидера Берлинского филармонического оркестра и дирижера Венской государственной оперы, Аббадо, похоже, становится такой же влиятельной фигурой, какой был Караян в 60-е годы, когда в честь всех одновременно занимаемых им постов ему был пожалован титул генерального музыкального директора Европы. С учетом того, что сфера музыки сейчас пестрит именами таких дарований, как Лорин Маазель, Джеймс Левайн, Риккардо Мути, выбор Аббадо представляется мудрым решением.

Однако не следует заблуждаться: Берлинский филармонический оркестр уже не будет тем, чем был раньше. Во-первых, его уникальные любовно ненавистные отношения с Караяном (ближе к концу это была скорее ненависть, чем любовь) вряд ли повторятся с менее энергичным Аббадо. А, во-вторых, приличные «левые» доходы, которые руководимый и покровительствуемый Караяном оркестр получал от студийных записей, концертов в Зальцбурге и всемирных турне, должны, вероятно, сократиться. Наконец, как следствие объединения Берлина, оркестру начнут составлять конкуренцию в плане зрительского внимания — а также муниципальных доходов — некоторые наиболее выдающиеся музыкальные коллективы Восточного Берлина, среди которых Немецкая государственная опера и «Комише опер».

За 108-летнюю историю оркестра им руководили всего пять главных дирижеров: Ханс фон Бюлов, Артур Никиш, Вильгельм Фуртвенглер, Караян и теперь Аббадо. Такая стабильность во многом способствовала музыкальной доблести оркестра. Каждый из первых четырех строил работу, основываясь на наследии своего предшественника, что особенно ярко выразилось в репертуаре коллектива, бывшего всегда почти исключительно центральноевропейским. Однако родившийся в Италии Аббадо, великий оперный дирижер, возглавляющий также «Вьен-модерн» — серию новомузыкальных концертов в Вене, выпадает из австрогерманских традиций. Вполне вероятно, что он познакомит Берлин со многими новыми работами и принесет с собой столь долгожданную свежую перспективу. Вопрос только в том, сохранит ли оркестр Берлинской филармонии свою репутацию безупречного исполнителя музыки Бетховена, Брукнера и Малера или же преобразуется в еще один добротный, но в целом безликий еврооркестр.

Да и щедрость «Дейче граммофон» вряд ли останется на том же уровне. Все эти годы в основном благодаря имени Караяна, а не его оркестра пластинки, кассеты и компакт-диски с маркой «Оркестр под управлением Караяна» буквально сметались с полок магазинов. Берлинский филармонический — это в действительности два оркестра: публичный, который состоит на содержании города и дает концерты в здании филармонии — уродливом, с желтыми стенами концертном зале, построенном в стиле «60-е годы — модерн» и расположенном около Тиргартена,— и частный, который получает денежные премии за выгодные в финансовом отношении записи, турне и поездки. Студийные записи Караяна раскупались одинаково хорошо и в его бытность дирижером оркестра Венской филармонии, и когда он возглавлял Парижский оркестр, и когда стал руководить Дрезденским государственным оркестром. В то же время продажа пластинок берлинских музыкантов под управлением других маэстро редко достигала того же уровня. «Ближе к концу, когда они уже смотрели на Караяна как на немощного старика, они стали считать себя важнее, чем он,— говорит сотрудник американского филиала «Дейче граммофон».— Теперь им предстоит узнать, как они грубо ошибались».

Что-то вроде упрямой гордости давно стало характерной чертой оркестра Берлинской филармонии. Как-то восточные немцы предложили провести в Западном Берлине очное оперное сравнение Берлинского филармонического с «Дейче опер», однако их западные коллеги, даже не удостоив соперника ответом, молча признали право своего оркестра быть первым в городе. Оркестр Караяна никогда не назывался Западноберлинским филармоническим. И теперь уже никогда не будет.

Возможно, это символично, что эра Караяна закончилась лишь несколькими месяцами раньше эры Хонекхера. Символично и то, что приблизительно одновременно со смертью Караяна в здании филармонии от потолка отвалилось несколько кусков штукатурки, что вызвало необходимость провести в следующем году ремонт. Ко времени своей смерти самодержец Караян был так же старомоден, как и любая из фетровых шляп, разгуливавших по ту сторону Бранденбургских ворот. Его музыкальная философия, которая с 60-х годов заключалась в том, чтобы как можно красивее выводить ноты, предоставляя главной музыкальной теме свободу развития, стала казаться потаканием своим слабостям и чем-то таким же устаревшим, как здание филармонии.

В начале 80-х годов Караян получил резкий отпор: оркестр отверг подобранную им кандидатуру молодой девушки по имени Собина Мейер, претендовавшей на место соло-кларнетиста. Этот инцидент просигнализировал о конце его непререкаемого авторитета. Его четвертая, последняя, полная запись симфоний Бетховена бледнеет в сравнении с более ранними вариантами. Он поссорился со своими берлинцами и, как какой-то музыкальный король Лир, убежденный в том, что его дети разлюбили своего отца, сначала запретил им ездить в турне и заниматься звукозаписывающей деятельностью, а потом отправился домой на Герберт-фон-Караян-штрассе в пригороде Зальцбурга Анифе.

Итак, началась новая эра. Недавно 77-летний сэр Георг Солти, один из главных соперников Караяна, стал во главе Зальцбургского пасхального фестиваля и «Пфингстконцерте» («Пятидесятницких концертов»), организация которых была одним из любимых дел Караяна. В следующем году Берлинский оркестр вновь станет организатором Пасхального фестиваля, однако с 1992 года «Пфингстконцерте» попадут под опеку Чикагского симфонического оркестра. Власть уже начинает смещаться.

Задача, стоящая сейчас перед берлинскими музыкантами,— отложить в сторону все обиды прошедшего десятилетия и вместе со своим новым дирижером заняться музыкой. Когда в 1954 году умер Фуртвенглер, Караян получил анонимную телеграмму: «Король умер,— говорилось в ней.— Да здравствует король!». Проблема Аббадо и проблема Берлина в том, что королей больше нет.

Публикацию подготовил П. ЧЕРНЫШЕВ.

Фото из журнала «Тайм».

Парижские встречи

Года Петра Ильича Чайковского во Франции никто официально не объявлял — здесь не любят пышных официальных торжеств, которые часто перерастают в пустые формальности, но музыка гениального русского композитора звучит как никогда широко в нынешнем театрально-музыкальном сезоне.

С полным правом можно назвать его русским. Главные сцены сезона — знаменитый Театр Елисейских полей, где с триумфом в начале года прошли гастроли Ленинградского академического Малого театра оперы и балета им. М. Мусоргского, «Гранд-Опера», Дворец конгрессов — там выступала балетная труппа Театра оперы и балета им. С. М. Кирова. В репертуаре — оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица». Впервые во Франции ленинградцы показали «Тему с вариациями» на музыку П. И. Чайковского. Это, как отмечает влиятельная парижская «Монд»,— знаменательная премьера, поскольку впервые французские поклонники балета увидели в исполнении советских артистов хореографический шедевр Джорджа Баланчина. И в этом своя символика — произошла «встреча» великих представителей России на сцене парижского театра в интерпретации советских артистов нового поколения.

— Русский сезон в Париже — закономерность,— сказал мне один из ведущих французских продюсеров Альбер Сарфати, организовавший гастроли целого созвездия советских творческих коллективов. Надолго запомнятся парижанам выступления оркестра Ленинградской филармонии под руководством Юрия Темирканова, блистательный Концерт для скрипки с оркестром Чайковского в исполнении Владимира Спивакова. Интерес к русскому искусству во Франции всегда огромен, но сейчас он достиг, если хотите, своего пика, учитывая грандиозные перемены, происходящие в вашей стране. Мы открываем для себя целые пласты, неизвестные ранее. Что касается классики, то у нас возникают определенные опасения — не сможет ли волна нового культурное наследие, сохранятся ли традиции? На этот вопрос можно ответить однозначно — советские коллективы бережно хранят то, что они получили в наследство, но шедевры не пребывают в музейной пыли, а живут полнокровной жизнью. Пример тому — блистательная интерпретация Ленинградским оперным театром «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы». По общему признанию, таких спектаклей публика давно не видела. Что же касается балетной музыки Чайковского, то она предмет давнего обожания французов. В этом есть и свои исторические корни, ведь большинство замечательных балетов русский композитор написал в тесном содружестве с нашим соотечественником — Маринусом Петипа.

Весной на сцене «Гранд-Опера» состоялась премьера. После перерыва вновь идет «Лебединое озеро» в версии М. Петипа и Л. Иванова, «увиденное заново», как пишет парижская пресса, Рудольфом Нуриевым.

Виктор ХРЕКОВ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).
ПАРИЖ.

УГАСШИЕ «ЗВЕЗДЫ»

ПОСЛЕДНЯЯ БОГИНЯ ГОЛЛИВУДА

ПОСЛЕДНИЕ 25 лет она жила уединенно в уютной респектабельной квартире в двух шагах от Гайд-парка. У нее было несколько близких друзей, скрашивавших ей одиночество, да пес Морган, который всегда ждал у дверей ее возвращения. Пожилая дама вела спокойный, размеренный образ жизни, имя ее редко можно было увидеть на страницах газет и журналов. И, как это ни странно, ее судьба типична для американской кинозвезды...

Ава появилась на свет в декабре 1922 года седьмым и последним ребенком в большой и бедной американской семье. Для своих родителей она оказалась настоящим подарком — самородком. Красивая послушная девочка рано пошла работать секретаршей, чтобы не обременять семью. Ее ироническая улыбка, загадочный взгляд миндалевидных глаз и природная грация привлекли внимание одного из голливудских «охотников за талантами», который предложил ей кинопробы. Красота девушки была оценена по достоинству, и с ней заключили контракт. «Мой шанс,— говорила она о себе,— в том, что я несерийная».

В 1942 году актриса дебютирует в кино, но лишь четыре года спустя, после выхода фильма «Убийцы», она становится «звездой». Эта лента явилась вершиной «черного сериала» режиссера Роберта Сиодмака и прошла по экранам мира с большим успехом. Сиодмак «лепил» Аву, как Пигмалион свою Галатею, он вдохнул в нее жизнь, научил владеть пластикой тела, избавил от южного акцента и создал, наконец, тот образ роковой женщины, который кочевал затем из картины в картину. В дальнейшем она снималась, как бы нося одну и ту же маску.

Актриса не раз заявляла, что ненавидит свою красоту, загнавшую ее в клетку одной и той же сюжетно-жанровой модели фильма. Говорила о нелюбви к кино, неверии в свой талант. Во многих фильмах пятидесятых годов, которые можно назвать удачными для нее, использовались, в первую очередь, ее внешние данные. Это «Босоногая графиня», «На последнем берегу», «Могамбо», «Библия». В фильме «Могамбо» известного режиссера Джона Форда она снималась вместе с актрисой Грейс Келли, которая стала впоследствии женой князя Монако. «Встреча огня и льда» — так комментировали журналисты этот удачный дуэт двух «звезд». Они были дружны всю жизнь, вплоть до трагической смерти Грейс Келли в результате автомобильной катастрофы.

Известно, что создаваемый кинозвездой образ складывается в сознании публики как собственно из ее личности, так и из легенды, из мифа. Ава Гарднер была носителем одного и того же имиджа, по сути дела, интерпретировала в кино одну и ту же роль. Легенду же слепила пресса, не столь уж и редко самым беспардонным образом вторгаясь для этого в честную жизнь актрисы. Недаром она ненавидела журналистов, которые сопровождали ее повсюду. Так же, как Рита Хейуорт, Мэрилин Монро, Грета Гарбо и многие другие американские «звезды», Ава Гарднер оказалась жертвой «звездного» журнализма. Рассказы о ее любовных историях, разрывах, привычках, часто приукрашенные или выдуманные, заполняли страницы американских газет и журналов.

Цепь ее «скандальных» похождений началась со встречи в Калифорнии с известным американским комиком Микки Руни в 1942 году. Это было как в сказке: красавица вышла замуж за карлика, который тут же ее обманул. Их союз длился 16 месяцев. «Пятнадцать дней счастья»,— лаконично откомментировала Ава неудачный брак с Микки.

Еще одна любовная история — с дирижером Арти Шоу: Ава часто сопровождала его в гастрольных поездках, ей нравилось это. Вскоре они поженились. Во время медового месяца Шоу заставлял ее читать Маркса и Фрейда — так он готовил ее к поступлению в университет. Бедный, наивный Шоу! Ава сбежала от него, чувствуя, что ей не суждено стать ни студенткой, ни кем-то еще. Она знала, что стала заложницей собственной красоты, которую несла, как крест, которую начинала тихо ненавидеть. Казалось, Ава сознательно вступила с ней в борьбу, выкуривая сигарету за сигаретой, встречая каждый вечер с бокалом шампанского в руке. В двадцать с небольшим лет ее веки потеряли свежесть молодости, глаза же еще больше стали походить на миндаль — их украсило страдание. Но Ава опять оказалась в выигрыше — красота ее стала надломленной и щемящей.

Самая трагичная страница ее жизни и самая большая ее любовь — певец и актер Фрэнк Синатра.

Так случилось, что они жили одно время рядом. Неделя за неделей, ежедневно, Синатра провозглашал ее имя под окном, словно пел серенаду. Однажды вечером она посмотрела на него внимательнее, и вдруг поняла, как много общего между ними: он был так же тонок, наделен таким же зверским аппетитом, оба любили сухой джин или виски, предпочитали жесткие виды зрелищ: Фрэнк — бокс, Ава — корриду...

Синатра был женат, у него было трое детей. Ава не любила ждать, у нее часто менялось настроение — она уходила на пять минут и исчезала на месяц. Но всегда возвращалась. Синатра прощал ей все. Их ссоры, встречи, скандалы стали притчей во языцех. Правда, обложки голливудских журналов пестрели портретами одной Авы — симпатии журналистов и публики были на стороне «босоногой колдуньи», как ее называли за страсть ходить босиком.

«Они сражались за любовь»,— гласили заголовки. О чем только не поведали журналисты жаждущему очередной сплетни обывателю. Однако скандал явно затягивался, и его надо было как-то замять: компания «Метро-Голдуин-Майер» отправила Аву Гарднер в Испанию на съемки фильма «Пандора». Журналисты и тут не упустили своего шанса, метко сравнив актрису с героиней греческого мифа. Всем, кого любила, приносила она одни беды. Подобно сирене, она завлекала своих жертвы в пучину. Сама же продолжала надеяться на счастье.

Испания... На пыльной андалузской дороге ее похитил поэт и тореро Марио Кабре, партнер по съемкам. Затем она встретила и полюбила другого тореро, идола испанских трибун по имени Луис Мигель Доминги. Все свое свободное время она проводила теперь на стадионах. Коррида и фламенко — два диких спектакля заполнили жизнь актрисы. Однажды Ава даже спустилась на арену, села в седло и... была выбита из него молодым и свирепым быком. К счастью, все обошлось благополучно... Газеты и журналы не переставали оповещать обо всех ее приключениях. Фрэнк Синатра, листая хронику, посвященную Аве, от горя потерял голос в полном смысле слова. Не долго думая, он развелся с женой, поехал за Авой в Европу и привез ее в Штаты. Последовавшая через некоторое время новая ужасная ссора закончилась тем, что Синатра совершил попытку самоубийства. Он внушил себе: только брак образумит его «пантеру». В ноябре 1951 года они наконец поженились и уехали в свадебное путешествие на Кубу.

Жизнь их ничуть не изменилась. Синатра был настоящим диктатором в семье, но и Ава не имела намерений менять свой вольнолюбивый характер. Скандалы, слезы, ссоры и примирения — «желтая пресса» по-прежнему не обделяла их вниманием. Ава попросила развод. Ей не нужны были ни деньги, ни имущество — только свобода. Синатра снова покушался на самоубийство, но не смог удержать Аву — та поняла, что не быть с человеком, которого она любит.

Актриса уехала назад в Испанию, даже не подписав бракоразводные документы. Она никогда больше не вышла замуж, в отличие от Фрэнка, который вскоре благополучно женился.

...Весной 1989 года пожилая, никому не известная леди, сохранившая еще остатки былой красоты, одиноко сидела в глубине театральной ложи лондонского «Альберт-холла». На сцене пел Синатра. Вернувшись домой, она набрала номер гостиницы, не здороваясь произнесла: «У тебя все такой же прекрасный голос, Фрэнки»,— и повесила трубку. На следующий день Синатра уехал на гастроли в другой город. Они так и не увиделись...

«Ее надо принимать такой, какая она есть,— говорил об Аве Гарднер Эрнест Хемингуэй,— со всеми ее капризами, пороками, красотой, сумбурной добротой и завораживающей тайной».

Такой была она — «последняя богиня Голливуда».

Андрей ШИРОКОВ.

25 ЯНВАРЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА НАД ЛОНДОНОМ НЕОЖИДАННО РАЗРАЗИЛАСЬ БУРЯ, И В ЭТОТ ЧАС УШЛА ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТАЯ КОГДА-ТО ГОЛЛИВУДСКАЯ КИНОЗВЕЗДА АВА ГАРДНЕР.

Жоржи Амаду:

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ МОИ ДРУЗЬЯ...

Фото из журнала «Пуэн» (Франция).

Бразилия огромна, она не любит миниатюрности. А литература, как сама страна, не любит тематического мелководья. Зачем далеко ходить за примерами, когда сразу же перед вашими глазами встает гигант — и в человеческом, и в профессиональном смысле. Он огромен, как Бразилия. Правда, его родной штат Баия еще больше Бразилии. Да-да, это так, судите сами: за его широкими плечами — 23 романа, и действие каждого из них он умудрился «развернуть» на просторах Баии. И сам он нечто гораздо большее, нежели просто знаменитый писатель, — живое воплощение родного края, его незаменимая частичка. У себя в Баии он улаживает конфликты между соседями, развлекается в ресторанчиках, носящих имя его героев, и критикует правительство суровым и непримиримым тоном бывшего депутата-коммуниста, которого 11 раз сажали в тюрьму: Жоржи Амаду...

Как мутные воды реки Манаус, сюжетные коллизии его книг то плавно, то бурно текут сквозь замысловатую мешанину рас, традиций, верований — без этого немыслимо его творчество, без этого невозможно представить себе жизнь Баии.

Его последний роман «Янсан-грозовой» (французский перевод.— ПРИМ. РЕД.) — следующий куплет старого гимна. В связи с выходом книги во Франции корреспондент журнала «Пуэн» встретился с Жоржи Амаду и взял у него короткое интервью:

— Место действия и предмет художественного исследования во всех ваших романах — ваш родной штат Баия. Как вам хватает вдохновения столько лет придумывать каждый раз что-то новое?

— Я рассказываю о своих корнях, о своих друзьях... Вот и сейчас я вновь собираюсь поведать очередную историю из жизни Баии, этой вселенной разных, смешавшихся между собой культур и верований. Она будет называться «Круговорот фанатиков и пуритан»... Персонажи все время одни и те же — они следуют за мной через все романы. Когда пишу такие истории, от души веселюсь — ведь я «поселил» здесь множество друзей...

— Каких авторов вы читаете на досуге?

— Читаю самые разные книги — и помногу. Обожаю фантастику — только нужно, чтобы в правдоподобии сюжета я был убежден абсолютно, иначе читать бросаю. Перечитываю классиков: Рабле, который оказал на меня большое влияние, Диккенса, Марка Твена, Сервантеса, Золя, обновившего вообще жанр романа, Толстого и Горького.

Между прочим, в Бразилии есть целое поколение необыкновенных писателей — при том, что они все молоды.

— В той самой Бразилии, которая долгое время была подвержена влиянию европейской культуры, и в особенности французской литературы. Это по-прежнему так?

— Нет, к сожалению. Мое поколение в этом смысле оказалось последним. Вплоть до окончания второй мировой войны французское влияние у нас было огромным: Анатоль Франс, Андре Жид, Ромен Роллан, Мальро... После войны эту «линию» продолжили Сартр и Симона де Бовуар. Потом — «новый роман». А вслед за ним — ничего, пустота. Единственным оправданием подобного «заката Европы» является, может быть, то, что сегодня бразильцы, говорящие по-французски,— это не более чем жалкие остатки прошлых поколений. До середины века французский был в Бразилии вторым языком — на нем говорили и читали все интеллектуалы. Я сам долгое время испытывал влияние Золя, Бальзака и Мопассана. Потом эту культуру вытеснил «американский» язык.

— Вы — обладатель Сталинской премии — так и не получили Нобелевскую премию по литературе. Здесь знаменосцем южноамериканской литературы суждено было стать Габриэлю Гарсиа Маркесу. Вы нисколько не чувствуете ревности?

— Я никогда не состоял кандидатом на какие-либо премии и, надеюсь, никогда не окажусь таковым. Не приемлю кандидатства в лауреаты. Это правда, мне присудили множество премий и наград, но ни об одной из них я не просил. Не понимаю, почему мне нужно было дать Нобелевскую премию. Наверное, эту премию следовало бы присудить бразильской литературе. Эта премия сама по себе имеет такой резонанс и престиж, что помогла бы наконец пролить свет на нашу литературу, все еще находящуюся в тени. Ведь в мире знают ее очень плохо. И я даже могу назвать имя первого достойного кандидата на эту премию: Антонио Карлос Друммон, наш великий поэт...

Публикацию подготовил Б. БОРИСОВ.

ГОРОД, КОТОРЫЙ Я ЛЮБЛЮ...

Счастливое тринадцатое число

Именно тринадцатого (по старому стилю — первого) августа 1850 года командиром транспорта «Байкал», капитаном первого ранга Геннадием Ивановичем Невельским был основан Николаевский порт, который вскоре становится городом Николаевском. В этом году ему исполняется 140 лет. Возраст для города не ахти какой великий. Особенно по сравнению с подобными районными центрами где-нибудь в глубинке русской, которые насчитывают по нескольку веков. Но время как бы спрессовалось для Николаевска и вместило в сто сорок лет многое — славное и трагическое, радостное и горестное, взлеты человеческого духа, но никогда у него не было сонного прозябания. Все было неординарно. Даже само его рождение...

Основание Невельским Николаевского поста знаменовало тем самым присоединение к России всей территории по нижнему Амуру. В Петербурге всполошились. Резкое неприятие этого действия вызвало у министерства иностранных дел, которое боялось осложнений с ведущими западными государствами. Был разгневан и Николай I. Невельского затребовали в Петербург, ему грозили серьезные неприятности вплоть до разжалования. Пока он добирался до столицы, губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский, по приказу которого и действовал Геннадий Иванович, заступился за него и сумел уговорить царя. Тот сменил гнев на милость: назвал поступок капитана «молодецким», а на заготовленном приказе о его разжаловании начертал: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен».

Теперь мой родной город (здесь родился не только я, но мои отец, мать, дед...) — один из крупных районных центров на Советском Дальнем Востоке. Память о Невельском здесь чтят свято. В 1915 году на высоком берегу Амура, в прибрежном сквере, который примыкал к главной магистрали города — проспекту Невельского, торжественно открывается в его честь величественный памятник, остающийся до сих пор в городе самым значительным. По сторонам гранитного обелиска устанавливаются металлические доски с такими надписями: «Адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому от почитателей его заслуг», «1 августа 1850 года волею государя Николая Павловича на берегу Амура поднят русский флаг и край присоединен к державе Российской», наконец, «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен». Обелиск завершался бронзовым орлом, сидящим на чугунном шаре. Он символизировал подвиг славного первооткрывателя и его сотоварищей.

Не могу не гордиться тем, что на празднествах в честь открытия памятника, освящения его, на почетном собрании, устроенном городской управой, активное участие принимал ее член, рыбопромышленник и купец Спиридон Тимофеевич Егоров, мой дед. Он был человеком грамотным, много сделал для благоустройства города, развития его культуры. Голосовал и средствами помог основанию специального фонда, из которого выплачивались в женской гимназии, где, кстати, училась моя мама, стипендии имени Невельского. Не стоит ли и в наше время установить их для лучших учеников городских школ?..

Мой дед достаточно пережил и умер в Николаевске в сентябре 1925 года, будучи простым советским служащим. Похоронен на старом православном кладбище, которое ныне превращено в место увеселений.

Драматические превратности не обошли и памятник Невельскому. Его чуть было не взорвал в мае 1920 года вождь революционных партизан анархист Тряпицын, который почти полностью снес город. Десятью годами позже обелиск пытались свалить с помощью трактора. И тогда он устоял. Лишь с его сторон были сбиты бронзовые доски с надписями, обломаны углы у гранитных плит, срезан бронзовый орел. Теперь по требованию общественности и заботами местного общества охраны памятников истории и культуры во главе с энергичной Евой Яковой орел и утраченные доски с надписями будут восстановлены и возвращены обелиску.

Форму для отливки орла изготовил краевед, врач Вадим Владимирович Попов. Орел и доски будут отлиты на Николаевском судостроительном заводе. И, что весьма немаловажно, бесплатно. Мне приятно подчеркнуть это обстоятельство. Ведь в наше «хозрасчетное и взаимовыгодное» время все реже оказываются такие дары культуре, которая, как известно, питалась и питается довольно-таки скудными государственными субсидиями. Поэтому она, особенно на местах, по существу нищенствует. Введение в нашу экономику новых правил хозяйствования, законов рынка ставит ее в еще более тяжелое положение.

Но в самую «застойную» пору почиталось оказывать культуре посильную помощь со стороны промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Слава богу, добрая традиция осталась, ее надобно беречь и всячески поощрять. Не подменять на чуждое нам «спонсорство», которое предполагает материально взаимовыгодный договор. С культуры же трудно получить сиюминутную выгоду. Поэтому лучше надеяться на природную русскую доброту и отзывчивость.

Как они, к примеру, покадобились бы в восстановлении небольшого бревенчатого дома Невельского и устройстве там его мемориального музея! Средства для этого нужны небольшие.

Пора возродить и научные чтения, посвященные Невельскому. Года три назад они были отменены буквально за несколько дней до их проведения. Приглашенным на них ученым Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Владивостока, которые, придавая конференции большое общественно-политическое значение, задолго к ней готовились, пришлось сдавать билеты на самолет и менять свои планы. Перед участниками несостоявшихся чтений даже не извинились. Кто же их «зарубил»? Теперь работники горкома партии все валят на бывшего первого секретаря В. Толкачева. Сработал порочный принцип руководства культурной жизнью партаппаратом. Хорошо, что время таких запретов как будто бы прошло.

Город Николаевск-на-Амуре — районный центр Хабаровского края РСФСР. Стоит на левом берегу Амура, в 80 километрах от впадения в Амурский лиман. 32,9 тысячи жителей... Ведущие отрасли хозяйства — рыбная промышленность и судоремонт. Имеются предприятия пищевой промышленности. Педагогическое и медицинское училища. Краеведческий музей...

(БСЭ, т. 18).

Обелиск Невельскому, повторяю, был установлен в сквере, примыкающем к проспекту Невельского. Сейчас это улица Советская. Справедливым было бы возвратить ей исконное, столь дорогое для жителей города имя.

Кстати, об улицах. В сегодняшних их названиях, наверное, для всех наших городов обязателен установившийся стереотип, составленный из имен государственных и партийных деятелей Советского государства. Насаждался канон, естественно, за счет стародавних названий, которые, по большей части, отражали историю города, его топографию, местные особенности, которые придавали ему индивидуальный облик и неповторимый колорит. Так, улица Луначарского называлась Большой Бульварной, Горького — Штабной, Пионерская — Матросской...

До революции Николаевск насчитывал 13 проспектов, 41 улицу, 6 площадей и 3 предместья. Одна из главных площадей именовалась Красной, то есть красивой. Сейчас такой площади нет. Из дореволюционных названий улиц сохранились лишь три. Самая старая — Телеграфная, на которой был устроен первый на русском Дальнем Востоке телеграф. Затем — Ключевой переулок и улица Гоголя, названная так в 1909 году в честь великого русского писателя. Сейчас нет ни такого переулка, ни театра.

Николаевск считался городом просвещенных, образованных людей. Это отмечал А. П. Чехов, побывавший в нем проездом на Сахалин. «Читатель пусть не удивляется,— писал он,— такому изобилию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и Приморской области интеллигенция при небольшом населении составляет немалый процент и ее здесь относительно больше, чем в любой Русской губернии». Город гордится не только именами Г. И. Невельского, Н. Н. Муравьева-Амурского, П. В. Казакевича, первого губернатора Приморской области, центр которой находился в Николаевске. Петр Васильевич всячески содействовал развитию культуры и просвещению. Основал при библиотеке краеведческий музей, который стал его любимым детищем, первую национальную школу, открыл Морское училище, постоянно пополнял библиотеку. Словом, у колыбели города, его культурном становлении стояли люди замечательные, их имена должны остаться в истории города, в памяти народной.

В Николаевске побывали выдающиеся путешественники Н. М. Пржевальский и Г. Я. Седов, здесь окончил Морское училище адмирал С. О. Макаров, о чем я еще скажу, работал А. Ф. Можайский, изобретатель первого в мире самолета, писатель И. А. Гончаров передал местной библиотеке несколько сот бывших с ним на фрегате «Паллада» книг, наконец, А. П. Чехов.

К горести, в Николаевске нет улиц, в которых были бы увековечены имена Казакевича, Муравьева-Амурского, Макарова, Пржевальского, Можайского, Гончарова... Какая беспамятность! Изначальный отсчет нравственному обеднению!

Адмиралы вырастают из гардемаринов

К Вадиму Александровичу Романюку мы отправились втроем — бывший директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР Владислав Иннокентьевич Юзефов, признанный глава краеведческой школы в Николаевске, человек, много знающий, интересный, чьими дружескими советами я постоянно пользуюсь; Вадим Попов и я. Отправились к нему не домой, а в госпиталь: у Романюка вдруг подскочило давление, и его уложили на лечение. Но кризис, похоже, миновал, ему разрешили выходить из палаты, принимать гостей. О Вадиме Александровиче я уже был наслышан как о человеке неординарном, истинном патриоте города, человеке страстном, увлекающемся. Он был инициатором и автором одного из проектов памятника Чкалову, организовал единственный на Дальнем Востоке музей авиационной техники... Кто ж такой всемогущий Романюк? Техник авиационного предприятия, избранный недавно народным депутатом Хабаровского краевого Совета.

Пришли мы к нему по делу. Романюк ратует за создание в Николаевске памятника адмиралу Степану Осиповичу Макарову, выдающемуся флотоводцу и ученому, жизнь которого тесно связана с городом. Семья Макаровых приехала сюда в 1858 году. Тогда же десятилетний Степа Макаров поступил здесь в Морское училище, которое оказало огромное воздействие на формирование его мировоззрения и характера. Успешно заканчивает училище. В свои семнадцать лет он вполне зрелый человек, подающий, по мнению воспитателей, большие надежды, о чем в Петербург пошло специальное ходатайство. Из столицы сообщили, что «за выдающиеся заслуги в науках Макаров Степан произведен не в пример прочим вместо кондукторов корпуса штурманов в гардемарины».

За спиной Макарова уже были Индийский, Тихий и Атлантический океаны, Балтийское море, мыс Доброй Надежды и Ла-Манш, когда он, молодой лейтенант, вновь побывал в Николаевске. Радостно встретился с друзьями, знакомыми, с преподавателями училища. Приехал на переломе своей судьбы. Задумал покинуть флот и перейти в гражданское пароходство. Его учитель Федор Якимов, один из просвещенных людей в тогдашнем Николаевске, веривший в необыкновенную «звезду» своего воспитанника, уговорил его остаться на военном флоте, сохранил Макарова для выдающихся свершений. Так, Николаевск снова дал путеводное «добро» будущему прославленному адмиралу, который вписал неповторимую страницу и в истории города. Но пока «слепую», не подтвержденную осязательными, наглядными свидетельствами. Таковым должен стать памятник Макарову.

Неугомонный Романюк добился соответствующего решения горисполкома, стал во главе организационной группы. Заказ на изготовление памятника получили хабаровчане — скульптор Эдуард Малоянский и архитектор Александр Мамешин. И место для монумента выбрано удачное — в прибрежном сквере. Здесь предполагается устроить историко-мемориальную зону, куда также вошли бы упомянутый обелиск в честь Невельского, мемориальный комплекс — могила красных бойцов и партизан, погибших в годы гражданской войны.

Словом, все были «за», но... где взять деньги? И немалые — 70 тысяч рублей. Город такими средствами не обладал. Обратились к жителям Николаевска. Первым откликнулось управление механизированных работ одного из строительных трестов — оно выделило пять тысяч рублей. Из проектно-строительного объединения «Нижнеамурскстрой» передали две тысячи рублей. Тысяча поступила от рабочих кирпичного завода. Работники просвещения города собрали огромную для них сумму в три тысячи рублей, постарались и работники здравоохранения...

Собрался и совет директоров городских предприятий, постановил помочь, но не дал ни рубля. Но это дело добровольное и нажимать на кого-либо нельзя. Что же делать? Не образовать ли городской фонд на социально-культурные нужды за счет отчислений от дохода заводов, фабрик, совхозов? Процент этот мизерный, почти незаметный для них, но в конечном итоге составит нечто, которое можно использовать по решению Совета директоров на чрезвычайную необходимость.

Вадим Александрович обратился в московские и иные ведомства и организации, которые должны бы быть заинтересованы в увековечении памяти легендарного флотоводца. Его призывы, пожалуй, принесли больше огорчений. Так, из штаба Балтийского флота ответили, что установку памятника в Николаевске считают... нецелесообразной?! Вот тебе и поддержка! Отказ последовал и от командования Черноморским флотом. Осталась хрупкая надежда на свой Тихоокеанский флот, командующим которого в начале русско-японской войны стал адмирал Макаров.

Для читателей, пожелавших принять участие в создании памятника, сообщаю счет: Хабаровский край, город Николаевск-на-Амуре, Центральный государственный сбербанк, № 16066, «На памятник Макарову». Всем откликнувшимся заранее приношу глубокую благодарность.

«Дело» Семеновой

В конце марта состоялось совещание работников культуры района. На нем были представлены городской Дом культуры, 25 сельских домов культуры и клубов, централизованное библиотечное объединение, куда входят 23 библиотеки, четыре музыкальные школы, парк, краеведческий музей, другие учреждения, в которых насчитывается около 170 специалистов, из них — 57 с высшим образованием. Проблем для обсуждения стояло множество, но разговор свелся к работе заведующей отделом культуры Надежды Константиновны Семеновой. Прошли выборы народных депутатов в городской Совет, и предполагалась смена исполнительной власти. Работники культуры решили выразить отношение и к своему руководству. Семенова, специалист с двадцатишестилетним стажем, занимала должность десять лет. Человеком она слыла знающим, энергичным. Совещание посчитало, что Надежда Константиновна должна остаться на прежнем месте.

Вскоре собралась сессия нового состава городского Совета. Переизбранный председатель исполкома Анатолий Евменович Лященский представил на утверждение депутатов свою «команду». На должность заведующей отделом культуры он рекомендовал Семенову. Его предложение вызвало бурные дебаты. Они были записаны на магнитофонную пленку, которую я прослушал несколько раз. Скажу прямо — критика работы Семеновой показалась мне подчас неубедительной и слишком эмоциональной. Семенову, например, обвиняли в том, что она не могла предотвратить раскол музыкальной школы на два самостоятельных коллектива, не могла погасить там «склоку». Но личными и творческими разногласиями среди сотрудников школы занималось краевое управление культуры и пришло к правильному, по-моему, решению — предоставить им возможность доказывать свою правоту делом, на разных конкурентных площадках. Вывод вполне современный, что можно ставить Семеновой даже в заслугу.

Упрекали Надежду Константиновну в увлечении административными и хозяйственными вопросами, в неспособности мыслить широко, оригинально, по-новому. Наверное, в этих замечаниях есть доля истины. Но наиглавнейшей проблемой культуры является плачевное состояние ее материально-технической базы. То, что Семенова взялась за это «главное звено», делает ей честь. Сейчас, как никогда, необходимы люди деловые, обладающие практической хваткой.

Кто-то даже заявил, что в городе «вообще нет культуры». С этой оскорбительной репликой никак нельзя согласиться. Критик, наверное, забыл о городской библиотеке, пользующейся добрым расположением своих читателей. Вероятно, не видел выступления национального ансамбля «Эри», известного далеко за пределами Хабаровского края, вокальных коллективов «Северянки», «Гармония» и «Реченька», танцевальных трупп «Амур» и «Северная песня»... А в Чныррахском доме культуры я сам побывал и был обрадован его работой и современным техническим оснащением, в «добывании» которого участвовал и городской отдел культуры...

Все это было забыто. Похоже, что выступавшие еще не остыли от предвыборных баталий, еще не овладели умением взвешенно и аргументированно спорить. Кандидатуру Семеновой отклонили. 37 депутатов проголосовало «против», 12 — «за», и 12 «воздержалось».

— Считаю, что никаких оснований для такого решения не было,— сказал мне заместитель председателя горисполкома Лев Викторович Щипанов. — Просто решили отыграться на ком-либо из бывших «аппаратчиков». И здесь, как видите, сработал остаточный принцип по отношению к культуре — ведь «зарубили» лишь кандидатуру заведующей отделом культуры и никакую иную...

Сразу оговорюсь. Ни в коей мере не собираюсь навязывать депутатам ту или иную кандидатуру. Решать, кто и чем будет руководить,— их законное право. Но не в Семеновой, оказывается, суть конфликта. Смею утверждать — в отношении к культуре вообще. Последующее событие это выявило четко. Очевидно, результаты обсуждения на сессии оставили у некоторых депутатов осадок неудовлетворенности. Один из них предложил вновь собраться работникам культуры, обсудить работу Семеновой и провести на этот раз тайное голосование. Так и сделали. Собрание прошло бурно и завершилось тайным голосованием. «За» Семенову — 137, «против» — 37. Поддержку Надежда Константиновна получила внушительную.

Но затем произошло нечто для многих (и для меня в том числе) непонятное — президиум горсовета не счел нужным даже рассматривать результаты собрания работников культуры. Без всякого объяснения или хотя бы извинения. Не пожелали — и все тут! В лучших традициях прошлого командно-административного времени. Вот тебе и демократия! Такое, мягко говоря, небрежное отношение к мнению большого отряда специалистов — симптом весьма настораживающий, и показывает выработанное десятилетиями, пока неистребимое «остаточное» небрежение к культуре.

Дважды я встречался с новым председателем Николаевского городского Совета Карлом Георгиевичем Бушем, недавним начальником морского порта, человеком открытым, откровенным, глубоко мне симпатичным. Но в оценке действий президиума горсовета мы разошлись. Буш утверждал, что опять «двигают» Семенову, я же настаивал на том, что грубо «задвигают» культуру. Сошлись на том, что необходим доброжелательный, непредвзятый и конструктивный диалог меж депутатами и работниками культуры. Вывод здравый, но как он будет воплощен в жизнь?!.

Не слишком ли я подробно рассказываю о «деле» Семеновой? Не частный ли это николаевский случай? Конечно, нет. Невнимательное, «остаточное» отношение к культуре сказывается в той или иной мере повсеместно. С самого «верха» — и вот до районного уровня. И с этого районного или городского «низа» нужно поворачиваться лицом к культуре. Прежде всего новым представителям Советской власти, которым сейчас многое дано. Однако для этого им необходимо, отбросив всяческие амбиции, научиться слушать и слышать, учитывать точки зрения других, даже если они не нравятся. Уметь убеждать фактами и аргументами, а не «рубить с плеча», не кричать, наслаждаясь вседозволенностью, «долой». Казалось бы, простейшая истина. Но как болезненно дается ее претворение в жизнь.

...Сейчас страсти вроде бы улеглись — лето, жара, отпуска, дачи, огороды, путина. Но осенью, очевидно, они вновь разгорятся. И по поводу очередной кандидатуры на должность заведующей отделом культуры, и вообще, чтоб «культура была для народа». Как бы в этой суматохе, в желании «поймать журавля в небе» не забылись конкретные проблемы.

Так, несколько лет идут разговоры о переводе краеведческого музея, обладающего прекрасными коллекциями, из неприспособленных для него помещений первого этажа жилого дома (что противоречит соответствующим инструкциям) в другие, более подходящие. Музей — «визитная карточка» города. С него начинают свое с ним знакомство туристы и гости, с него начинают формировать свое познание истории Отечества нашего дети и школьники, да и взрослым он приносит удовлетворение и пользу. Пока эта «визитная карточка» не радует.

Впрочем, так же, как и состояние парка культуры и отдыха, прибрежного сквера, а также дорог, мостовых, улиц, дворов. Проблема настолько острая, что на одной из сессий горсовета было предложено учредить чрезвычайную комиссию по благоустройству и наделить ее широкими полномочиями. А состояние городского Дома культуры? Создание собственного (не чьего-то филиала, как теперь!) бюро по путешествиям и экскурсиям — солидный источник доходов в городскую казну? А молодежная проблема?—Для ее решения депутатам нужно, по-моему, образовать особую комиссию. Впрочем, так же, как и для культуры. Сейчас она на положении «бедной родственницы» в комиссии по образованию, спорту, молодежи и... культуре...

Все-все, кончаю горестный перечень. Предвижу возмущенные голоса вроде: «Не надо нам указывать...». Заранее приношу извинения тем, кого ненароком обидел. Но я люблю свой родной Николаевск, хотел бы приезжать сюда на почтительный поклон, радоваться его прошлой славе и сегодняшним достижениям, гордиться ими. Только поэтому я и взялся за перо.

Евграф КОНЧИН.
(Наш спец. корр.).

НИКОЛАЕВСК-НА-АМУРЕ, Хабаровский край.

● *Вид на западную часть города.*
● *Обелиск Невельскому.*
● *Торговый дом Кунст и Альберс.*

Фото из архива краеведческого музея.

Славный род Муравьевых

Такой выставки доселе в нашей стране не было и, пожалуй, до недавнего времени не могло быть. Она открылась в Москве, в Музее декабристов — филиале Государственного Исторического музея, и посвящена 500-летию славного рода нашего Отечества — Муравьевым.

Летописные сведения гласят, что в 1488 году царь Иван III переселил в строптивый Новгород «своих людей». В их числе оказались сыновья Василия Олуповского — Иван Муравей, от которого и пошли Муравьевы, и Иосиф Пуща, основатель рода Пущиных.

Представлено около 500 экспонатов — архивных документов, рукописей, книг, миниатюр, фотографий, но главное — фамильных портретов, полученных из двадцати музеев, библиотек, архивных хранилищ, а также из семей Муравьевых. Не могу не назвать инициатора организации уникальной выставки и активного ее устроителя, филолога и переводчика Сергея Никитича Муравьева, представителя пятнадцатого поколения прославленной русской фамилии.

Из самых ранних портретов, которые показаны на выставке,— живописные изображения Николая Ерофеевича Муравьева кисти неизвестного автора, и его жены Анны Андреевны, написанные в 1768 году известным шведским мастером К.-Л. Христинеком. Всеобщее внимание привлекает знаменитый портрет генерала Н. Н. Муравьева, блистательно исполненный в 1817 году Н. Аргуновым. К тому же времени относятся портреты декабриста А. Н. Муравьева работы крепостного художника Ф. Тулова. Муравьевы увековечены в живописи П. Захарова-Чеченца и француза Ж.-Л. Монье, в акварелях П. Соколова, в гравюрах Н. Уткина, кстати, также из рода Муравьевых — его отцом был Михаил Никитич Муравьев. Наконец, в акварельных портретах декабристов Муравьевых, а их было восемь человек.

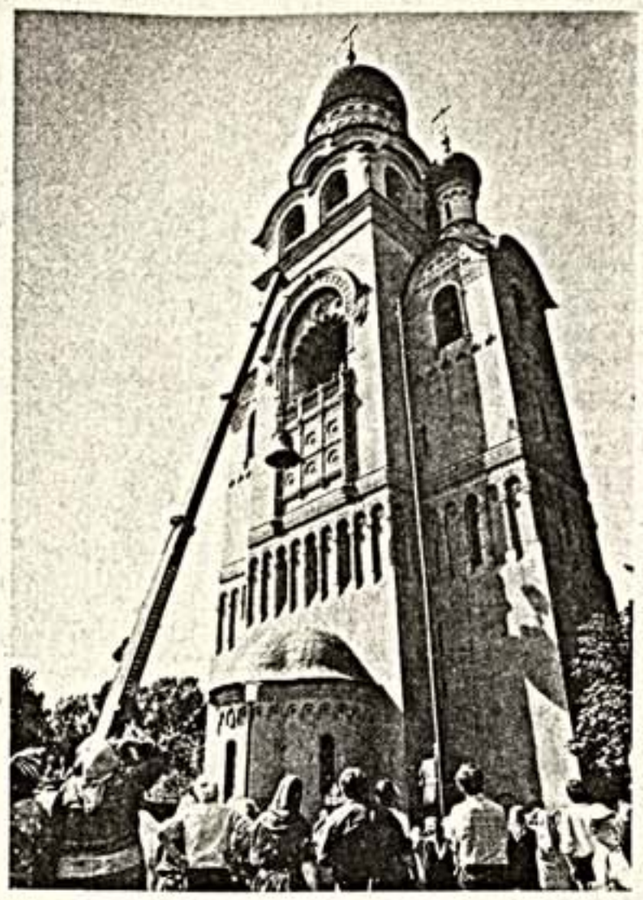
Многие портреты являются истинным открытием, настоящим откровением, ибо они десятки лет прятались в музейных запасниках и вот впервые преданы всеобщему обозрению. Естественно, мы открываем и людей, на них изображенных. Из тьмы былого на нас смотрят люди

давно ушедших эпох: известные нам и забытые министры и дипломаты, царедворцы и государственные «преступники», с графскими титулами и без оных, ученые, философы, литераторы. С писателем Андреем Николаевичем Муравьевым, книги которого показаны на выставке, Пушкин обменялся злыми эпиграммами, но потом они поладили. Другого Муравьева — поэта и переводчика Михаила Никитича — Александр Сергеевич упомянул в «Евгении Онегине».

Сам дом, в коем устроен Музей декабристов и где теперь размещена выставка, — также муравьевский. Он какое-то время принадлежал Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу. О нем и его сыновьях-декабристах вы также найдете на выставке интересные материалы.

Е. ВАСИЛЬЕВ.

● *МУРАВЬЕВЫ: Никита Михайлович, Николай Николаевич — будущий граф Муравьев-Амурский; Артамон Захарьевич.*



ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛОКОЛА

Колокол весом двести шестьдесят два пуда, отлитый в 1910 году в Ярославле «усердием потомственной почетной гражданки Феодосии Ермиловны Морозовой», вновь через шестьдесят лет займет свое место на второй по величине после Ивана Великого московской колокольне, что в Рогожском поселке.

Этот колокол, отнятый в тридцатых годах у старообрядческой церкви, по распространенной версии, был подарен Максимом Горьким театру Станиславского, где стал одним из «действующих лиц» спектакля «Царь Федор Иоаннович». Сегодня коллектив МХАТа решил вернуть колокол верующим, в Рогожский поселок, центр религиозной жизни Русской православной Старообрядческой церкви. Здесь состоялись торжественный молебен и освящение колокола, которые провел митрополит Московский и Всея Руси Алимпий.

Фото Н. Самойлова.

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...

Таможенники знали точно: в венгерском грузовике сегодня должен быть контрабандный груз. Но что это? В контейнере — доски. Более того, нестандарт, отходы производства. Зачем это нужно везти за границу, да еще с оформлением таможенных документов в Москве? После недолгой проверки все стало ясно: под горой пиломатериалов были спрятаны три большие коробки, в которых лежали сорок три старинные иконы.

Нити следствия привели сначала в Москву, затем в Ленинград. Вскоре в городе на Неве при обыске на квартире супругов Малышевых, уже однажды отбывавших наказание за подобного рода деятельность, были изъяты двести тридцать четыре иконы, немало другой ценной церковной утвари, несколько высокохудожественных полотен известных художников, пять видеомагнитофонов, иностранная валюта и много других ценных вещей — всего более чем на миллион рублей.

Так был завершен один из этапов операции «Икона». Следствие по делу продолжается...

Подобное — не редкость в повседневной работе таможенников наших западных рубежей. В этом я смог убедиться, побывав на нашей границе с Венгрией в Закарпатье и во Львовской области — с Польшей.

И разговор наш с чопскими таможенниками начался вот с чего. Мое внимание они обратили на примечательную деталь: раньше начальник таможенной службы страны был, как правило, представителем царской фамилии. А за взимание мзды, проще за взятку, казнили тут же, на таможне.

Не к казням и царским порядкам призывали товарищи, а к осознанию былого значения таможенной службы державы. Не знаю, как в те далекие времена, а сегодня только чопская таможня принесла в прошлом году 12,9 миллиона рублей в государственную казну. Могла бы и больше. Вклад таможенных служб США в госбюджет страны, говорят, составляет едва ли не пятую его часть. Я не поверил, но два таких авторитетных товарища, как начальник чопской таможни Ю. Шляхта и его заместитель В. Ходзинский, говорили об этом в один голос: данные, мол, общеизвестны. И тут же привели массу примеров того, какая там «у них» техника. Специальные камеры, которые просвечивают насквозь любые супергрузовики, вертолеты, телеустановки... Здесь, правда, тоже получили технику: автопогрузчик, чтобы можно было выборочно разгрузить для проверки тот или иной автофургон. Но состояние этой чудо-техники таково, что пожарники запрещают ее держать в гараже — пожароопасен. Так что пока одна надежда на самого таможенника, его способности, профессиональный опыт, честность...

И если это есть — можно рассчитывать хоть на какой-то возможный в этих условиях результат. Но и здесь факты, в которые невозможно было бы поверить, если бы они не были фактами. По данным Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР, четыре года назад в этом ведомстве работали 2.5 тысячи человек. Сейчас около 8 тысяч. Там же нас уверили, что через три года эта цифра удвоится (для примера скажем, что в соседней Польше сегодня уже 27 тысяч таможенников). Узнать бы, куда уже направили и еще направятся новоиспеченные таможенники — непосредственно к границам или в кабинеты главного и только что созданных республиканских управлений? Безусловно, это хорошо, что сегодня наконец-то созданы республиканские управления государственного таможенного контроля СССР на Украине, в Белоруссии и Грузии. Ждут, наверное, своего часа Россия, другие приграничные республики. Возможно, мы со временем введем пошлину, регулирующую вывоз товара, импортный налог...

А пока на границе плохо до безобразия. Плохо и нашим советским, и зарубежным гражданам. Сутки-двое, как в таборе. Ждать очереди — в машине, еда — свои запасы, туалет — в кювете. Пропускная способность контрольного пункта 400—500 автомобилей в сутки, а их проходят в десять раз больше.

А раз непорядок, вступает в силу известный закон: в мутной воде легче ловить рыбку. Чего только не увидишь среди конфискованного. От автомобилей и микроавтобусов самых различных инномарок до детских отечественных трехколесных велосипедов и надувных цветных шариков.

Но есть у проблемы и другая сторона медали. До сих пор нет в нашей стране развитой сети небольших скупочных магазинов для особо ценных вещей. Не только антикварных, которым население почему-то не очень доверяет. Но таких, куда можно было бы при сложившихся обстоятельствах без боязни, что тебя надуют, везти старинную икону, другую уникальную вещь. Есть подобные магазины в Италии, Австрии, ФРГ, Франции... Платят там, правда, не рублями. А может, и нам стоит, если вещь того стоит, не рублями?

С. ЯЦЕНКО.

(Наш соб. корр.).

МОСТИСКА — ЛЬВОВ — ЧОП — УЖГОРОД.

● *Начальник чопской таможни государственный советник таможенной службы III ранга Ю. А. Шляхта (в центре) у икон, конфискованных у контрабандистов.*

Фото В. Ларкина.

СИТУАЦИЯ

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА

Я не первый человек, который пытается помочь Эльхану Сулейманову. Заботой о его судьбе уже так или иначе прониклись народные депутаты СССР А. Капто и Н. Игнатович, А. Лиханов, В. Горбатко, З. Смолина, Р. Ибрагимова, З. Рустамова, Л. Кравченко, Е. Геер, З. Пухова и другие. Он обращался также в центральные газеты и журналы, Комитет по законодательству Верховного Совета СССР, Прокуратуру СССР, республиканское и союзное министерства культуры.

И знаете, какая складывается типичная, к сожалению, для нашей сегодняшней жизни картина? Что если даже справедливость с помощью усилий многих людей и торжествует на бумаге, то на деле — увы! — равнодушные чиновники и те, кто стоит за ними, по-прежнему сильны и «правят бал».

Но обратимся к фактам. Приказом ВРИО начальника управления кинофикации Бакинского горисполкома Д. Кули-Заде № 18 от 4 апреля 1989 г. директор кинотеатра имени Низами Сулейманов освобожден от занимаемой должности. Ему вменяются «серьезные нарушения правил эксплуатации киносети, финансовой дисциплины, бесконтрольность за действиями подчиненных, однократное грубое нарушение трудовых обязанностей».

В чем же обвиняется отец четверых детей, четверть века проработавший в культуре, а с 1984 года ставший директором одного из престижных кинотеатров столицы?

В январе прошлого года по договоренности с руководством управления кинофикации Бакинского горисполкома молдавские кооператоры привезли в город для демонстрации фильм «Воры в законе» хозрасчетной киностудии «Ладья». Как и положено, управление кинофикации составило с кооператорами договор, где оговаривались все коммерческие вопросы. Для перворазрядного кинотеатра имени Низами были официально определены следующие цены: 1 рубль (две серии) стоил билет кинотеатра и полтора рубля — билет кооператива, в стоимость которого входила оплата встречи с творческой группой. Также оговаривалось, что кооператоры получают деньги наличными (Э. Сулейманов настаивал на погашении денег через банк). Но тем не менее руководство, придерживаясь договора, распорядилось оставить все по-прежнему. Расчеты с кооператорами проводились во время болезни директора. Все соответствующие документы были оформлены. Правда, в связи с неявкой получателей вовремя выручка находилась в кинотеатре до 26 января.

В приказе же, изданном более чем два месяца спустя, говорится, что 17 января 1989 года с ведома Э. Сулейманова, без согласования с управлением кинофикации кинотеатр получил 20 тысяч кинобилетов от кооператива «Ритм» не только для себя, но и для реализации в кинотеатрах «Баку», «Севиндж» и имени Нариманова.

И сразу начинаются вопросы. Кинотеатру имени Низами никак не подведомственны остальные кинотеатры, и он не уполномочен получать билеты на всех. Иное дело, что старший кассир Э. Шальмиева, совмещавшая работу в кинотеатре и управлении кинофикации, по распоряжению бывшего начальника управления т. Мирзоева получила все билеты и раздала их представителям других кинотеатров.

Таким образом, к организации проката фильма «Воры в законе» Э. Сулейманов имел отношение лишь как исполнитель вышестоящей инстанции. Мог ли он не подчиниться указанию?

«В связи с вашим запросом в Госкино СССР разъясняем, что согласно Правилам проката кинофильмов, утвержденным приказом Госкино СССР № 440 от 23.9.75 г. новые кинофильмы включаются в репертуарные планы в соответствии с решением репертуарной комиссии, возглавляемой управляющим конторой кинопроката. В состав репертуарной комиссии входят начальник управления кинофикации и представитель совпрофа. Киноаренды и киноустановки снабжаются кинофильмами в точном соответствии с репертуарным планом. Они не имеют права отказываться от демонстрирования кинофильмов, предусмотренных репертуарным планом...

Одновременно сообщаем, что реализация и прокат фильма «Воры в законе» были организованы его владельцем — экспериментальным творческим объединением «Ладья» Киностудии имени Горького»,— разъяснял первый заместитель начальника Главного управления кинопроката Госкино СССР Л. Веранса.

Быть может, нужны еще доказательства того, что не Э. Сулейманов был главным действующим лицом в этой истории? Пожалуйста — 19 и 20 января 1989 года газеты «Баку» и «Бакинский рабочий» дают киноанонс о демонстрации «Воров» в четырех кинотеатрах за подписью управления кинофикации Бакгорисполкома.

Пойдем дальше. Разве Э. Сулейманов получал пресловутые 20 тысяч кооперативных билетов? Нет, их получила работница управления кинофикации. Так какой же с него спрос? Разве по его вине в творческой группе исполнителей вместо четырех оказался один исполнитель? Только руководители городской кинофикации и только они, заключившие этот договор, обязаны были его опротестовать из-за нарушения отдельных пунктов.

Так какой еще пункт обвинения остался? «Бесконтрольность за действиями подчиненных». Но ведь за время демонстрации фильма, насколько известно сочинителям приказа, в кинотеатре имени Низами никаких чрезвычайных происшествий не произошло. Из чего же тогда родилось «однократное грубое нарушение» директором трудовых обязанностей? За что человек снят с работы? Более того, дело как на него, так и на других директоров кинотеатров и старшего кассира Э. Шальмиеву, было передано в прокуратуру Октябрьского района Баку.

«...в возбуждении уголовного дела отказано за отсутствием в данных состава преступления», — сообщает прокурор района С. Мирзоев.

Но кому-то очень нежелательно восстановить доброе имя человека и вернуть его на прежнее место работы.

Отдадим должное районной прокуратуре. Расследование обстоятельств дела велось углубленно и длилось почти год, так как пришлось искать «концы» кооператоров в... Кишиневе. За это время Сулейманов, пытаясь доказать необоснованность своего увольнения, написал в различные инстанции и средства массовой информации шесть тысяч (!) писем. Естественно в Баку пошли запросы народных депутатов и редакций, куда он обращался с просьбой разобраться с этим делом и дать исчерпывающую информацию.

Что должны были отвечать местные руководители, причастные к этому делу, зная, что оно находится в прокуратуре и заключение о виновности Э. Сулейманова еще не вынесено? Так и отвечать, ибо их собственные вердикты, не подтвержденные законом, могли рассматриваться как введение общественного мнения в заблуждение.

Однако... За два месяца до окончания расследования заместитель министра культуры Азербайджана Ф. Шекинский сообщает: «Приказом по управлению № 65 от 23 июля 1985 года за непринятие мер по обеспечению плановых заданий ему было объявлено замечание, приказом по управлению № 23 от 26 марта 1986 года за невыполнение плана по кинообслуживанию зрителей объявлен выговор, приказом по управлению № 102 от 21 января 1986 года за низкий уровень работы с фильмами отечественного производства объявлен строгий выговор.

Планы в 1986, 1987, 1988 гг. кинотеатром не выполнялись».

Позвольте вам напомнить, уважаемая заместитель министра, что в 1987 г. кинотеатр с 1 января по 23 мая был закрыт на капитальный ремонт, сделанный впервые чуть ли не за полвека, и все-таки план был выполнен на 101 процент. Что в 1988 году с 1 января по 23 ноября план выполнен на 89,2 процента, а затем с 23 ноября 1988 г. по январь 1989 года кинотеатр был закрыт по известным всем нам трагическим событиям.

А выполнила ли в это время планы по кинообслуживанию вся республика? Не говоря уж о том, что невыполнение плана—увы!—характерно нынче не только для кинофикации, и не с нее, видимо, надо начинать оздоровление нашей экономики столь карательными мерами.

Но переписка все множится и множится. И вот через два месяца после заключения прокуратуры Октябрьского района г. Баку «заявитель» получает ответ секретаря ЦК профсоюза работников культуры Т. Огородовой, где, кроме известных нам формулировок о том, что увольнение его «следует считать обоснованным и соответствующим нормам трудового законодательства», возникает еще одна подробность: «Для сведения сообщаем, что заявления т. Сулейманова Э. С. были проверены редакцией газеты «Советская культура» и комиссией Министерства культуры СССР, которые подтвердили обоснованность увольнения заявителя».

Подобных отписок собралось немало. Вот начальник Управления кадров, учебных заведений и научных учреждений Министерства культуры СССР Л. Тютюнов уведомляет: «Выезжавшая в г. Баку совместная бригада Министерства культуры СССР и Госкино СССР в составе тт. Леденева Ю. В. — старшего преподавателя кафедры экономики культуры и правовых знаний Всесоюзного института повышения квалификации работников культуры, кандидата юридических наук Голеца А. Н.— главного специалиста Главного управления кинопроката Госкино СССР внимательно изучила документы и обстоятельства Вашего увольнения и пришла к выводу, что ваше увольнение было произведено обоснованно и без процедурных нарушений».

Довольно странно, правда, что столь авторитетные посланцы, как утверждает Сулейманов, ограничились десятиминутной беседой с ним. Доверившись информации столь «авторитетной комиссии», министр культуры СССР Н. Губенко ответил на запрос депутата Е. Геер: «Комиссия, выезжавшая в республику, считает, что увольнение т. Сулейманова Э. С. было произведено обоснованно».

Ну а теперь о позиции «Советской культуры», о которой упоминает Т. Огородова, призванная работников культуры защищать если не по велению души, то хотя бы в силу занимаемой должности. Как видите, мы свое расследование не закончили. Руководство редакции, ознакомившись с представленными Сулеймановым письмами, документами и ходатайствами народных депутатов СССР, обратилось к Генеральному прокурору СССР А. Я. Сухареву с просьбой проверить, насколько соответствуют закону действия местных властей и принимаемые ими решения.

«Поскольку нарушения, выявленные при демонстрации кинофильма «Воры в законе» и послужившие основанием для увольнения, допускались по указанию или с ведома вышестоящей организации [Управлением кинофикации]. Прокуратурой СССР направлено письмо в Министерство культуры СССР, в котором предложено решить вопрос о восстановлении Вас на работе»,— сообщил Сулейманову начальник управления, государственный советник юстиции 3-го класса Ю. Овчинников 21 мая с. г.

Однако до сих пор Э. Сулейманов в должности не восстановлен. Мне могут сказать, что Сулейманову не грозит участь безработного. Ему предлагали должности старшего методиста в кинотеатре, художественного руководителя Дома культуры поселка Патамдар, режиссера республиканского центра культуры. Наиболее удивительными представляются в этом смысле строки из письма заместителя прокурора Азербайджанской ССР Н. Пустовита 26.10.89 г.:

«...По этим причинам нет оснований вынести протест о Вашем незаконном увольнении.

...В дополнение сообщаем, что Министерство культуры республики в своей системе может обеспечить вас работой с аналогичным окладом» (разрядка моя. — Н. П.).

Так что же получается? С одной стороны, человек вроде бы отпетый нарушитель, а с другой—республиканская прокуратура обещает ему должность с прежним окладом. Это чтобы не жаловался? Не защищал свою честь? На чей же это камень нашла коса Сулейманова? Хотя, как известно, самый трудный экзамен для человека—это испытание властью, самый тернистый путь — это путь к истине...

Ирина ПИРОГОВА.

(Спец. корр. «Советской культуры»).

КОНКУРС

Испанский вариант

В Барселоне, где летом 1992 года пройдут Олимпийские игры, появился новый музей. Он разместился в красивом особняке XV века и получил название «Дворец геммалогического искусства».

Что выставлено в нем? Пока ничего. Но постоянная экспозиция уже формируется: в день торжественного открытия музея его административный совет объявил международный конкурс, участвовать в котором может каждый желающий. Скульпторам всех стран предлагается на выбор три темы: «Воспоминание об архитекторе Антонии Гауди», «Барселона-92. Спорт», «XXI век. Будущее». Лучшие работы, отобранные специальным жюри, получат место в залах дворца (а заодно и солидные денежные вознаграждения).

Каковы же условия конкурса? На первом этапе его участники высылают в адрес музея свои биографические данные, каталоги уже выполненных работ, а также эскизы и снимки тех произведений, которые планируется представить на суд жюри, особо отметив, какие геммы в них предполагается использовать и какие фрагменты должны быть отлиты из золота и серебра.

Тот, кто пройдет предварительный отбор, получит из Испании соответствующее уведомление. В нем вместе с просьбой отправить в Барселону ту или иную работу, уже выполненную из гипса, алебастра или подобного материала, будет содержаться и указание о том, какие драгоценные металлы и камни автору выделяются. Кстати, вес скульптуры не должен превышать 10 кг, а высота — 60 см, изготавливаться они по присланным оригиналам будут испанскими ювелирами.

Первая фаза конкурса скоро завершится. Поэтому желающим принять в нем участие не следует затягивать с творческим процессом и постараться выполнить эскизы в течение ближайшего месяца. Отправлять же их в Испанию можно либо самим (адрес Дворца геммалогического искусства такой: А. С. 5.624, 08080, Барселона), либо через Олимпийский комитет СССР, куда можно позвонить по телефонам: 201-10-96, 201-17-60.

Ю. ТИТОВ.

Реваз Шалвович ТАБУКАШВИЛИ

Наша многонациональная культура понесла тяжелую утрату. На 63-м году жизни скончался видный советский писатель, кинорежиссер, общественный деятель, член Верховного Совета СССР Реваз Шалвович Табукашвили.

Р. Ш. Табукашвили родился в 1927 году в Тбилиси. Высшее образование получил в Московском государственном институте международных отношений. Уже в студенческие годы проявилась склонность Р. Табукашвили к литературному труду. В середине 40-х годов началась его творческая деятельность. Широкую популярность в Грузии ему принесли пьесы, художественные кинофильмы, поставленные по его сценариям. Документально-художественные ленты «Светлый след», «Альпийская звезда», «Далекое — близкое» и другие публицистические кинопроизведения вошли в золотой фонд грузинской культуры. Р. Табукашвили известен и как переводчик произведений В. Шекспира.

Творчество лауреата Государственной премии Грузинской ССР Р. Табукашвили отличает оптимистическое мироощущение, гуманистический пафос, высокий патриотизм. Он является автором проекта международного исследовательского центра по изучению культурного достояния грузинского народа.

Р. Ш. Табукашвили многие годы являлся секретарем правлений Союза писателей и Союза кинематографистов Грузии, был активным пропагандистом советской многонациональной культуры.

Память о замечательном художнике-коммунисте, патриоте-интернационалисте Ревазе Шалвовиче Табукашвили навсегда сохранится в сердцах советских людей.

М. С. Горбачев, Г. Г. Абашидзе, Н. В. Абашидзе, Т. Е. Абуладзе, Ч. Т. Айтматов, Г.Г. Гумбаридзе, Н. Н. Губенко, В. Г. Гургенидзе, А. Я. Дегтярев, А. С. Дзасохов, В. А. Ивашко, А. С. Капто, В. В. Карпов, Э. Г. Кинчев, В. Г. Лордкипанидзе, Г. Д. Лордкипанидзе, А. И. Лукьянов, М. М. Мачавариани, Р. Н. Нишанов, В. Г. Распутин, Н. И. Рыжков, Д. Н. Худоназаров, Н. А. Читанава, Р. Д. Чхеидзе, Э. А. Шеварднадзе, Э. Н. Шенгелая.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

НАШ АДРЕС: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73
Телефоны: для справок — 285-78-02, отдел писем — 214-61-22.

Газета выходит по субботам

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

Индекс 50126.
Тираж 735000.
Тип. № 11288.